

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3 / 2012

серия
**ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ:
ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА**

Екатеринбург
2012

УДК 81'27:81'23
ББК Ш 100.3
У 68

Редакционная коллегия:

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»:
Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.
(Уральский государственный педагогический университет)
Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.
(Уральский государственный педагогический университет)
Н.А. Воробьева, канд. филол. наук, доц.
(Уральский государственный педагогический университет)
П.А. Лекант, д-р филол. наук, проф.
(Московский государственный областной университет)

У 68 Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический универси-
тет». – Вып. 3. / Гл. ред. Т.А. Гридина – Екатеринбург,
2012. – 268 с.
(*Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика
креатива». Вып. 21*)

В сборнике представлены статьи, посвященные анализу лингвокреативных механизмов речевой деятельности: характеризуется творческая природа детских инноваций, языковое развитие детей-билингвов; анализируются креативные практики языковой личности: научный идиостиль ученого; проблемы терминообразования; механизмы создания смехового эффекта в малых речевых жанрах; прием речевой маски; обсуждаются феномен «дефектного текста», экспериментальные техники обучения текстовой деятельности в школьной практике; проявление творческого начала в педагогической коммуникации; специальный раздел посвящен лингвокультурологическим аспектам языкового креатива.

Ответственные за выпуск: Т.А. Гридина, Н.А. Воробьева.

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2012
© Уральский филологический вестник, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВОГО КРЕАТИВА

<i>Гридина Т.А.</i> Языковая «реальность» как факт детского сознания.....	6
<i>Купина Н.А.</i> Креатемы в речи детей.....	22
<i>Кусова М.Л.</i> Параметризация в речи детей младшего дошкольного возраста.....	28
<i>Шапор И.П.</i> Специфика репрезентации динамических пропозиций в детской речи.....	34
<i>Моргунова Л.А.</i> Инновации восприятия речи как проявление лингвокреативной деятельности ребенка.....	40
<i>Калужникова Т.И.</i> Интонационное содержание ономастопей в детском спонтанном пении.....	44
<i>Чиршева Г.Н.</i> Межязыковые инновации в речи американских русских детей.....	50

КРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

<i>Михайлова О.А.</i> Креативность в терминологии (на материале «эмических терминов»).....	55
<i>Голованова Е.И.</i> Игровое начало в научном дискурсе М.В. Панова.....	59
<i>Ракитина С.В.</i> Творческий диапазон ученого как языковой личности (на материале) работ В.И. Вернадского).....	64
<i>Рут М.Э.</i> Языковая личность филолога: извилистые тропы литературных ассоциаций.....	69
<i>Латто М.А.</i> Языковая игра в самоидентификации как стратегия компенсации повреждения «лица» говорящего и слушающего.....	73
<i>Шпильман М.В.</i> Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок.....	78
<i>Вепрева И.Т.</i> Метаязыковой взгляд на русский анекдот.....	83
<i>Беглова Е.И.</i> Текстобразующая роль фразеологических единиц в малых речевых жанрах.....	88
<i>Лаврова Н.А.</i> Контаминация и паронимическая аттракция.....	93

<i>Муль И.Л.</i> Игровой лингвистический код частушки: механизмы, приемы и функции	100
<i>Упоров А.А.</i> Метафоры необычного как проявление речевой креативности	105
<i>Тонкова Е.Г., Толькина Н.В.</i> Лингвокреативная деятельность производителей товаров для детей и подростков.....	109
<i>Фомина Ю.С.</i> Роль коммуникативно-деятельностных потребностей в формировании языкового и неязыкового сознания личности.....	114
<i>Олешков М.Ю.</i> Эмоциональность педагогического дискурса в аспекте креативности.....	119
<i>Кондрашина А.А.</i> Педагогический дискурс: аксиологический стереотип и лингвокреативная практика учителя	124
<i>Руденко Ю.А.</i> Методические аспекты усовершенствования лингвокреативной деятельности будущих воспитателей детских дошкольных учреждений	129
<i>Попова Т.В.</i> Лингвистика дефектного текста	133
<i>Гоголина Т.В.</i> Креативный потенциал поэтического текста: пунктуация и смысл.....	139
<i>Пятова Е.А.</i> Психолингвистический эксперимент как метод работы с текстом картины мира Ксении Некрасовой.....	147

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Белякова С.М.</i> <i>Сталкер</i> : имя судьбы и судьба имени	153
<i>Бекасова Е.Н.</i> Креатив на грани языков	158
<i>Ваулина И.А.</i> Аспекты восприятия экспрессивного слова: экспериментальные данные	163
<i>Воробьева Н.А.</i> Фразеологические варианты в свете креативной речевой деятельности диалектоносителей	170
<i>Гридина Т.А., Ли Сюдуань</i> Фразеологические номинации с темпоральной семантикой в русском и китайском языках: проблема эквивалентности	175
<i>Демидова К.И.</i> Культурно-дефинированные психологические структуры в сознании диалектоносителей и их отражение в смысловой структуре слова	181

<i>Ерофеев К.Г.</i> Современное состояние ономастического пространства сквозь призму креативной практики языковой личности.....	188
<i>Ефимова О.П.</i> Об экзистенциальных особенностях кокни.....	192
<i>Зуева Т.А.</i> Паремииологический фон слова «друг» в свете показаний языкового сознания.....	197
<i>Кирилова И.В.</i> Стилистические синонимы в семантическом поле «Нечистая сила».....	203
<i>Ковальска Э.Х.</i> Современная языковая ситуация в смешанных семьях: исследование многоязычия.....	207
<i>Коновалова Н.И., Ян Кэ</i> Метафорический параллелизм в русских и китайских паремиях.....	211
<i>Курбангалеева Г.М.</i> О некоторых особенностях функционирования лексики русских говоров Башкирии.....	218
<i>Лавкова И.В.</i> Лексемы <i>соборность</i> и <i>коллектив</i> в современном языковом сознании.....	223
<i>Мелихова М.А.</i> Метафорический перенос как средство обогащения современного русского языка славянизмами.....	227
<i>Николенко О.Ю.</i> Лингвистическое изучение феномена родства.....	232
<i>Попова Л.Г.</i> Лингвокреативная деятельность и культурная память слов.....	238
<i>Семенов А.Е.</i> Концепт «небо» в русской языковой объективации: методика интерпретации.....	241
<i>Харламова М.А., Сафонова Н.С.</i> Мужу сестра золовушка (о концептуализации <i>женщины</i> в говорах Среднего Прииртышья).....	245
Сведения об авторах	252
SUMMARY	258

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВОГО КРЕАТИВА

Т.А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

ЯЗЫКОВАЯ «РЕАЛЬНОСТЬ» КАК ФАКТ ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: В статье анализируются типичные проявления спонтанной и осознанной игровой активности ребенка, предлагается типология словотворческих инноваций детской речи. Автором выдвигается идея необходимости разработки принципов интерпретации детских инноваций, адекватных реальности языкового сознания ребенка.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, ассоциативный потенциал слова, инновации детской речи, языковое сознание ребенка.

Говоря о креативной функции языка, невозможно обойти стороной сферу детской речи, где язык каждый раз как бы заново рождается, открывается со стороны тех безграничных возможностей, которые позволяют использовать его как средство выражения мысли. «Вынужденная» креативность ребенка, обусловленная дефицитом его когнитивного и собственно речевого опыта, опирается на неостребованный узусом и нормой потенциал языковых форм и значений. В этом смысле вербальная креативность есть проявление так называемого языкового чутья (языкового инстинкта), что позволяет ребенку усваивать язык не поэтапно, а в опоре на некие самостоятельно выведенные на основе освоенных образцов «системные» правила, распространяемые на все подобные случаи без исключения. Этот процесс вполне коррелирует с основным принципом лингвокреативного мышления – порождением нового на основе установления ассоциации с уже познанным (или законом апперцепции). И именно ассоциативный потенциал слова, актуализируемый конкретным ребенком в соответствии с достигнутым уровнем когнитивного и языкового развития, составляет специфический ментально-языковой «субстрат» детских инноваций. От-

метим при этом, что следование тому или иному «алгоритму» слово-, формо-, речепорождения носит эвристический характер, обусловленный целым рядом универсальных, индивидуальных и уникальных факторов развития личности.

Постигая значения языковых знаков, ребенок «вытягивает» из них то, что соответствует его «собственному» пониманию, его познавательному опыту. Маленький ребенок легко может уподобить работу слона *клюву* (*Какой у слона клюв большой!*), назвать аиста *жирафом* (*Аист – это жираф, только птица она*). Однако даже очевидные парадоксы детской логики обнаруживают тот факт, что именно язык задает ребенку некую возможность первичной категоризации познаваемых явлений: с помощью перенесения известной номинации на в чем-то сходный объект. Так, «хобот, подобно клюву птицы, служит слону для добывания пищи». А «образная» аналогия, позволяющая ребенку выразить свое представление об аисте через сравнение с жирафом, поражает попаданием прямо «в яблочко»: ведь птица с длинными ногами и высокой шеей, действительно, своего рода «жираф» среди себе подобных. В таких своеобразных детских дефинициях отражается тесная сопричастность явлений разных сфер действительности, формирующих «сверхнаивную» (по определению Н.И. Лепской) картину мира ребенка.

Так называемые **лексические сверхгенерализации** или факты **сдвинутой референции** (термин Е.С. Кубряковой) демонстрируют актуальную для детей технику «компенсирующей» номинации на основе ассоциативных переносов по сходству и по смежности, способность ребенка «мыслить образной аналогией» (К. Штумпф). Ср. *брить барана* (вместо *стричь*); *деревья в гольфах* (о побеленных стволах деревьев); *голова вскипилась и лицо плачет* (о проявлениях высокой температуры); *картошка плюётся* (о кипящей воде в кастрюле, где варится картошка), *червивый* (о поцарапанном пальце) и т.п.

Многочисленные **модификации** детьми уже существующих слов «взрослого языка» – еще одно яркое доказательство самобытности функционирования языка в сфере детской речи. Каждое наименование ребенок словно пропускает через индикатор соответствия языковой формы тому представлению о предмете, которое она должна, по его мнению, отображать. «Нелогичные» или неясные по своему происхождению наименования корректируются, получая мотивированность, обоснованную связь с обозначаемым: не *белка*, а *рыска* (ведь она не белая, а рыжая), не *перочинный* нож, а *оточительный* (ведь никакие перья им не чинят), не *резиновые* сапоги, а *грязиновые* (в них по грязи ходят), не *бенгальские*, а *мингальские* огни, не *бормашина*, а *боль-*

машина или *бррр-машина*, *скрипый голос* (потому что он *скрипит*), не *диван*, а *лежан* (потому что на нем *папа лежит*) и т.п. Такого рода уточняющие реноминации составляют особый пласт детской речи, образующий систему собственных (отличных от узуса) средств обозначения, в той или иной степени представленную в лексиконе каждого конкретного ребенка. Встречаются и повторяющиеся, универсальные номинации типа *каметник*, *копата*, *гребло*, *гудильник* и т.п., зафиксированные еще К.И. Чуковским и ставшие своего рода маркерами детского языка.

Рефлексия над мотивированностью наименования – свидетельство активного отношения ребенка к постигаемой языковой «реальности» и одна из ведущих стратегий усвоения связи между формой и значением слова в онтогенезе: в основе этой стратегии лежит возникающая в сознании ребенка ассоциация по созвучию и / или по смыслу между знакомым и незнакомым словом. Установление таких ассоциативных связей может иметь чисто формальный или семантически обоснованный (с точки зрения ребенка) характер. Парадоксальная мотивация и семантизация незнакомых детям слов – это не что иное как версия, «догадка» о том, названием чего является данное слово. Отвечая на этот вопрос, ребенок подыскивает среди набора известных ему наименований то, что могло бы «подсказать» смысл неизвестного (непонятого) слова. Ср., например: *пенаты* – те, кто всех *пинает*; *гориллы* – *горелые обезьяны*; *замиевые сапоги* – те, в которых *замуж* выходят, *грузин* – грузчик и т.п. Действуя в данном случае «наугад», методом проб и ошибок, ребенок чаще всего попадает не в ту «мишень» (значение или мотивированность, приписываемые слову, не имеют ничего общего с его реальным происхождением и содержанием). Вместе с тем даже парадоксальная мотивация показывает нереализованный потенциал семантического наполнения слова. В самом деле, почему *пломбир* – это мороженое, а не зубной врач (тот, кто пломбы ставит); почему нельзя предположить, что *графин* – это муж графини, а *гусеница* – жена гуся; *канцелярские крысы* – не работники канцелярии, а *крысы*, которые заводятся в *письменном столе*; *голень* – часть ноги, а не *голый живот*, *голландцы* – жители Голландии, а не те, что забивают *голы*, *рубка* – помещение на корабле, а не место, где что-то *рубят* и т.п.?

Языковые модели допускают неединственную «интерпретацию», и этот факт находит отражение не только в наполнении узуальных слов новым (потенциальным) смыслом, но и в уточнении мотива номинации в соответствии с актуальными для ребенка признаками обозначаемого. Ср. *батагрея* (вместо *батарея*), *громкофон* (вместо *микрофон*), *голоножки* (вместо *босоножки*). Часто уточнение мотивиро-

ванности слов выражается в достраивании детьми ряда недостающих тематически связанных номинаций или подбора оппозиита (синонима или антонима) к имеющемуся слову: ср. «детские» инновации типа *желтинка* как разновидность *мандаринки* (потому что мандаринка должна быть *красная, а эта желтая*); *краснила, синила, зеленила*, восполняющие информативную недостаточность внутренней формы слова *чернила* (ведь существуют не только *черные*, но и *синие*, и *зеленые*, и *красные* чернила). Аналогичны причины переименований типа *красняк, зеленык, желтык* на основе ситуативного уточнения значения слова-прототипа *синяк* (каждое из названий указывает на соответствующую стадию развития кровоподтека). Или: *горячедильник* как антоним к *холодильник*, ср. также *голодильник* – пустой холодильник); *гуляш – беляш* (съеденный на улице во время прогулки) как ситуативно значимое для ребенка противопоставление узуальной и собственной номинации и т.п.

Для ребенка – с его «номинативным реализмом» – слово воспринимается как неотъемлемая часть обозначаемого, как собственно один из признаков самого предмета. Ребенок-буквалист протестует также против слишком «общих» (родовых) названий. Ср.: *наесться, напиться* и детские *намакарониться, накоптиться, начаяться* (соответственно «наесться макарон», «напиться компота, чая»); *рыбный* магазин и *ракный* магазин (буквально «магазин, в котором продают раков»: *Будете проходить мимо ракового магазина, купите мне раков!*). Для «взрослого» языкового сознания такая конкретность мотивировочного признака неактуальна ввиду того, что в языке действует принцип условности номинации (признак, отраженный внутренней формой, как известно, не покрывает всего значения слова и лишь задает один из возможных ракурсов восприятия называемого объекта).

Уточняющая реноминация касается и тех случаев прояснения мотивированности наименования, которые отражают специфический взгляд ребенка на объект, особенности детской «сверхнаивной» картины мира: *вихраер* – парикмахер (буквально «тот, кто стрижет *вихры*»; непослушные вихры торчат обычно у мальчишек, и функционал профессии парикмахера сужается именно до объема этого актуального для ребенка признака); *папонки* – запонки, которые носит *папа*; то, что запонки вообще принадлежность мужской одежды, пока еще не входит в фокус актуальных для ребенка компонентов значения данного слова), ср. также: *эльбом* – альбом для Эли (подаренный, принадлежащий ей); *баллонка* – болонка (*толстая и круглая, как баллон, собака* – ассоциация метафорического характера, выявляющая актуальные для детского сознания эталоны сравнения); *безмамная* собака – о бездомной собаке-

дворняге (*дом и мама* – неразрывно связанные для ребенка концепты); *круглолуние* – полнолуние; *мутель* – метель: *Вон как там мутно, ничего не видно, мутель* (модификация и осмысление ребенком внутренней формы слова в опоре на собственный перцептивный опыт) и т.п.

«Прояснение» и уточнение детьми мотивированности готового слова (или факты мотивационной рефлексии) являются одним из направлений развития речи ребенка как процесса соединения его когнитивного и языкового опыта.

Мотивационные инновации детской речи красноречиво свидетельствуют о своеобразии языкового мышления ребенка, которое характеризуется ярко выраженной «прагматичностью», связанной с использованием слова как гибкой структуры, способной указывать на актуальные для детей смыслы и реализовать номинативные потребности ребенка. «Прояснение» и актуализация мотивированности готовых слов выявляет значимую для ребенка информацию о запечатленном в названии «образе» предмета, транслирует «мысль» номинатора (ребенка) об обозначаемом. При этом освоение техники соединения языковой формы и смысла – творческий процесс, проявляющий такие критерии вербальной креативности ребенка, как спонтанная семантическая и образная гибкость – способность в ситуации словарного дефицита использовать готовые языковые формы (и их мотивационные трансформы) для выражения собственных представлений о стоящем за словом содержании.

Однако самым ярким показателем созидающего (продуктивного) начала в освоении ребенком родного языка являются **словотворческие инновации детской речи**. Появление таких уникальных единиц детской речи отражает, прежде всего, тот факт, что сформированные на основе практического опыта ребенка когниции еще не «подкреплены» соответствующими языковыми обозначениями (ребенок их не знает или они вообще отсутствуют в языке). Однако главным импульсом для появления детских словотворческих инноваций служит не столько недостаток словарного запаса, сколько специфика ментальных доминант, определяющих языковое сознание ребенка. В числе таких доминант – *эвристическая направленность номинативных практик* ребенка, выявляющих его спонтанную вербальную креативность в выражении актуальных личностных смыслов (для обозначения последних «готового» слова нет или слово в языке имеется, но не «устраивает» ребенка по каким-то причинам семантического или формального свойства).

Так, детские инновации, созданные по определенному образцу (в опоре на конкретное слово или на какой-либо освоенный ребенком

словообразовательный алгоритм), образуют номинативные подсистемы, дополняющие узуальные ряды слов соответствующих денотативных сфер. Ср., например, глагол *юлиться*, не имеющий однословного аналога в узусе: – Хватит вертеться за столом, как юла. – *Ты неправильно говоришь, я не верчусь, а юлюсь* (3г.4м.). Перед нами типичный для детей способ обозначения «конкретики» действия – свертывание в одно слово информации, выраженной целым словосочетанием (в данном случае сравнительной конструкцией *вертеться, как юла*). Ср.: – *Фу, какая капота!* – Это называется «дождь». – *Это называется «капота»*. Как капает – как-кап – так и называется (д., 4г.) – номинация, отражающая актуальный для детей акустический «образ» дождя. Аналогично по мотивации слово *капель*, не совпадающее по значению с детской инновацией, но имеющее ту же звукоподражательную основу.

Словотворческие инновации отражают особенности актуализации ономаσιологических структур, воплощенных в уже освоенных детьми словах: – *Мама, если снег идет, то снегопад, а если дождь, то дождепад?* (5 л.) // – *Я возильщик, дед – ложильщик* (4 г.). Соединение неких знаний о предметах постигаемой действительности и типовых номинаций для них дает ребенку возможность тиражировать модель (применительно к собственным ситуативным потребностям). Таковы, например, детские инновации *кофейница* (банка для кофе в зернах), *лимонница* (ваза для лимонов), *варенница*, *кальмарница* и др., созданные по модели названий предметов как «вместилища для продуктов» (ср. *сахарница*, *конфетница*, *перечница*). Реализация принципа номинации по функции – одна из самых популярных ономаσιологических практик детской речи: *писалка* – ручка, *деньгомёт* – банкомат, *уколка* – шприц, *стриж* – парикмахер, *распакетить* – распаковать пакеты, *замолоточить* – забить молотком, *завивательные щипцы* – плойка и т.п. Подобные инновации выявляют операциональную сущность детского словотворчества, показывая, что язык является для ребенка одновременно и объектом, и инструментом познания.

Природное языковое чутье в сочетании с уровнем лингвокогнитивного развития ребенка уже в дошкольном и младшем школьном возрасте создают предпосылки для **языковой игры**, когда инновация создается ребенком преднамеренно – при понимании ее условности (в соответствии с принципом «понарошку»). При этом и в сфере игровых номинаций действует актуальный для детского языкового сознания «закон симметрии» и «заполнения лакун». Таков, например, популярный в детской речи прием образования шуточных антонимических оппозиций путем «отгалкивания» от слова-образца: – *Сейчас закапаем левомицетин. – А правомицетин?* (8 л.) // Ваня с другом играют в

«Морской бой». Маша (5 л. 7 м.) спрашивает, как называются разные корабли. Ваня объясняет: «*Четырехпалубный – четырехпалубник, трехпалубный – трехпалубник...*». Маша спрашивает **явно с целью пошутить**: – *А как называется нольпалубный?* Установка на языковую игру может выступать основой создания ребенком вымышленного (фантазийного) мира. Так, сестра и брат – Саша К. (8 л.) и Миша К. (6 л.) придумали страну *Бурзилию*. – *Мы живем в Бурзилии, наш правитель – Бурз* (связь инновации с прототипом *Бразилия* очевидна, и в то же время это не простое отзеркаливание известного топонима, а творческий «эксперимент», моделирующий условное игровое пространство // Алеша (6 л.) придумывает мифических животных: *Кошкотавр ... быкотавр. Совотавр ... пингвинотавр. Дельфинотавр* – аналогия с названием мифического животного (кентавр) просвечивает сквозь серию номинаций, в которых ребенок использовал идею «соединения» реального и нереального (обозначая с помощью сегмента *-тавр* некое человекоподобное существо: гибрид животного с человеком). Сложные конфигурации когнитивного и собственно языкового опыта определяют специфику креативных ходов, сопровождающих речевое развитие каждого конкретного ребенка. Можно, однако, выделить и некоторые типичные проявления «техники» реноминации (ремотивации) и собственно детского словотворчества (в аспекте их лингвокогнитивной природы). К таким типичным проявлениям спонтанной и осознанной творческой активности относятся:

1. Новое содержательное наполнение готовых языковых структур:

1.1. Омонимическое словообразование (при этом детская инновация, случайно совпавшая с уже существующим словом, потенциально способна выражать тот окказиональный смысл, который придает ей ребенок, устраняя «лакунарность» языка в сфере номинаций осваиваемой предметной области): *голубчик* «маленький голубь», *пончик* «сыночек лошадки-пони» (ср. отсутствие специальных наименований для птенца голубя и детеныша пони в узусе); *дворняжка* – женщина-дворник, *штукатурка* – жена штукатур («протест» ребенка против «общих» наименований лиц женского и мужского пола, имеющих одну профессию или связанных отношениями родства); *банальный* пирог – о пироге с начинкой из *бананов* (реализация ситуативной потребности в номинации). Самостоятельный характер омонимических инноваций (по отношению к имеющимся в узусе словам) обнаруживают метаязыковые контексты, проясняющие механизм детских словотворческих эвристик. Ср.: **Банальный**. Банановый. – *Бабушка сегодня сделала банальный пирог*. – Почему банальный? – *Потому что он с*

бананами (д., 3 г. 6 м.). **Головомойка.** Шампунь. Дима собирается мыться: – *Мама, где у нас головомойка?* – Какая головомойка? – *Ну, голову мыть!* (3 г.); **Тайные.** О конфетах, которые тают во рту: – *Я люблю тайные конфеты, которые во рту тают* (д., 5 л.).

1.2. Окказиональная семантизация потенциально вариативной структуры мотивированных слов.

Наполняя мотивированное слово окказиональной идиоматикой, дети действуют в рамках освоенных ономаσιологических пропозиций, опираясь на значения знакомых (понятных) им единиц той же структуры. При этом спонтанно выявляется и избирательно реализуется системный «регистр» потенциальной интерпретации уже существующих слов: (Олеся рассуждает): – *Печник – тот, кто печёт, ельник – кто ели срубает, ночник, кто ночью не спит, птичник – где много гнезд, цветочница – это ваза* (бл. 4м.). Результаты ремотивации готовых слов (как и омонимичные узусу инновации детской речи) наглядно демонстрируют тот факт, что через одну и ту же словообразовательную структуру могут пропускаться разные когнитии. Так, слово *печник* в интерпретации ребенка связано с глаголом *печь* как обозначением «действия, связанного с приготовлением пищи», (ср. *печник – «мастер по изготовлению печей»*). *Ельник*, мотивированное в детской речи тем же существительным, что и в узусе, соотносительно с иными пропозициями: *ель* «дерево, которое срубают (обычно под Новый год)», следовательно, «тот, кто срубает ели» – *ельник*; *ночник* – от слова *ночь*, актуальный смысл которого для ребенка связан с указанием на время суток (когда всем, особенно детям, положено спать), а «тот, кто ночью не спит» – *ночник*; *птичник*, очевидно, осмысливается ребенком по связи с когнитиями «птицы живут в гнездах» и «птицы живут стаями»; предметная отнесенность слова *цветочница* (ваза для цветов) определяется известной ребенку типовой ситуацией: *цветы* обычно ставят в вазу.

1.3. Парадоксальное «прояснение» внутренней формы немотивированного слова. Установленная на основе случайного созвучия мотивационная связь когнитивно «обрабатывается» ребенком в опоре на значение знакомого «корня», вводимого в модельную сетку «толкуемого» слова. Ср.: – *Бегония* есть, а *шагонии* нету? В данном случае ложноэтимологическая мотивация лексемы *бегония* через ассоциацию с *бежать* получает антонимическое «отзеркаливание» в новообразовании *шагония* (*бежать – бегония; шагать – шагония*). Тот же механизм лежит и в основе рациональной реноминации – с той лишь разницей, что в последнем случае проявление мотивированности наименования связано с указанием на реально присущие и известные ребен-

ку признаки, свойства обозначаемого (см. об этом выше). Ср.: *шипанское* вместо *шампанское* (через ассоциацию с *шипеть*): – Папа открыл *шипанское*, а оно *шипело* и разлилось потом! (м., 5 л.).

Особый случай продуцирования нового значения в рамках готовой формы представляет собой этимологическая рефлексия (случайно угаданная ребенком генетическая связь созвучных слов). Обостренное «чутье» этимологического корня, свойственное ребенку, оживляет уже стертую мотивационную форму слова, обнаруживая неожиданный ракурс его осмысления на фоне закрепленной узусом семантики. Например: – Я могу смотреть на солнце один *миг*, оно мне *подмигивает* (м., 4 г.). Личностный ситуативный смысл установленной связи между мотивом и мотиватором в детском высказывании транслирует этимологический ассоциативный шлейф слова, который в известной степени формирует у ребенка образное (в данном случае олицетворенное) представление о кратком временном отрезке, равном одному «подмигиванию». Таким образом, осмысление словообразовательно-мотивационной структуры готового слова на основе его анализа и спонтанной словотворческой «репродукции» – одно из направлений первичной языковой категоризации и концептуализации постигаемого ребенком мира.

2. Особенности когнитивного освоения операциональных языковых алгоритмов в процессе создания детьми собственно словотворческих (словообразовательных) инноваций. Последние выступают как параллельные узусу номинации, образующие функциональные подсистемы детского «неологического» дискурса. Этот дискурс образуют:

- инновации, созданные по принципу **отталкивания от конкретного слова-образца или усвоенной модели словообразования**, «устанавливающие» симметрию (однотипность) выражения актуальных для ребенка смысловых отношений. Ср.: Владик, погрузив в игрушечный прицеп много разных игрушек, везет его и комментирует: *Тут одновременно конюшня, коровня, мотоцикловня и оружие* (10 л.). Все инновации созданы по образцу слова *конюшня*. Мотивационные контексты, сопровождающие появление таких «серийных» номинаций, позволяют судить о специфике реализации словообразовательных моделей применительно к когнитивному опыту ребенка. Ср.: – *Машинист – на машине ездит. Кто на такси – таксист. А кто на «Волге» – волгарист* (м., 6 л.). Инновация *волгарист*, представленная в ряду тематически связанных номинаций *машинист*, *таксист*, показывает, что ребенком не учитываются (не освоены) различия мотивирующих лексем по родовой (*машина*), видовой («Волга») и функциональной (*такси*) соотносительности. Соответственно *машинист*, *таксист*, *волга-*

рист выступают как однопорядковые (видо-видовые) обозначения «пользователей соответствующего транспортного средства». Заметим, что слово *машинист* трактуется на основе буквального прочтения мотивационной формы слова (при «игнорировании» компонента «водитель поезда», определяющего идиоматику данной узуальной единицы); модель, реализованная в представленном ряде номинаций, в данном случае актуализирует лишь поверхностный уровень восприятия мотивационной формы слов подобной структуры. Словообразовательная модель и слово-образец могут актуализироваться одновременно, создавая условия для реализации продуцирующего алгоритма, закрепленного в конкретной номинации определенной тематики. Например: **Снежливо**. О снежной погоде: *А завтра на улице опять будет снежливо?* (д., 5 л.); **Снеголёт**. О снегопаде. Папа зовет сына на улицу, тот отказывается: – *Нет, там сильный снеголёт!* (5 л.). Ср.: *дождливо* и *снегопад* как эталонные номинации, способ образования которых тиражируется детьми при обозначении погодных явлений. **Лимоновый**. Лимонный. Хвастается: – *У меня чупа-чупс – апельсиновый и лимонный!* (м., 5 л. 3 м.) – образование прилагательного по продуктивной модели с суффиксом *-ов* при явном подравнивании слова к актуальному для ребенка образцу.

• **словообразовательные инновации, отражающие специфику номинативной сферы детской речи** (восполняющие «недостаточность» узуальных номинаций для указания на «объекты», явления осваиваемого мира, попадающие в поле внимания ребенка). Ср.: *асфальтильщик* – рабочий, занимающийся асфальтированием дорог; *ещёкать* – повторять слово *ещё*, *недобатонить* – оставить батон недоеденным; *недогол* – о недолетевшем до ворот мяче. Среди подобных номинаций есть и такие, которые создают вымышленную самим ребенком «реальность»: *мухарь* – животное, которое ловит мух; к этому же типу можно отнести инновации, образованные путем свертывания (вербализации) словосочетаний (по принципу семантического включения) при необходимости указания на актуальное (часто ситуативно значимое) для ребенка содержание: *уподружить* (– *Мама, если мы Таню удочерить не можем, давай её уподружим*); *овнучиться* – стать бабушкой, «приобрести внуков»: (Обращаясь к бабушке: – *Я родился, а ты овнучилась*). Такие словообразовательные инновации при их формальном совпадении со структурой узуальных образцов обнаруживают специфику ментальных доминант детского языкового сознания. Ср.: *удочерить*, *усыновить* (буквально: официально признать чужого ребенка сыном, дочерью) и *уподружить* (взять в семью в качестве *подруги*); семантика детской инновации в данном случае соотносит-

ся с ситуацией принятия *подруги* в члены семьи (подобно тому, как усыновляют или удочеряют приемного ребенка); *намелиться* – наесться мела. Кира тайком от мамы ела мел. Позже признается в содеянном: – *Мама, я так намелилась, что больше не буду!* (4 г.);

• **словообразовательные инновации, находящиеся в отношениях синонимической (антонимической) дополнительной к узуальным номинациям.** При этом возможны следующие ситуации: а) узуальное синонимическое обозначение соответствующей реалии может быть ребенку неизвестно; б) известное наименование может подвергаться корректировке в плане его структурной мотивированности (соответствия представлениям ребенка о свойствах обозначаемого); в) немотивированная узуальная номинация может заменяться мотивированным словом «детского языка». Ср.: *печаталка* – принтер, *объедалка* – обжора; *наподушник* – наволочка; *кораблист* – моряк; *найка* – насадка; *тушенники* – пожарники; *чехолок* – колпачок (от ручки); *бульбулька* – река, *свистюльник* – чайник и т.п.; такие номинации обнаруживают когнитивные основания, в соответствии с которыми ребенок воплощает в языковой форме собственный образ мира. Ср. детские инновации, отличающиеся от узуальных только структурой («заменой» аффиксальных формантов): *сильняк* вместо *силач* (*Мой папа сильняк!* – д., 4 г.), *пропечаток* вместо *отпечаток* (*Какой пропечаток на бумаге остался!* – м., 4 г.), *расчесывалка* – расческа, *ревелка* – рева и т.п. Отнесенность таких инноваций к заменительному словообразованию (термин С.Н. Цейтлин) определяется их «связью» с известным ребенку узуальным словом (его корректировкой) при ориентации на определенную словообразовательную модель как предпочтительную для ребенка. Сюда же можно отнести и антонимические корреляты, образованные заменой приставки в узуальном слове: *растеряха* – *нетеряха* (заполнение лакуны в номинативной системе языка); подобные функции выполняет и обратное словообразование: ср. *несуразный* – *суразный* (депрефиксация порождает симметричную номинацию – по принципу образования взаимосвязанных слов от одной корневой основы);

• **гибридное словообразование (контаминация)** как специфический способ номинации, выражающий потребность детей в комплексном, синкретичном обозначении предмета или ситуации и одновременно проявляющем принцип экономии речевых усилий. Ср.: *чернигурт* – черничный йогурт. Рита просит: *Бабуля, купи мне чернигурт* (5 л. 6 м.); *глазейка* – лазейка, через которую можно увидеть то, что находится по ту сторону забора; *кучело* – чучело, слепленное из кучи

снега; *луксус* – лук с уксусом; нередко контаминация обозначает квазиденотат: *пиджакет* – *пиджак* + *жакет*, *репуста* – *репа* + *капустя* (провоцирующим фактором гибридизации является фонетическое сходство отдельных частей объединяемых слов, в данном случае слова созданы путем соединения начальной части одного и конечной части другого слова – при частичном наложении созвучных сегментов); ср.: *кипена* – *пена*, образовавшаяся при **кипении**. Глядя на кипящий суп: – *Смотри, какая кипена накипаела!* (д., 7 л.).

Особое место в неологическом дискурсе детской речи занимают инновации, которые проявляют осознанную интенцию ребенка **к языковой игре**, когда манипулирование формой и / или значением знака приобретает явно условный, непрагматический характер. Рефлексия над языковой формой приводит ребенка к креативному ходу, обнаруживающему ее «новое», неожиданное видение. Ср.: – *Есть дятел (смеясь)... и тётел* (м., 7 л.) // – *Наши папа – автомат. Отгадай почему? – Почему? – Потому что он папулька... пулька... автомат* (д., 6 л.) // *Масса книги без цитат – нетто, а с цитатами – брутто* (12 л.) и т.п. Такие (чаще всего шуточные) инновации проявляют уникальность языковой личности ребенка, во-первых, в самой склонности к языковой игре и возрастном проявлении этой интенции, во-вторых, в использовании приоритетных для ребенка игровых кодов (фонетического, семантического, грамматического, словообразовательного и т.п.) [см. об этом в: Гридина 2009, 2012]. Ср., например, ранее проявление языковой игры словообразовательного типа девочкой в возрасте 3 г. 2 м. Мама обращается к дочке, которая с топаньем бежит по квартире: – *Хватит топать своими топотушами!* Та послушно прекращает топать (идет на цыпочках): – *Вот, топочу тихушами!* (при этом лукаво улыбается, явно понимает, что *тихо топать* нельзя). Образованный ребенком окказионализм тиражирует структуру употребленного в реплике матери слова *топотуши*. Ср. также шуточную контаминацию, сопровождающуюся метафорической ассоциацией, представленную в речи десятилетнего ребенка: **Снежики**. Низкие кусты, торчащие из-под снега, похожие на спрятавшихся ежей. – *Ника, смотри, кусты похожи на снежных ёжиков! Это снежики!* (девочка явно понимает условность и образность собственной номинации – об этом свидетельствует порождающий номинацию контекст). Собственно игровой дискурс детской речи развивается на основе спонтанных эвристик, проявляющих креативный потенциал ребенка в использовании языковых знаков.

Можно говорить о двоякой функциональной направленности лингвокреативной деятельности ребенка: 1) словотворчестве, проявляю-

щем особенности когнитивного развития ребенка, особый ракурс видения объекта, актуальный для детского сознания; 2) словотворчестве, проявляющем отношение к самой технике языкового означивания, освоение которой позволяет ребенку моделировать картину мира «по собственным лекалам».

Лингвокогнитивный анализ детских инноваций подтверждает их операциональную значимость в соединении опыта освоения мира (эмпирического знания ребенка о реалиях окружающей действительности) с семантикой языковых форм и значений. Природа словотворческой эвристики в онтогенезе выступает, таким образом, в трех ипостасях: первая ипостась – это спонтанный речевой ход ребенка, выявляющий потенциальную интерпретационную валентность языковых знаков; вторая ипостась – это осознанный речевой ход, связанный с «коррекцией» существующих номинаций, их формальной модификацией и переосмыслением в свете актуальных ценностных ориентиров картины мира ребенка; третья ипостась – это речевой ход, выражающий (реализующий) интенцию ребенка к игровому манипулированию освоенными языковыми алгоритмами, формами и значениями. Представленный краткий экскурс лингвокогнитивной специфики детских инноваций предпринят с целью показать, что их анализ невозможен с позиций взрослой логики (извне), а должен осуществляться изнутри (с позиций детской логики – ментальности ребенка, проявляющей специфику языкового сознания формирующейся личности).

Сказанное имеет непосредственное отношение к **проблеме лексикографической фиксации фактов детской речи**. Каждый тип детских инноваций диктует соответствующий его специфике способ лексикографического описания – при этом приоритетной во всех случаях остается опора на узкий и широкий объяснительный контексты. Узкий контекст представляет собой собственно детское высказывание, в котором зафиксирована инновация, в том числе метаязыковой комментарий самого ребенка. Широкий – ситуативно-дискурсивный контекст – предполагает учет экстралингвистической информации, позволяющей судить о причинах появления соответствующих инноваций в свете детской ментальности

В рамках данной статьи коснемся лишь проблемы словарного толкования фактов детской речи с использованием разных способов, учитывающих специфику конкретных видов инноваций (словообразовательных и семантических). К таким способам относятся:

► **Толкование через синоним**

ДОМОГОВОРУН. Домофон. – *Мама, там домоговорун пищит* (д., 5 л.); **ВОЛЧОК**. Волчонок. – *Мы в зоопарке видели волка, и у него*

маленький такой волчок (д., 5 л.); **НИБУ́ДЬ-КАКИ́Е**. Всякие, любые. Мама, обращаясь к дочери: – Какие карандаши у тебя есть? Дай мне один. – Ева. – *Нибудь-какие есть. Вон они!* (показывает на свои цветные карандаши) (3 г. 6 м.) Данный способ толкования предпочтителен в том случае, если детское слово имеет в языке узуальный однословный синоним, при этом различия проявляются только в структуре и / или мотивации названия соответствующего денотата.

► **Толкование через антоним**

БЕ́ГАТЕЛЬНЫЙ И ХОДИ́ЛЬНЫЙ (РЕЖИ́М). Антонимы к **ПОСТЕЛЬНЫЙ (РЕЖИМ)**. Настя заболела. Услышав, что доктор прописал ей постельный режим, протестует: – *Нет, мама, у меня ходильный и бегательный режим* (д., 4 г.); **ВЕЛИ́ПУТ**. Лилипут (как антоним к слову *великан*). Пришла из цирка. Рассказывает: – *В цирке были во-от такие* (показывает большой «рост», поднимая руки вверх и снижает голос) *великаны и во-от такие* (опускает руки ниже своего роста и говорит тоненьким голосом) *велипуты!* (д., 5 л.); **СНЕГОБА́БКА** и **СНЕГОДЕ́ДКА**. *Шутл.* Снежная баба и снеговик. – *Мы во дворе слепили снегобабку и снегодеду!* (м., 7 л.). Ср. аналогию с *дедка* (дед) и *бабка* (баба), противопоставленные по гендерному признаку.

Толкование через антоним продиктовано самой направленностью детской инновации на выражение смысловых отношений противопоставления. При этом важно иметь в виду, что созданные детьми оппозиции могут иметь контекстуально и ситуативно обусловленный характер, а, кроме того, часто отражают тенденцию к созданию формального (фонетического и структурного) подобия взаимосвязанных номинаций (ср. *велипут* и *великан*, *снегобабка* и *снегодедка*).

► **Толкование через развернутое описание**

ЗАГОРЕ́ЛЫЕ ПТИ́ЦЫ. Черные, прилетевшие с юга (птицы). Надя очень ждала весну. Однажды подошла к окну и кричит: – *Мама, уже птицы с юга прилетели!* – Какие птицы? – *Загорелые!* (д, 5 л.) [Семья и школа. – 1988. – № 7]; **ПЛОХА́Я ПОГО́ДА**. О температуре в парилке, где очень жарко и ничего не видно из-за пара. Зайдя с мамой в парилку, кричит: – *Фу! Плохая погода* (д., 1 г. 9 м.); **ПЕРЕГЛАЗА́СТАЯ**. Та, у которой много очков. Мише читают басню про марьяшку и очки. – *Ну, марьяшка прямо какая-то переглазастая!* (м., 3 г.); **ПАХУ́ШКА**. Освежитель воздуха для машин. – *Папа, давай машиновой пахушкой воздух побрызгаем* (м., 4 г. 6 м.).

Такие дефиниции предпочтительны в тех случаях, когда значение детской инновации не совпадает с узуальным или вообще не закреплено в языке за какой-то номинацией.

► **Толкование через мотивационный перифраз** (приведенный самим ребенком или выводимый из структуры и значения предъявленной инновации).

ВАСИЛЁК. Цветок, посаженный Васей. Ходит по саду, разговаривает с куклой, показывая ей цветы: – *Это цветок-василёк, потому что его Вася посадил. А это лилия (смеется)... ее Лилия посадила, а ромашку – Рома (д., 5 л.); ВЕЗДЕХОД.* Тот, кто ходит везде. Бабушка безуспешно зовет кога с улицы, сетует: – *И где он только ходит? Сережа: – Наш кот – вездеход. Он везде ходит (6 л.); ВАРЕНЬЕВЫЙ.* Цвета (земляничного) варенья. Утром пила чай с земляничным вареньем. В этот же день в магазине выбирают с мамой платье. Мама: – *Саша, тебе какого цвета платье? Саша, показывая на платье розового (земляничного) цвета: – Вареньевого (5 л.); ВЕНИТЬ.* Мести пол венником. Бабушка подметает пол, мешая внуку играть: – *Ну, когда ты перестанешь венить? (Степа, 4 г.).*

► **Сочетание развернутой дефиниции или синонимического толкования с мотивационным перифразом**

ДЫРЯВИТЬ. Протыкать, *делать дырки*, портить. Дети ссорятся, один пытается проткнуть карандашом дырку в рисунке другого. Саша (возмущенно): – *Не дырявь мой рисунок! (5 л.); ПОЛЮЛЮКАТЬ.* Убаюкать, укачивая на руках куклу (*как укачивают ребенка, напевая ему «люли-люли»*).

► **Толкование, включающее словообразовательный комментарий**

ГАМБУРЕК. Гибридное образование от гамбургер и чебурек. Ребенок по слогам читает на надписи на ценниках в киоске: «Че-бурек», «Гам-бур-гер». Через некоторое время спрашивает: – *Папа, а что такое гамбурек? (м., 6 л.).*

Способ образования слова в подобных случаях проясняет его значение и обнажает технику детского словотворчества.

► **Описание номинативной функции слова** (в опоре на детское высказывание, в котором зафиксирована инновация) **ФАРЫ.** Глаза машины. Увидела, как машину ставят в гараж: – *Машина спать пошла. Выключили фары. – Всё. И глазки закрыла (д., 2 г.)* [Семья и школа. – 1989. – № 11]; **НОСИК-КУРНОСИК.** Нос, как у курицы. Бабушка, шутя, дразнит внука. – *Носик-курносик. – У меня не курносик! Я не курица, это у курицы нос острый, она даже клонуть может (м., 3 г.); НОЖКА и РУКИ.* Ствол и ветви дерева. – *У деревьев одна ножка и много рук (д., 4 г.)*

Все перечисленные способы описания значений детских инноваций могут использоваться как объяснительный ресурс в словарях ком-

плексного и дифференцированного типа – в зависимости от концепции лексикографического издания. Пафосом же данной статьи является мысль о необходимости выработки такого принципа интерпретации детских инноваций, который был бы адекватен реальности языкового сознания ребенка (см. опыт создания «Объяснительного словаря детских инноваций» [Гридина 2012]).

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009.

Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива: Коллективная монография / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург, 2012.

© Гридина Т.А., 2012

Н.А. КУПИНА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

КРЕАТЕМЫ В РЕЧИ ДЕТЕЙ¹

Аннотация: В статье исследуется креативная речевая деятельность ребенка, вовлекающая его в процесс коллективного творчества. Особое внимание уделяется эстетической и коммуникативно-прагматической значимости детских языковых новаций, выделяются некоторые виды и функции креатем в детской речи.

Ключевые слова: креативная речевая деятельность, критерии креативности, языковое творчество

В коллективной монографии «Лингвистика креатива» [2009] была поставлена проблема, связанная с выделением науки о языковом творчестве. Авторами обсуждалась необходимость исследования креативной речевой деятельности как особого процесса и возможность исследования результатов, продуктов этой деятельности. Отмечалось, что «лингвистика креатива, выявляющая природу креативности, требует не столько анализа «продуктов» творчества, сколько обнаружения скрытых от наблюдения характеристик самого творческого процесса и определения основных параметров проявления творческих способностей» [Гридина 2009: 6].

Нельзя не согласиться с тем, что творческий процесс, как правило, скрыт от лингвистического наблюдения, однако в отдельных случаях мы можем его проследить. Приведем пример коллективного речевого творчества.

Во дворе играют дети: семилетняя Надя и ее ровесники – Вова, Ира, Маша. Надя прыгает, приговаривая нараспев: *Тра-ля-ля, тра-ля-ля, / Я живу на Крауля* (название улицы). Это двусстишие – простой текст, содержащий изобретенную девочкой нестандартную рифму. Ритмический рисунок текста координируется с прыжками. Девочка, как часто бывает, напевает «для себя», не рассчитывая на определенную реакцию детей.

Вова. *Это считалочка, да?*

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России (грант 2012-1.5-12-000-3004-002 «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

Надя. Нет, это как песенка весёлая.

Вова. А давайте считалочку сочиним.

Ира. Тра-ля-ля, тра-ля-ля / Мы живём на Крауля...

Вова. А кто в доме не живёт...

Маша (подхватывает). Тот *галить* сейчас пойдёт!

Надя – автор двустишия, выражающего эмоционально-эстетическое переживание гармонического соединения движения и речи, ощущение радости и удовольствия, которое доставляет игра удачно найденным созвучием. Ритм двустишия – неотъемлемый «атрибут организованного движения» (Н.В. Черемисина). В момент произнесения *песенки* Вова, Ира и Маша являются наблюдателями. Вова, обращаясь к Наде с вопросом, демонстрирует деятельностную включенность в коммуникацию. Он инициирует коллективное речевое творчество, предполагающее преобразование первичного текста в жанр считалочки. Все присутствующие откликаются на креативную инициативу. Ритмическая структура, заданная первичным текстом, сохраняется. Ира заменяет я-форму *мы*-формой, которая указывает на наличие коллективного субъекта творчества. Вова содержательно развивает текст, включая в него первую часть типичной для жанра считалочки синтаксической конструкции. Маша, завершая формульную конструкцию, подбирает точную глагольную рифму и отбирает жанрообразующее слово *галить*, которое указывает на возможность сиюминутного использования готового текста в традиционной детской игре. В процессе коммуникативного взаимодействия происходит мена ролей. Так, *Надя* – производитель креативно отмеченного текста «для себя» → адресат → адресант-интерпретатор изобретенного текста → адресат → соавтор вторичного текста; *Вова* – наблюдатель → адресат → адресант, запрашивающий информацию → адресат, получивший разъяснение → адресант, инициирующий коллективную деятельность, → адресат, оценивающий креативную деятельность; *Ира* (а также *Маша*) – наблюдатель → адресат → адресант, участвующий в креативной речевой деятельности → адресат, оценивающий креативную деятельность других соавторов вторичного текста. Мена ролей регулирует коммуникацию, способствует формированию **коллективного субъекта креативной деятельности**, в процессе которой происходит поступенчатое жанровое преобразование первичного текста, сопровождающееся функциональным приращением: эмоционально-эстетическая функция соединяется с прагматической. Открытое речевое взаимодействие дает возможность проследить процесс преобразования первичного текста, оказавшего эмоционально-эстетическое воздействие на воспринимающих, послужившего стимулом и основой продолжения креативной деятельности.

В первичном тексте обращает на себя внимание оригинальная находка: созвучие ради созвучия. Вряд ли девочка знает о том, кто такой Крауль, чьим именем названа улица. Звуковые повторы, наполненные ощущением радости момента, обладают для производителя речи собственно эстетической ценностью.

В тексте вторичном наблюдаем отбор языковых единиц, ориентированный на распределение ролей, характерных для игры в прятки: один *галит*; все другие прячутся. Можно сказать, что эстетическая функция рифмы *живет / пойдет* «находится на службе» у функции прагматической.

Надина *песенка* демонстрирует органичность существования «искусства для искусства» и соответствует такому «критерию креативности», как оригинальность. Ведущей в творческом процессе является эстетическая установка. Считалочка же соответствует другому «критерию креативности» – разнообразию идей [Богоявленская 2004: 7]: коллективно созданный текст можно напевать; в отличие от сочиненного Надей двустушия, он может быть использован как зачин игры в прятки, а также, при желании, как сопроводитель игры в ладошки. Ведущей для коллективного автора является прагматическая установка. Таким образом, самоценность эстетической установки (текст 1) следует отграничивать от ее использования в практических целях (текст 2).

Отталкиваясь от характера творческой интенции производителя речи, В.П. Григорьев выдвинул положение о креатеме как особой единице поэтического языка. Развивая идеи Ю.Н. Тынянова, Р. Якобсона, Л.П. Якубинского, он определил поэтический язык «как язык с установкой на эстетически значимое творчество, ограниченное хотя бы рамками одного только слова» [Григорьев 1979: 77-78]. Из определения следует, что пространство поэтического языка выходит за пределы художественной речи, во-первых, и неразрывно связано с наличием эстетического намерения автора речи, во-вторых.

Поэтический язык – это язык творца креатем, в то время как практический язык – это язык пользователя, автоматически употребляющего языковые стандарты. Следует ли из этого, что креатема является исключительно авторским изобретением? Думается, что это не так. Языковые средства, выбор которых отражает эстетические предпочтения автора, связанные с использованием креативного потенциала языка, также могут использоваться в функции креатем. Например, в лирическом шедевре А.С. Пушкина «Я Вас любил...» нет ни одного собственно авторского образования, однако каждая составляющая стихотворения употребляется в функции креатемы, а на основе взаимодействия креатем, их сплава формируется эстетическое обобщение.

Креатема – это стратегически отобранная, осознанно реализованная или преобразованная языковая единица, а также индивидуально-авторское новообразование. Обязательная эстетическая функция выделяет креатему как единицу поэтического языка (в широком понимании этого феномена). Из сказанного следует, что в процессе выявления и анализа креатем необходимо учитывать критерии преднамеренности – непреднамеренности; эстетической отмеченности – эстетической нейтральности.

Каждый из этих критериев в отдельном коммуникативном акте, в отдельном высказывании и тексте необходимо анализировать не только с учетом стратегий производителя речи, но и с позиций воспринимающего.

Новообразования в детской речи в большинстве случаев характеризуются непреднамеренностью, а их порождение осуществляется в проекции на систему языка, которая используется ребенком как «система возможностей» [Цейтлин 1988: 10]. И грамматические, и лексические новации – потенциализмы [Гридина 2009: 18; Цейтлин 2000], образованные по языковым моделям, свидетельствуют о коммуникативно-прагматических интенциях ребенка. Вряд ли пятилетний мальчик, который просит маму купить ему *подкорм* (попкорн), стремится к эстетическому эффекту. В то же время у взрослых, осознающих неправильность форм типа *склюл*, *захачивать*, *лысей* [Цейтлин 1988], лексических образований типа *режик* (ножик), *кофетёрка*, *годяйка*, *деревенцы* (крестьяне), *пышинки* (перышки), *погитарить* [Харченко 2005], восприятие подобных аномалий сопровождается не только ортологической (– *Надо говорить склевал, а не склюл*), но и собственно эстетической реакцией. Непреднамеренные детские языковые новации в восприятии обретают свойственную креатемам эстетическую значимость. Эстетический отклик, сопровождающийся у взрослых эмоциями удивления, умиления, свидетельствует о том, что установка производителя речи не всегда совпадает с программой ее восприятия.

Материалы, систематизированные В.К. Харченко [2005], позволяют зафиксировать наличие эстетической составляющей, сопровождающей «вчувствование» (М.М. Бахтин) ребенка в осваиваемую внеязыковую ситуацию. Детские высказывания нередко содержат прилагательное *красивый* и одновременно – формы побуждения адресата к эмоционально-эстетической реакции. Очевидна **эстетическая интенция** автора, которая органически сочетается с **коммуникативно-прагматической**. Например: – *Знаешь, у меня кукла есть – такая красивая, круглобровая; Послушай, музыка какая красивая, только разлучная; Давай посмотрим, подойдем тихо: бабочка красивая с*

бабятками своими. В речи детей от двух до пяти встречаем креатемы-тропы, прежде всего, сравнения, сконструированные на основе нестандартных образных аналогий, чаще всего включающих параллель «человек – животное». Вот лишь некоторые примеры, извлеченные из «Словаря современного детского языка» В.К. Харченко: *Мама, ты такая красивая, как корова; Я ей (сестре) сказала, что она как медведица ленивая; У него такие туфли...идет по коридору, стучит, как конь подкованный*. Если субъектом сравнения является животное, в качестве объекта ребенком выбираются реалии вещного мира и мира растений: *У Джона (о щенке) язык мягкий, как тряпочка, а зуб маленький, как рис; У него (пуделя) нос, как пушок у одуванчика*. Сравнения, построенные на предметных аналогиях, достоверно изображают сиюминутные личные ощущения: *Я не люблю, чтобы у меня под шеей был как кулак* (об узлом завязанном шарфе). Во всех случаях индивидуальное сравнение может быть отнесено к **образным креатемам**.

Еще одна разновидность образных креатем – изобретенная **метафора**, возникшая в процессе непосредственного наблюдения: *У тёти листик телепается* (погончик на пальто); *У тёти платок с волосиками* (о бахrome); *Какой мячик* (о луне) *на небе!* Частотны в детской речи **олицетворения**: *Ой, страшно! Травка кусается; Целое стадо грузовиков ревёт; Слышишь, речка разговаривает*. В картине мира ребенка естественно сближаются животное и человек: *Лицо у Маши / у мышки / у курицы*. Ср.: *Гадюка собаку в лицо укусила; Шарик плачет: он по Маше скучает*. Сближаются ролевые функции человека и животного: *Бабушка, поговори с Поночкой* (кошкой), *помурлычь ей как бабушка кошачья*. Постоянно вербализируются образные аналогии типа *я и собака, я и птица, я и рыба*. Например: *Если бы я был рыбой, ни за что не стал бы крючок глотать*. Креатемы в приведенных примерах можно охарактеризовать как результат вербально-образной рефлексии. Словом, как кистью, ребенок рисует с натуры, воспроизводит мир на основе чувственных ощущений и представлений.

Используемые для иллюстраций материалы словаря, составленного В.К. Харченко, позволяют сделать вывод о том, что эстетически направленная креативная речевая деятельность ребенка связана с **порождением текстов малых жанров**. В словаре приводятся придуманные детьми загадки. Вот, например, загадки, построенные на осознанном нестандартном употреблении тропа: *Зеркало, зеркало, водяное зеркало, кто-то подойдет, сразу поплывёт* (речка); *Летят неслышно белые кружкí, и вода превращается в лёд* (зима). В первой загадке зрительный образ передается с помощью развернутой метафоры и поддерживается простой рифмой; во второй – образ, в основе которого

лежит перенос по форме (*кружки*), уточняется акустической (*неслышно*) и колористической (*белые*) характеристиками. Следующая загадка построена на сочетании развернутой метафоры и намеренном нанизывании паронимов: *Фотокарточка без фотоаппарата фотографируется* (зеркало). В соответствии с коммуникативно-эстетической интенцией используются приемы, основанные на разработке образных креатем, а также прием паронимазии. Производство подобных текстов требует **самостоятельного решения конкретной творческой задачи**.

В процессе креативной деятельности ребенок отбирает, преобразовывает и изобретает средства, способствующие созданию образно-эстетического впечатления. Именно в текстах, отмеченных печатью речевой индивидуальности, обнаруживается эстетическая природа поэтического языка и природы креатемы – продукта эстетически стимулированной речевой деятельности. Анализ разновидностей креатем и их функций – одна из задач креативной стилистики.

ЛИТЕРАТУРА

Богоявленская Д.Б. Проблемы диагностики креативности // Психологическая диагностика. – 2004. – № 3.

Григорьев В.П. Поэтика слова. – М., 1979.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности // Лингвистика креатива: Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2009.

Лингвистика креатива: Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2009.

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: В 2 т. – М., 2005.

Цейтлин С.Н. Окказиональные грамматические формы в детской речи. – Л., 1988.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. – СПб., 2000.

© Купина Н.А., 2012

М.Л. КУСОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ В РЕЧИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: В статье анализируются способы обозначения признаков предметов и признаков действий в младшем онтогенезе, поскольку именно эти лексемы, по мнению автора, свидетельствуют о расширяющейся и уточняющейся языковой картине мира ребенка.

Ключевые слова: детская речь, языковая картина мира, дневниковые записи, начальный лексикон.

Современная лингвистика представляет лексикон ребенка как динамический процесс, в котором фиксируются определенные позиции на разных возрастных этапах, в том числе тематические группы слов, имеющиеся в словаре ребенка какого-либо возраста.

Наблюдая речь детей третьего года жизни, анализируя материалы книги «От двух до трех. Дневниковые записи детской речи» [1998], мы обратили внимание на обозначение детьми признаков предметов и признаков действий, полагая, что именно эти лексемы свидетельствуют о расширяющейся и уточняющейся языковой картине мира в языковом сознании ребенка. В процессе анализа материалов нами установлено, что прилагательных в речи ребенка больше, чем наречий. Вероятно, это объясняется закономерностями познания ребенком действительности: представления ребенка о предметном мире богаче, чем представления о мире процессуальном.

Систематизируя зафиксированные в детской речи имена прилагательные, мы установили, что наглядно-практическое освоение действительности определяет наличие в речи ребенка прилагательных, обозначающих восприятие окружающего мира (о распределении прилагательных по тематическим группам см. [Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам 2011]: вкусовые ощущения, тактильные, зрительные). При обозначении вкусовых ощущений дети пытаются произвести их дифференциацию, хотя чаще используют прилагательные «вкусный», «невкусный» (*Баба, дай маленькую вкусенькую конфетку* – [Дневниковые записи детской речи]; здесь и далее в примерах не сохраняются особенности произношения, далее – Днев. зап.). Обозначая тактильные ощущения, малыши чаще

употребляют слова, обозначающие «выход» за пределы нормы (обозначающие неприятные ощущения): колючий (*Ежик колючий, Елка колючая* – Дневн. зап.), мокрый (*Теперь мокрая, сушить; мокрые апельсины* – Дневн. зап.), липкий (*Липкие руки* – Дневн. зап.; *стол липкий. – М.К.*), грязный (*Пятки грязные* – Дневн. зап., *руки грязные, сапоги грязные. – М.К.*).

Зрительно воспринимаемые признаки в речи маленького ребенка не ограничены прилагательными со значением цвета. Кроме данных прилагательных, ребенок использует слова, обозначающие внешние признаки предмета: лохматая (о маме, которую нужно причесать – Дневн. зап.), лысый (о себе маленькой, когда на голове еще не было волос – Дневн. зап.), голенький (конфетка без фантика – Дневн. зап.). В последнем случае можно говорить о расширении значения, но в целом можно заметить, что в большинстве случаев дети точно используют прилагательные, так как данные единицы появляются в их речи тогда, когда ребенок уже осознал связь «слово – явление действительности», когда у него имеется некоторый опыт словоупотребления.

Единиц, обозначающих тактильные ощущения, в речи малышей немного: горячий, холодный, теплый, при этом иногда наблюдается сверхгенерализация при обозначении данных признаков: единица «ах» используется для обозначения и горячего, и холодного, и вообще всего, что вызывает неприятные ощущения, например, ветра, дующего в лицо. Единичны прилагательные, обозначающие состояние ребенка: голодная (*голодная я* – Дневн. зап.). Интересно употребление размерных прилагательных: «большой» означает и значительный по размеру, и взрослый, и сильный, причем все варианты значения данного слова представлены широко, что позволяет говорить о реализации многозначности в речи детей уже на третьем году жизни.

Пространственные параметры ребенком третьего года жизни усваиваются лучше, чем временные, кроме прилагательных «большой», «длинный», дети начинают использовать «левый», «правый» (М.А. Яценко отмечает также прилагательные «толстый», «тяжелый», «глубокий» [Яценко 2000], тогда как временные параметры ограничены единицами «старый», «молодой», нередко неверно использованными (о себе на фотографии в возрасте семь месяцев ребенок говорит: «Молоденькая» (Дневн. зап.); *бабушка – молодая бабушка, прабабушка – старенькая бабушка* (Дневн. зап.); *У меня есть старые книжки и есть молодые* – (Дневн. зап.).

Анализ прилагательных в речи детей третьего года жизни позволил выявить отсутствующие тематические группы, косвенно подтверждающие наблюдения, связанные с процессом освоения ребенком дей-

ствительности. Малыши не используют прилагательные, обозначающие эмоции, хотя сами очень эмоционально реагируют на окружающую действительность, не используют прилагательные, обозначающие интеллектуальные свойства человека, несмотря на то что реагируют на соответствующую похвалу «умный», качества, связанные с социальной жизнью человека.

Очевидно, что на четвертом году жизни ребенка в наполнении данного класса слов происходят определенные изменения. Для выявления этих изменений мы, как и прежде, использовали личные наблюдения за речью детей, а также обратились к материалам «Словаря современного детского языка...» [Харченко 2005; далее ССДЯ]. Имеющиеся материалы показывают, что для ребенка по-прежнему значимо восприятие окружающего мира: в его лексиконе много слов, связанных с вкусовым, осязательным, зрительным, акустическим восприятием. Круг единиц, обозначающих вкусовое восприятие, на четвертом году жизни ребенка практически не меняется: сладкий, вкусный, невкусный, кислый, горький. Лексема «сладкий» используется с расширением значения как абсолютный синоним к «вкусный», «кислый» нередко выступает синонимом к «невкусный». Отсутствие видимых изменений в наборе лексем не является свидетельством отсутствия изменений в речевой практике ребенка. Ребенок четвертого года жизни не соединяет вкус и цвет, цвет не выступает фактором, определяющим вкусовые ощущения.

Также незначительно меняется и круг прилагательных, обозначающих тактильные ощущения. Для ребенка актуальны признаки: теплый – холодный, сухой – мокрый, сырой, колючий, пушистый, восприятие которых несколько отличается от восприятия взрослого. В языковом сознании ребенка прилагательное «теплый» представлено как единица с более широким значением, это признак комфортности на тактильном уровне (*А внутри варежка теплая – о непромокашей, сухой варежке* – ССДЯ), определенную универсальность приобретает прилагательное «сухой»: сухой – это чистый, свежий (*Мама, налей сухонькую водичку* – просьба сменить воду во время рисования красками – ССДЯ). Для ребенка значима степень проявления тактильных признаков, что обозначается с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов: *тепленький, сухонький*.

В зрительном восприятии акцентируются цветовые признаки: красный, коричневый, синий, черный и т.п. (ребенок в этом возрасте называет все основные цвета и знает некоторые оттенки), при этом дошкольник обращает внимание на внешние признаки предмета: *дырявый, полосатый, скользкий: дырявенный диван* (ССДЯ), для обозна-

чения цвета может использовать прилагательные, производные от существительных, называющих предметы, для которых определенный цвет является постоянным признаком: *угленный* (черный, цвета угля) *цвет* (ССДЯ). М.Я. Яценко отмечает, что «в основе освоения значений прилагательных лежит познание связей предметов и их признаков. В восприятии предмет и признак представлены неразрывно. ... Задача ребенка – расчленив это единство, отделить признак от предмета, разграничить прилагательное и существительное» [Яценко 2007: 303-304]. Об отделении признака от предмета и свидетельствует появление подобных прилагательных.

Говоря о признаках, связанных с восприятием окружающего мира, отмечает некоторые противоречия, связанные с прилагательными, обозначающими акустическое восприятие. В речи детей активно используются прилагательные «тихий» – «громкий». Обратившись к «Словарю-тезаурусу», видим, что количество единиц в группе «Акустическое восприятие» значительно больше. Наличие в лексиконе ребенка всего двух лексем, членов данной группы, позволяет говорить о недифференцированности акустического восприятия у ребенка, о том, что дифференциация слухового восприятия не поддерживается языковой средой, а также позволяет высказать предположение, что при восприятии действительности дети данного возраста практически не опираются на слуховую модальность.

Процесс восприятия соотносится с пространством и временем (новый, старый; круглосуточный, прошлый; *Этого петушка в прошлый день ставил* – ССДЯ). Пространство определяется размерными прилагательными: большой, маленький, огромный, низкий, высокий, толстый. Как и прежде, в качестве абсолютного указания на размеры используются прилагательные «большой» – «маленький», смешиваются «худой» – «узкий» (*Эта улица худая* – ССДЯ), у прилагательного «большой» расширяется значение: большой = интенсивный, сильный (Смотри, большой удар! Ребенок комментирует ситуацию, когда он сбил все кегли).

Антропоцентрическая картина мира, в центре которой находится ребенок, и его восприятие действительности на четвертом году жизни расширяется: для ребенка становится значимым внутренний мир человека – и в его речи появляются прилагательные, связанные с обозначением эмоций: добрый, терпеливый, ласковый, веселый, злой, строгий, бедный (в значении несчастный – ССДЯ), сонный (в значении обиженный, молчаливый; Мама не разговаривает с ребенком, девочка ходит вокруг, рассматривает маму: *Мама, что ты такая сонная?* – ССДЯ). По нашим наблюдениям, ребенок уже связывает проявление

эмоций с поведением, речью (строгий; *Не говори со мной громким голосом* – о голосе, в котором явно присутствуют строгие ноты). Прилагательные, обозначающие эмоции, ребенком чаще используются по отношению к третьему лицу (*– Я люблю О.А. – Почему? – Она добрая и веселая*), чем по отношению к эмоциональному состоянию самого ребенка. Собственное эмоциональное состояние ребенок передает с помощью единиц с процессуальной семантикой (*Я веселился, смеялся; Я плакал*).

В речи детей активизируется оценочная лексика. Человек оценивается по умственным способностям (умный – глупый), появляются прилагательные, обозначающие результат интеллектуальных действий (*Я еще не уверена, спать мне или нет* – ССДЯ), лексемы, связанные с прагматической оценкой (интересный, негодный, неудобный, вредный, модный, опасный, полезный), эстетической (пригожий, красивый, модный, праздничный – ССДР). Средства обозначения абсолютной оценки «хороший – плохой» не являются доминирующими при передаче оценочного значения детьми данного возраста. Прилагательные, связанные с обозначением интеллекта, появляются в детской речи именно на четвертом году жизни, как и прилагательные, связанные с признаками человека как социального существа. Определяются статусные признаки (главный), особенности поведения (честный), социального взаимодействия (послушный), национальная принадлежность (китайский, еврейский), возраст (молодой, старый, детский).

Наряду с прилагательными, обозначающими признаки человека, в речи ребенка появляются прилагательные, обозначающие признаки неживой природы (морозный, холодный), признаки веществ (железный, пластмассовый).

Рассмотренные ранее прилагательные в большинстве своем являются качественными, но необходимо отметить, что на четвертом году жизни в речи детей появляется множество относительных и притяжательных прилагательных, указывающих на связь признака с предметом, лицом или животным (милиционерский, шоферный – для шофера, машинин – для машины, кирпичный – кирпичный дом, медвежий, волчий, ежеиковый, кошачий, козловый – ССДЯ).

Как уже было сказано, прилагательные в детской речи мы описывали, представляя их как семантические объединения в логике идеографического словаря. Обращение к идеографическому словарю обусловлено тем, что «Структура идеографического словаря фактически представляет собой совокупность семантических полей языка, составляет, особенно в своей инвариантной части, один из компонентов «картины мира», а именно – статический ее компонент...» [Жараулов

1976: 259]. Опираясь на идеографический словарь, мы можем выяснить, какие фрагменты действительности не нашли отражение в знаменитом словаре детей младшего дошкольного возраста. Выделим наиболее значимые из них: это «Живая природа», «Человек как живое существо», «Общественно-государственная сфера», «Универсальные представления и смыслы». Отсутствие прилагательных, принадлежащих к указанным сферам, является закономерным, обусловленным логикой познания ребенком действительности, как и наличие перечисленных групп прилагательных в речи детей младшего дошкольного возраста. Однако проведенный анализ убеждает нас, что в процессе познания действительности ребенок овладевает не только существительными и глаголами, связанными с обозначением того или иного фрагмента, но и прилагательными, что бедность детского словаря, проявляющаяся на более поздних этапах – проблема педагогическая, связанная, очевидно, с непоследовательной активизацией прилагательных в детской речи.

ЛИТЕРАТУРА

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.

От двух до трех. Дневниковые записи / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. – СПб., 1998.

Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М., 2011.

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: ок. 10000 слов: свыше 15000 высказываний. – М., 2005.

Яценко М.А. Усвоение ребенком семантики качественных прилагательных // Семантические категории в детской речи: Монография. – СПб., 2007.

© Кусова М.Л., 2012

И.П. ШАПОР

*(Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Россия)*

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОПОЗИЦИЙ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация: Исследуется синтаксис детской речи с точки зрения моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения. Анализируются изменения способов выражения пространственных отношений детьми в связи с их когнитивным развитием.

Ключевые слова: спонтанная детская речь, статические и динамические пропозиции, элементарное простое предложение.

В данной работе синтаксис детской речи рассматривается с точки зрения моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения (ЭПП). Элементарное предложение – это «простое моно-предикативное предложение, не содержащее никаких членов (компонентов), которые могли бы быть развернуты в предикативную единицу» [Колосова, Черемисина, 1986: 14]. Пропозиция – план содержания ЭПП. Задача, которой мы следуем, проанализировать, какими средствами дети от полутора лет выражают динамические пропозиции.

В нашем исследовании поддерживается точка зрения на ребенка как строителя и создателя своей языковой системы. При этом система не складывается случайно, ее развитие происходит поэтапно, каждый этап развития имеет взаимосвязь с предыдущим и последующим. На каждом этапе выделяются определенные языковые парадигмы, сменяющие друг друга.

В данной работе особое значение придается спонтанной речи, так как нам важны любые предложения, которые ребенок способен конструировать в определенном возрасте для выражения динамической семантики, независимо от того, «верно» или «не верно» они построены.

Внутри бытийно-пространственного блока устанавливается оппозиция статических и динамических пропозиций. Статические отношения символизируют сохранение неизменного положения объекта локализации на протяжении данного отрезка времени. Для динамических отношений характерно описание такой ситуации, при которой объект изменяет свое местоположение в пространстве с течением времени

[Болотина 2006: 50]. К динамическим пропозициям относятся пропозиции движения, перемещения и передачи.

Изосемическая репрезентация пропозиции движения – ЭПП, построенное по модели движения. В состав структурной схемы входят: 1) предикат движения, обозначающий перемещение субъекта в пространстве; 2) субъект-агенса; 3) локализаторы, обозначающие разрыв прежних и установление новых пространственных отношений, – директив-старт и директив-финиш; 4) транзитив, который обозначает, по какому пути совершается перемещение субъекта из одного локуса в другой; 5) инструмент, обозначающий средство передвижения.

Изосемическим средством выражения динамических пропозиций являются ЭПП:

- движения: *СН1: *on k rape i tate pojdet* (Таня, 2; 11.20);
- перемещения: *Выгнала от бабы яги помелом* (Сева, 3; 01.14);
- передачи: *Дайте мне мой молоток!* (Сева, 3; 01.14).

При изосемическом выражении специфика динамических пропозиций проявляется в способах выражения локализаторов. Динамические локализаторы могут быть выражены:

- 1) дейктическими наречиями – *туда, сюда; оттуда, отсюда;*
- 2) существительным или местоимением:
 - *N₂: до станции, до города;*
 - *N₃: к другу;*
 - *N₄: в лес, в школу; из леса;*
- 3) отыменными наречиями: *домой, вверх, вниз; слева, сверху.*

Первые локализаторы, появляющиеся в речи детей, – это дейктические наречия, которые, как правило, сопровождаются указательным жестом. Опираясь на анализ нашей картотеки, делаем вывод, что при выражении динамических пропозиций дейктические наречия довольно рано теряют свою значимость и их вытесняют предложно-падежные формы существительных.

*СН1: *ain'ka xotit, rajexai, tuda* (*РЕБ: Варенька хочет, поехали, туда) (Варя, 1; 06.05).

В нашей работе выделено три способа неизосемического выражения пропозиций:

1) пропозиция выражается с помощью нетипичной ТСС¹, т.е. анализируемая семантика проявляется в тех формах, которые обычно используются для выражения другой семантики: [Увидев, что дедушка сел на карандаш, лежащий на стуле] *Дедушка, у тебя карандаш на*

¹ ТСС – типовые синтаксические структуры – устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями.

none (Алена, 1; 08). – В данном случае семантика движения выражается с помощью структуры пропозиции существования, в связи с тем, что способы выражения статических отношений осваиваются детьми раньше динамических;

2) нарушение формы выражения одного из элементов ТСС, т.е. основная часть ТСС выражена изосемически, но один из элементов не выражен вообще или выражен нетипично;

3) компрессия пропозиций. Под компрессией пропозиций мы понимаем совмещение в одном предложении двух пропозиций, при котором их семантика и структура вступают во взаимодействие.

Возможна и обратная ситуация – использование бытийно-пространственных ТСС для неизосемического выражения других пропозиций.

Частотно неизосемическое выражение одного из компонентов пропозиции и компрессия пропозиций.

1. Нарушение в форме выражения отдельных компонентов:

а) неизосемическое выражение локализаторов):

У Аиньки масинка у нее, Аинька едет масинки (Варя, 1; 06.05). –

Предлог пока отсутствует даже в зачаточном виде.

*РЕБ: *Я принцесса*. *ВЗР: *а куда ходят принцессы?* *РЕБ: *а гулянья в лес* (Варя, 1; 08.24). – Вместо предлога Варя пока использует его фонетически упрощенный вариант, так называемый филлер.

б) нарушение в форме выражения предиката:

*СНІ: *ty budesh' otojda? ty budesh' otj +. ty budesh' otdivat' otsjuda?* *СНІ: *v storonku, budesh'?* *МОТ: *otxodit'?* *МОТ: *v storonku?* *СНІ: *da* (Варя, 2; 10.14). – Девочка не может вспомнить необходимое слово, пытается его подобрать, а потом решает произнести один из необходимых для выражения ее мысли элементов, чтобы ее правильно поняли, и эта стратегия действует. Мама восстановила пропозицию движения по наличию директива-финиша и подсказала слово, которое не могла вспомнить девочка.

в) использование непереходного глагола в предложениях с семантикой перемещения.

В детской речи частотны примеры, в которых при выражении пропозиции перемещения, во-первых, используется непереходный глагол, во-вторых, в качестве объекта перемещения выступает одушевленное лицо.

Не надо Аленку уходить (Алена, 1; 08) > не надо делать так, чтобы Аленка уходила; *Бабушка, слезь меня со стула*. (5) [Харченко 1994: 199] > сделай так, чтобы я слезла.

Глаголы *уходить*, *слезть* являются непереходными, поэтому не могут употребляться с прямым объектом. Эти предложения считались бы нормативно построенными, если бы то, что выступает в роли объекта, заняло бы позицию субъекта – *Аленка уходит*. Однако присутствие семантики каузации очевидно. Предположительно ребенок выбирает именно такую структуру для того, чтобы выразить «подневольность» объекта. Аленка не может сама решить, уйти ей или нет, девочка не может сама слезть со стула, поэтому активное действие должен совершить взрослый-субъект над ребенком-объектом.

2. Компрессия пропозиций.

а) компрессия пропозиции движения и отождествления:

Ты будешь медведем заходить. Ты будешь медведем заходить к нему (Сева, 3; 01.14.). – В предложении позиция инструмента замещена именем существительным *медведь* в Тв.п., т.е. инструмент выражен изосемически. В то же время, слово *медведь* является средством выражения пропозиции отождествления: *твоя роль быть медведем, ты – медведь*. В этом случае наблюдается компрессия двух пропозиций – движения и отождествления, причем основным средством выражения отношений является структура, типичная для пропозиции движения: выражен директив-финиш, инструмент. Нетипичным является заполнение позиции инструмента, так как обычно роль инструмента выполняют существительные с семантикой «транспортное средство».

б) компрессия пропозиции движения и характеристики:

*СН: *kakie nibud' ljudi prichodjat kata'sja na gorku kakiju* (Варя, 2; 04.14).

Специфический для детской речи способ компрессии пропозиций – распространение последнего слова в предложении определенном. На уровне высказывания (фрагмента текста) происходит внедрение пропозиции характеристики в уже завершённое предложение, выражающее другую пропозицию, в данном случае – пропозицию движения.

в) компрессия пропозиции движения и местонахождения.

[*EVA: *ty tozhe katalas' na kachele?* *СН: *eto dlja bejbiki, ja bol'shaja*], *ja pojdu i budu sidet' v kachele*. ([Eва: Ты тоже каталась на качеле? Таня: Это для бейбики, я большая,] я пойду и буду сидеть в качеле) (Таня, 2; 07.09). > Я пойду (в) качелю. Я буду сидеть (в) качеле.

Такие конструкции порождает стремление выразить два действия в одном предложении. Общий элемент – качели, для одной пропозиции он как статический локатив, для другой – как конечная точка движения.

Таким образом, предложения, выражающие динамические пропозиции, составляют более 50 % от всех предложений бытийно-пространственной семантики. Из динамических предложений наиболее частотны в речи детей предложения с семантикой движения. Первые высказывания с такой семантикой в нашей картотеке зафиксированы у ребенка в возрасте 1 года 6 мес. При изосемическом выражении пропозиции движения директив-финиш выражается в 30 % высказываний, а директив-старт – в 6 %.

По данным нашего исследования, освоение пространственных отношений детьми происходит поэтапно. Этапы выделяются на основе общности средств, используемых для выражения динамических или статических отношений. Каждый этап характеризуется наличием определенного набора средств, предназначенных для выражения того или иного типа пространственных отношений. Со временем происходит расширение средств и функций соответственно, что связано с постепенным когнитивным развитием ребенка.

На начальном этапе статические и динамические пространственные отношения не разграничиваются. В языке это выражается с помощью недетализированных статических показателей – дейктических наречий. Второй этап характеризуется возникновением противопоставления статики и динамики, что проявляется в регулярном использовании динамических дейктических наречий, а также в активном использовании предложно-падежных форм существительного и его субститутов в качестве локализатора.

Дальнейший ход развития способов выражения пространственных отношений идет по пути расширения функций у предлогов, которые на данном этапе употребляются регулярно. Предлоги *в / на* уже не заменяются филлерами и используются в зависимости от типа передаваемых отношений для передачи статики или динамики.

Таким образом, в речи детей при выражении пространственных отношений происходит не просто приобретение конструкций, а последовательная смена языковых парадигм. Когнитивное развитие ребенка сопровождается усложнением языковых конструкций. Знания ребенка о пространственных отношениях проецируются на языковые структуры.

ЛИТЕРАТУРА

Болотина Ю.Н. Модели русских элементарных простых предложений пространственной семантики с локативным компонентом в форме винительного падежа без предлога: Дис...канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.

Еливанова М.А. Формирование категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.

Колосова Т.А., Черемисина М.И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск, 1986.

Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2006. Т. 4. Вып. 2.

Childes – Child Language Data Exchange System. – URL: <http://childes.psy.cmu.edu/data>.

© Шапор И.П., 2012

Л.А. МОРГУНОВА

*(Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия)*

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

ИННОВАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА

Аннотация: Рассматриваются особенности механизмов смыслообразования в детской речи. Особое внимание уделяется одному из видов лингвокреативной деятельности ребенка, проявляющейся в мотивационной рефлексии при интерпретации детьми неизвестных слов.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, детская речь, словотворчество, мотивационная рефлексия, речемышлительный процесс.

Антропоцентризм современной лингвистики значительно расширил предметную область исследования и предоставил разнообразный материал и инструменты для его анализа. Обращение ученых к языковой личности актуализировало изучение взаимодействия речи и мышления и обозначило новые пути к его решению. В связи с этим в поле зрения ученых оказалась детская речевая продукция, анализ которой демонстрирует взаимосвязь развития мышления и формирования речевого поведения ребенка. В частности, исследование лингвокреативной деятельности детей способствует выявлению механизма речемышлительного процесса.

Детская лингвокреативная деятельность – это явление многогранное, поэтому оно разнопланово представлено в современной онтолингвистике. При изучении детских инноваций наиболее значимыми, на наш взгляд, являются проблемы определения объема понятия «детское словотворчество», а также выявления возраста наибольшей его активности. Как «неузальные производные слова» квалифицирует «детские неологизмы» Н.М. Юрьева [Юрьева 2006: 211]. Широкий подход к определению объема понятия «детская речевая инновация» наблюдается в работах С.Н. Цейтлин, которая трактует детские инновации как «любой языковой факт, зафиксированный в речи ребенка и отсутствующий в общем употреблении» [Цейтлин 2000: 64]. Подчеркнем актуальность такого подхода, способствующего определению когнитивных особенностей лингвокреативной деятельности детей.

Возраст наибольшей детской словотворческой активности, по мнению многих ученых, приходится на период от 3-4 до 6-7 лет [Шахнарович 1995; Юрьева 2006; Седов 2008]. Указание таких возрастных рамок связано, с одной стороны, с формированием первичного лексического запаса и возникновением когнитивных предпосылок словообразования к 3-4 годам, а, с другой – с овладением нормой взрослого языка и завершением словотворчества к 6-7 годам [Юрьева 2006; Цейтлин 2000; Седов 2008]. Следует отметить, что феномен лингвокреативной деятельности свидетельствует об активизации работы левого полушария [Седов 2008], хотя на ранних этапах формирования речи детей доминирует правополушарный способ обработки информации [Симерницкая 1978]. Таким образом, детская лингвокреативная деятельность – это одно из первых явлений, указывающих на активизацию левого полушария в развитии речемыслительной деятельности ребенка.

Как известно, детские окказиональные языковые единицы отличаются большим разнообразием, что обусловило появление разных подходов к их типологии. Классификация С.Н. Цейтлин нам кажется наиболее оптимальной, так как она способствует комплексному анализу детских новообразований с учетом специфики восприятия детей. В рамках данной типологии, кроме традиционно изучаемых инноваций при продуцировании речи, выделяются инновации, связанные с детским неузуальным истолкованием значений слов взрослого языка.

Довольно часто именно инновации при речепроизводстве становятся предметом изучения исследователей, поэтому подробнее остановимся на окказиональных языковых единицах, возникающих в результате ненормативной интерпретации значения слова. С.Н. Цейтлин рассматривает подобный тип новообразований как «инновации восприятия, связанные с не соответствующей норме интерпретацией значения производного (или осознаваемого в качестве производного) слова» [Цейтлин 2000: 164]. Иногда инновации восприятия изучаются в рамках проблемы метаязыковой деятельности детей (с акцентом на мотивационной рефлексии дошкольников), которая «выступает как одна из форм лингвокреативного мышления ребенка, соответствующего уровню его речевой способности и активности» [Гридина 2004: 2].

В ходе анализа детского речевого материала нами выделено два способа ненормативной интерпретации детьми неизвестных им слов:

1) определение лексического значения слова на основе поиска его мотивированности по внешнему сходству с другими однокоренными словами;

2) неузвальное истолкование значения слова с помощью объединения неродственных лексем в один корневой ряд (то есть интеграция слов с омонимичными корнями).

Проиллюстрируем примерами (данные получены при проведении серии экспериментов с детьми от 3 до 6 лет и из дневниковых записей родителей).

Так, при определении лексической единицы *бумажник* большинство детей отмечает, что это человек, который имеет отношение к производству бумаги или к работе с ней: «*Это тот, который бумаги выдает и который бумаги делает*» (Илья, 5 л.), «*который бумагу делает*» (Богдан, 5 л.), «*он с бумагой работает*» (Маша, 5 л.), «*который бумажки все собирает*» (Денис, 4 г.), «*бумаги складывает*» (Андрей, 6 л.). Нередко лексема *проигрыватель*, обозначающая предмет, ушедший из повседневного употребления, воспринимается дошкольниками как некто проигравший: «*Это какой проигрывает. Ну, это значит не выиграл*» (Варвара, 5 л.). В то же время слово *распылитель* в процессе детской метаязыковой рефлексии оказывается *пылесосом* (Игорь, 4 г.) или предметом, который «*поднимает пыль*» (Маша, 5 л.). Как видим, данные примеры демонстрируют попытки детей истолковать неизвестные слова на основе поиска сходства между значением и внешней формой лексем среди однокоренных слов.

Нередко мотивационная рефлексия детей осуществляется посредством объединения неродственных слов в один корневой ряд. Эти процессы мы можем наблюдать в следующих речевых ситуациях. Так, Марианна (4 г.), задумавшись, почему мороженое «Бейсбольный орешек» получило такое название, пришла к выводу: «*Это значит, что после него не заболеешь. Он же без больной!*» А для большинства детей *хвостун* оказывается животным, «*который хвостиком махает*» (Даша, 4 г.) или «*у которого хвост*» (Саша, 3 г.). По тому же принципу в один корневой ряд попали неродственные слова *ворон* и *воробей* в речи пятилетнего Ярослава: «*Мама, а вороны – это воробьи, когда вырастут?*», а также *какао* и *кокаин* в высказывании четырехлетнего Арсения: «*Вот в кофе – кофеин, а в какао? Кокаин?*».

Возникновение данных речевых процессов, основанных на поиске сходства внешней формы, В.С. Ротенберг связывает с «однолинейностью» детского мышления [Ротенберг 1989]. Подобную особенность мыслительного процесса детей он объясняет их неспособностью к восприятию сразу двух признаков одновременно: формального и смыслового. Соответствующим в одном корневом ряду оказываются сходные по звучанию, но разные по значению слова, например, такие, как *лак* и *лакомиться*, *ухо* – *уха*, *седой* – *седок* и др. [там же]. На наш взгляд,

подобный феномен связан с доминированием в детском возрасте правополушарного способа обработки информации, который характеризуется объединением явлений на основе их внешнего сходства [Спрингер, Дейч 1983].

Таким образом, исследование детского лингвокреативного материала указывает на тесное взаимодействие речевого и мыслительного процессов. Изучение принципов мотивационной рефлексии детей демонстрирует преобладание правополушарного способа структурирования явлений, основанного на классификации явлений по внешнему сходству. Анализ лингвокреативной продукции детей способствует выявлению особенностей механизмов смыслообразования.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html>.

Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. Мозг. Обучение. Здоровье. – М., 1989.

Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. – М., 2008.

Симерницкая Э.Г. Доминантность полушарий. – М., 1978.

Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый, мозг. – М., 1983.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2000.

Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995.

Юрьева Н.М. Речевой онтогенез в теории и эксперименте. Дис. ... доктора филол. наук. – М., 2006.

© Моргунова Л.А., 2012

Т.И. КАЛУЖНИКОВА

(Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

ИНТОНАЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОНОМАТОПЕЙ В ДЕТСКОМ СПОНТАННОМ ПЕНИИ

Аннотация: Рассматривается ономотопея как комплексная форма звукового общения, включающая аудиальные и паралингвистические средства (мимику, жесты, движения и т.п.). Выявляются виды детских ономотопей и последовательность в освоении типов звуковых имитаций в онтогенезе.

Ключевые слова: звукоподражания, изобразительные интонации, вокализации, звукоимитация, онтогенез.

Феномен звукоподражания издавна привлекает к себе внимание ученых, работающих в разных областях научного знания. Однако проблематика, связанная со сферой звуковых имитаций, изучается в основном на материале культуры взрослых, тогда как применительно к детскому поведению она все еще в должной мере не осмыслена. Отмеченным обстоятельством обусловлено обращение к заявленной теме, при исследовании которой использованы образцы спонтанного пения, записанные автором статьи от современных российских детей.

Наблюдаются некоторые несовпадения в трактовке понятий «ономотопея» / «звукоподражание» представителями разных наук. С точки зрения лингвистики, это, с одной стороны, деятельность, связанная с воспроизведением звучаний внешнего мира, с другой – слово (знак вербального языка), звуковая форма которого обуславливается свойствами имитируемого объекта. Помимо звукоизобразительных слов с акустическим денотатом, выделяются звукоимитационные лексемы с неакустическим денотатом. В них запечатлены аудиальные образы объектов, воспринимаемых в любой сенсорной модальности человека, кроме слуховой [Воронин 1982: 24, 31, 34, 88, 136; Журавлев 1974: 11-13, 130, 142].

Несколько иная интерпретация названного понятия сложилась в биоакустике [Морозов 1983; Панов 1994; Сёке: 1973; Шовен 1972], орнитомузыкологии [Сёке: 1973] и этномузыкологии [Алексеев 1995: 33-35; Мациевский 2011: 5-6; МКНС 1997: 96, 145-147, 178; Шейкин 2002: Глава II и др.]. Здесь оно мыслится как *комплексная форма звукового общения*, включающая, помимо аудиальной составляющей (голосовые фонации как со словом, так и без него, инструментальные

сигналы), также *паралингвистические средства* – мимику, жесты, движения тела и т.п. Существенно, что подобная форма имеет мотивированный характер, так как присущее ей соответствие звучания и значения вполне осознается субъектами коммуникации. Эта точка зрения, оптимально отвечающая специфике детских вокальных звукоподражаний, принята в настоящей работе.

Все воспринимаемые и воспроизводимые ребенком элементы фоносреды образуют несколько групп объектов звуковых имитаций, каждой из которых соответствуют определенные *изобразительные интонации*. Специфика подобных интонаций состоит в том, что они не просто копируют звук, а передают впечатление от него и отчасти от его источника. Иными словами, применительно к вокальным ономотопеям следует говорить не столько о подражании аудиальным явлениям, сколько о создании их образов, что фактически нивелирует различия между изображением звучаний и их символическим воссозданием.

При изучении интонационного содержания детских звукоподражаний автор исходит из понимания интонации как комплексного феномена, базирующегося на взаимодействии мелодических, ритмических, темповых, регистровых, тембровых аспектов звучания. Поскольку голосовые имитации ребенка охватывают речевую, музыкальную, а также пограничную между речью и пением сферы, то наряду с установками музыковедческих работ [Асафьев 1971; Мазепус 1998], в статье использованы некоторые положения лингвистических трудов, в частности исследования С.В. Воронина «Основы фоносемантики» [Воронин 1982]. Методологически продуктивна предложенная ученым дифференциация звукоизобразительных слов на основе их принадлежности к сфере *тонов* либо *шумов*, а также *ударов* и *неударов*. Дальнейшая детализация связана с учетом *регистра* и *интенсивности* произнесения ономотопей. Существенно, что обозначенные параметры, за исключением временного, характеризуют, прежде всего, фонический аспект звукомиметических оборотов (тембр, регистр, громкость), который, по-видимому, и следует считать их определяющим свойством.

Ориентируясь на круг имитируемых звуковых объектов и обозначенные выше аспекты рассмотрения изобразительных интонаций, можно следующим образом представить интонационное содержание детских ономотопей.

1. Звуки живой природы (сигналы животных и птиц): тембровая основа – тоны; временная характеристика – неудары, серия неударов, серия ударов; регистры детского голоса – верхний, средний, нижний; интенсивность голосовых сигналов – высокая, средняя и низкая; фонетический ряд – гласноподобные, гласные, гласные + согласные;

артикуляционные приемы – звонкая фонация, фарингализация, ларингализация.

2. Интонации вербальной речи и пения человека: тоны; неудары, серия неударов; верхний и средний голосовые регистры; низкая и умеренная интенсивность; гласные, гласные + согласные в качестве фонетической основы; звонкая фонация как доминирующий артикуляционный прием.

3. Звучания музыкальных инструментов: тоны; неудары, серия неударов, серия ударов; верхний, средний и нижний голосовые регистры; умеренная и высокая интенсивность; гласные + согласные; звонкая фонация.

4. Технические и батальные «фонограммы»: тоны + шумы, шумы; неудары, серия неударов, удары, серия ударов; верхний, средний, нижний регистры, сопоставление разнорегистровых звучаний; низкая, умеренная, высокая интенсивность; гласные + согласные, согласные, в том числе и их «пучки»; артикуляционные приемы – звонкая и шепотная фонация, глоттализация, фарингализация, ларингализация.

5. Голоса игровых персонажей и сверхъестественных существ: тоны, тоны + шумы, шумы; неудары, удары; верхний, средний, нижний регистры детского голоса; низкая, умеренная, высокая интенсивность; гласные, гласные + согласные, согласные; артикуляционные приемы – звонкая фонация, фарингализация и ларингализация.

6. Кинетические процессы: тоны, тоны + шумы; серия ударов; средний голосовой регистр; высокая интенсивность; гласные + согласные; звонкая фонация.

Просматривается определенная последовательность в освоении типов звуковых имитаций в ходе онтогенеза. Их появлению предшествуют широко представленные в гулении и лепете младенцев *спонтанно порождаемые вокализации*, ассоциирующиеся с голосовыми сигналами животных и птиц. Впоследствии они отчасти сохраняются в игровых монологах трех-пятилетних детей. Собственно ономотопеи, впервые появляющиеся в звуковом поведении ребенка на рубеже первого и второго годов жизни, не утрачивают своего значения на протяжении всего периода детства. Типовыми ситуациями их воспроизведения являются ритуал, игра, процесс рисования и бытовая обстановка.

В период от одного года до трех лет наиболее наглядно проявляется комплексный характер детских звукоподражаний. Самые ранние из них представляют собой бимодальные знаковые комплексы – «звукожесты», объединяющие указательный жест и фонацию, либо полимодальные, состоящие из жеста, мимики и звука [Воронин 1982: 136-139]. В значительной мере отмеченная особенность ономотопей ребен-

ка сохраняется и на более поздних ступенях его онтогенеза [Бьеркволл 2001; Калужникова 2004].

На стадии первичного освоения звукоподражаний заметна тенденция к их многократному повторению. Подобное мультиплицированное воспроизведение услышанных звуков, интонаций, слогов, слов выполняет две ведущие функции: игрового манипулирования акустическими объектами, а также отбора и запоминания некоторых из них.

Раннее детство – время первоначального подражания голосовым сигналам животных и птиц, звучаниям человеческого голоса и музыкальных инструментов. Характерно, что все интонационные обороты такого рода имеют тоновый, в редких случаях – тоново-шумовой неударный характер, артикулируются в разных голосовых регистрах с низкой либо умеренной интенсивностью.

Среди *звуков живой природы* малышами в качестве объектов имитации избираются голоса известных им животных и птиц (котик, собачка, коровка, лошадка, медведь, гусь, петушок и др.). Знакомство с ними происходит как при непосредственном наблюдении ребенка за представителями фауны, так и в процессе общения с взрослыми. С помощью игрушек, книг, игр старшие вводят дитя в эту увлекательную сферу, а зачастую и демонстрируют ему некоторые сложившиеся в культуре образцы звукоподражаний.

Звучания человеческого голоса представлены в ранних детских имитациях речевыми интонациями и «баюканьями». Как известно, общаясь с малышами, мамы, бабушки и няни нередко используют особый тон речи (регистр *baby talk*, или «сюсюканье»), для которого характерны довольно высокая тесситура, усиленные мелодические контуры, замедленный темп, смягченная артикуляция фонем [Гаврилова 2001]. Из этой речи, максимально приближенной к детскому интонированию, ребенком, как правило, перенимаются ее тембр и обобщенный мелодический контур.

К той же группе ономатопей принадлежат «баюканья» – краткие фрагменты колыбельных песен, впервые появляющиеся в вокализациях младенцев восьми-девяти месяцев. Многократно повторяемый мелодический оборот артикулируется на фоне *а* либо слове *бай*.

Значительно разнообразнее интонационная сфера звукоподражаний выглядит в спонтанном пении дошкольников и младших школьников. На этих ступенях онтогенеза продолжают бытовать освоенные прежде типы ономатопей, но появляются и новообразования. Одно из них – воссоздание звуков *техники и баталий* (тип, популярный, главным образом, у мальчиков), где доминируют шумы, иногда сочетающиеся с тонами. Встречаются как серии неударов (вой сирены, сигнала

лы автомобиля, гудение ритмично работающего мотора и т. п.), так и серии ударов (столкновения машин, выстрелы и др.). Широко используется весь диапазон детского голоса, нередко сопоставления голосовых регистров и контрастных по громкости звучаний.

Другим новообразованием являются ономотопеи, воспроизводящие *голоса игровых персонажей и сверхъестественных существ*. В данном случае сам миметический акт базируется исключительно на представлениях об акустических объектах, а не на их чувственном восприятии. Интонации подобного рода особенно типичны для ролевых игр детей дошкольного, отчасти младшего школьного возраста, в чем находит проявление тенденция к активизации в их мышлении рационально-логического начала.

У дошкольников и младших школьников популярны *голосовые имитации кинетических процессов*. В структуре таких интонаций запечатлены особенности разного рода ритмичных движений – шага, бега, прыжков, хлопков, ударов, качания качелей и т.п., что проявляется в насыщении интонационных оборотов динамическими акцентами, приходящимися на икты двигательных фаз. Как правило, они имеют маятникообразную мелодическую линию, тоновую либо тоново-шумовую тембровую основу, представляют собой серию мерных ударов, артикулируемых с высокой интенсивностью.

Итак, ономотопеи как формы выражения детьми впечатлений, получаемых из окружающего мира, играют важнейшую роль в разных сферах их инкультурации и социализации. В процессе звукомиметической деятельности происходит «присвоение» ребенком свойств различных аудиальных объектов, что способствует формированию *интонационного словаря* его спонтанного пения и шире – *интонационного опыта*.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Э.Е. Прагматическое, игровое, ритуальное в звукоподражаниях народов Севера Сибири // Голос и ритуал: Материалы конф., Москва, ГИИ, май 1995 г. – М., 1995.

Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс: В 2 кн. – Л., 1971.

Бьёркволл Ю.Р. С музыкой в душе: Ребенок и песня, игра и обучение на всех этапах жизни / Пер. с норвеж. М.Л. Алёксиной. – СПб., 2001.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.

Гаврилова Т.О. Регистр общения с детьми (baby talk): некоторые интонационные особенности // Антропология. Фольклористика. Лингвистика / Отв. ред. А.К. Байбурин, В.Б. Колосова. – СПб., 2001. Вып. 1.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974.

Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка (по материалам, записанным от современных российских городских детей). – Екатеринбург, 2004.

Мазепус В.В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор. Комплексная текстология. 1998 / Сост. и отв. ред. В.М. Гацак. – М., 1998.

Мацевский И. О функциональных истоках звукоподражания в музыке // Музыка природы: Звукоподражание в природе и искусстве: Тезисы IV междунар. науч.-практ. конф. к программе «Голос в культуре», СПб., РИИИ, 6 декабря 2011 г. – СПб., 2011.

Морозов В. Занимательная биоакустика: Рассказы о языке эмоций в мире животных и человека. – М., 1983.

Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Т. 1. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1. Традиционная культура коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1997.

Панов Е.Н. Механизмы коммуникации у птиц. – М., 1978.

Сёке П. Звукомикроскопия и биологическая «музыкальность» голоса птиц // Вестник Московского университета. – Серия VI. Биология, почвоведение. – 1973. – № 1 (январь–февраль).

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование / Под общ. ред. Е.С. Новик; Нотография Т.И. Игнатъевой. – М., 2002.

Шовен Р. Поведение животных. Пер. с франц. – М., 1972.

© Калужникова Т.И., 2012

Г.Н. ЧИРШЕВА

*(Череповецкий государственный университет
г. Череповец, Россия)*

УДК 372.881.1
ББК 4426.81,01

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ В РЕЧИ АМЕРИКАНСКИХ РУССКИХ ДЕТЕЙ

Аннотация: Исследуются наиболее характерные структурные и прагматические особенности инноваций в речи детей-билингвов. Преобразование единиц гостевого языка с помощью правил матричного языка рассматривается как фактор, стимулирующий языковую игру, межязыковое творчество и помогающий приостановить снижение билингвальности.

Ключевые слова: билингвизм, переключение кодов, матричный язык, гостевой язык, интерлингвальное творчество.

Цель данной работы – выявить наиболее характерные структурные и прагматические особенности англо-русских инноваций в речи американских детей 4-12 лет, которые родились в русскоязычных семьях в США или приехали в США в возрасте до 9 лет.

Все эти дети умеют говорить на двух языках (английском и русском), в течение недели ходят в англоязычные школы или детские сады, а по субботам родители привозят их в русскую школу, где их обучают русскоязычные преподаватели. На всех занятиях дети играют, рисуют, иногда танцуют и поют.

Как у тех детей, которые приехали в США русскоязычными монолингвами и становились билингвами постепенно, так и у тех, кто родился в США и усваивал русский язык в англоязычном обществе почти параллельно с английским, формируется субтрактивный билингвизм, когда один из языков постоянно доминирует в их речевой деятельности, подавляя активизацию другого языка [Чиршева 2000: 22-23]. Постепенно все дети перестают ощущать необходимость использования русского языка в большинстве сфер общения, с каждым годом их все труднее убеждать в необходимости говорить по-русски. Поэтому они начинают испытывать трудности в подборе русских слов, их русскоязычная речь интенсивно насыщена переключениями кодов на английский язык.

На особенности речи детей влияют два взаимосвязанных фактора: недостаточный объем русскоязычного инпута и язык общества (английский), который является и языком их обучения в школе, и языком общения с большинством сверстников.

Процесс снижения билингвальности и перестройки статусно-ролевых характеристик двух языков в репертуаре билингва протекает в определенном порядке, который успешно анализируется с помощью моделей порождения билингвальной речи (Matrix Language Frame Model, Abstract Level Model, 4M model), разработанных К. Майерс-Скоттон и Дж. Джейк [Myers-Scotton 2002; Myers-Scotton, Jake 2001] и апробированных на ряде языковых комбинаций [Bolonyai 1998; Schmitt 2000; 2008; Zabrodskaya 2009]. Тот язык, который определяет порядок следования морфем / слов в предложении и его морфосинтаксическую рамку, поставляя все необходимые граммы, называется матричным. Матричный язык устанавливает ряд ограничений на использование единиц гостевого языка.

По своей структуре кодовые переключения могут быть представлены целыми репликами, оформлены как межфразовые или внутрифразовые. Среди последних выделяют переключения между частями сложного предложения (гостевой язык выбран для главной или придаточной части), островные переключения (словоформы или словосочетания из единиц гостевого языка, которые соединены и / или оформлены по правилам его грамматики) и вкрапления. Вкрапления, в свою очередь, представлены тремя видами: 1) собственно вкраплениями, для которых в пределах той морфосинтаксической рамки, где они употреблены, не требуется никаких грамматических показателей, 2) голыми формами, т.е. словами гостевого языка без грамматических показателей матричного языка, требуемых морфосинтаксической рамкой предложения, в котором они использованы, 3) пиджинизированными вкраплениями, которые оформлены словообразовательными / словоизменительными элементами матричного языка.

Более 95 % переключений кодов на английский язык, которые наблюдались в русской речи всех американских детей, представлены такими единицами, которые не оформляются показателями матричного языка: целые реплики, как иницирующие, так и реагирующие; межфразовые переключения; части сложного предложения; островные переключения; собственно вкрапления; голые формы.

Межязыковыми, или интерлингвальными, инновациями можно назвать такие переключения, которые оформляются в виде пиджинизированных, или гибридных, структур, состоящих из морфем разных языков. Значимость таких русско-английских новообразований состоит в том, что американские дети продолжают использовать модели словообразования и словоизменения русского языка, что не позволяет ему быстро забывать. Такие единицы обычно свидетельствуют о том,

что индивид находится в билингвальном модусе [Grosjean 2001], когда активизированы оба его языка.

Пиджинизированные русско-английские переключения в нашем материале довольно однообразны – они чаще всего представлены английскими корневыми морфемами с русским окончанием множественного числа *-ы* или *-и*, например:

Это все stamp-ы такие (Тима, 5 л.).

Будем ребёнка одевать. Будем diaper-ы собирать, которые изобретем (Кристина, 12 л.).

Это огромные scittle-ы (Мила, 7 л.).

(поправляя носки): *У меня sock-и* (Илюша, 4 г.).

Русские падежные окончания также не отличаются разнообразием – это единичные примеры:

У меня нету tape-а (Яша, 8 л.);

Кого ты рисуешь? – Unicorn-а (Эмми, 6 л.).

Тебе не можно кушать pop-corn-а (Эрик, 5 л.).

На Halloween-е я была баба-яга, а еще одна тётя там тоже была баба-яга (Эмми, 6 л.).

Я ходил смотреть на frog-ов (Эрик, 5 л.).

Английский глагол с русскими аффиксами, как словообразовательными, так и словоизменительными, зафиксирован лишь в речи одного мальчика из семьи преподавателей русского языка:

Дай по-smell-ить! (Яша, 8 л.).

Почти все дети использовали английское слово *baby* с русским уменьшительным суффиксом и в разных падежных формах:

Я baby-чка пума (Эмми, 6 л.).

Черепашки кладут baby-чки на песок (Джесс, 5 л.).

Люблю baby-чек (Алина, 7 л.).

Однако, как выяснилось из бесед с родителями, в такой форме это слово произносят и взрослые русские, т.е. это не детские инновации, а устойчивые переключения из билингвальной речи взрослых, которые дети лишь повторяют.

Определенную свободу для межъязыкового творчества дает детям необходимость переводить на русский язык английские вкрапления, что тоже способствует активному обращению к родному языку, например:

Что произойдет с солью в воде? – It's gonna vanish (Зося, 7 л.). – *Это уйдёт* (Арон, 7 л.). – *Растворится* (Мила, 7 л.). – *Он таит* (Даня, 7 л.).

Это что за рыба? – Eel (Эрик, 5 л.). – *Это змея-рыба* (Илюша, 4 г.). – *Это рыба-ремень* (Тима, 5 л.).

Сравнение таких «переводов» на русский язык показывает, что дети пытаются найти разные эквиваленты, но при этом испытывают трудности в подборе адекватной лексики и в ее грамматическом оформлении.

Основными причинами переключений с русского языка на английский в речи американских детей являются: лакуны в их русском словарном запасе, трудности грамматического оформления русских высказываний, более активно сформировавшаяся привычка выражать эмоции и оценку на английском языке. Дети сами понимают, что по-русски им иногда труднее что-то произнести или объяснить, о чем свидетельствуют их комментарии и вопросы:

Я не знаю, как это по-русски (Майя, 4 г.).

Я не знаю, как это сказать (Кристина, 12 л.).

А как сказать unicorn? (Эмми, 5 л.). – *Единорог.* – (пробует повторить): *Трудно сказать* (Эмми, 5 л.).

Многочисленные переключения, в которых гостевой язык усиливает свои позиции с помощью голых форм, островных и межфразовых переключений, а также целых реплик, объясняются тем, что в условиях англоязычного общества дети используют в первую очередь английский язык для повседневной коммуникации со сверстниками и взрослыми, для познавательных видов деятельности, как в устной, так и в письменной форме. А это означает, что в их речевой деятельности преобладает англоязычный монолингвальный модус, реже присутствует билингвальный модус, и еще реже – русскоязычный монолингвальный модус.

Пиджинизированные переключения, которые демонстрируют сознательное преобразование единиц гостевого языка с помощью правил матричного языка, в определенной степени стимулируют интерлингвальное творчество, языковую игру, активизируют использование забываемого языка. Поэтому к пиджинизированным переключениям в таких билингвальных ситуациях следует относиться как к факторам, отчасти помогающим приостановить снижение билингвальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Чиршева Г.Н.* Введение в онтобилингвологию. – Череповец, 2000.
Bolonyai A. In-between languages: Language shift/maintenance in childhood bilingualism // *International Journal on Bilingualism.* – 1998. – V. 2. – № 1.
Grosjean F. The Bilingual's Language Modes // *Nicol J.L. (ed.). One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing.* – Oxford: Blackwell Publishing, 2001.
Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and grammatical outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Myers-Scotton C., Jake J. Explaining Aspects of Codeswitching and their Implications // J. Nicol (ed.). Two Languages: Bilingual Language Processing. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001.

Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia // International Journal on Bilingualism. – 2000. – V. 4. – № 1.

Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? // Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis. – Narva, 2008.

Zabrodskaia A. Evaluating the Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus // International Journal of Bilingualism. – 2009. – V. 13. – № 3.

© Чиршева Г.Н., 2012

КРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

О.А. МИХАЙЛОВА

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш100.3

КРЕАТИВНОСТЬ В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЭМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ»)¹

Аннотация: Рассматривается креативность в терминологии, которая проявляется в активном процессе образования терминов и специализации отдельных словообразовательных формантов. В частности, анализируются термины из сферы языкознания с формантом -ем(а) и направления их функционирования.

Ключевые слова: терминотворчество, вариант, инвариант, парадигма, уровни языковой системы, язык как деятельность.

Одним из признаков современной языковой ситуации является креативность во всех сферах деятельности, в том числе и научной. В процессе познания и освоения научных объектов и отношений между ними создаются новые термины, что, с одной стороны, способствует выделению особых отраслей знания (частных разновидностей и направлений какой-либо области), а с другой, обобщает опыт изучения особых объектов в конкретной науке. Термин как единица языка подчиняется и фонетическим, и грамматическим законам данного языка. Структурно-семантические особенности терминов проявляются в сфере словообразования, где происходит специализация отдельных формантов, характерных для собственно терминологических моделей. Таким специализированным для языкознания формантом стал греческий суффикс -ем(а).

В лингвистике этот суффикс является достаточно продуктивным и маркирует абстрактную, глубинную единицу языка. Давно стало об-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России (грант 2012-1.5-12-000-3004-002 «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

щепринятым последовательное разграничение языковых единиц и их конкретных реализаций. Признание вариантно-инвариантного устройства материальных единиц языка отразилось в двух рядах терминов – эмических и этических. Эмические понятия как инварианты включают этические понятия как свои видовые варианты (ср. *фонемика* как учение о инвариантах – фонемах и *фонетика* – учение о вариантах фонемы). В большинстве направлений *лингвистики* «этические» и соответствующие им «эмические» единицы относятся к одному уровню языка.

Противопоставление эмических и этических единиц в современном употреблении было предложено дескриптивной лингвистикой, в частности в рамках концепции грамматического описания единиц языка – тагмемики – американским лингвистом К.Л. Пайком и его учениками в 1950–60-х гг. Однако сами эмические термины имеют более давнюю историю. Начинают российскую лингвистическую историю эмических терминов *морфема* и *фонема*.

Понятие и термин *морфема*, предложенные в 1881 г. Бодуэном де Куртенэ как обобщение понятий *корень* и *аффикс*, получают широкое распространение в работах Пражской лингвистической школы, Л. Блумфилда и в дескриптивной лингвистике. Выйдя за пределы структурной лингвистики, термин *морфема* стал одним из основных в общем языкознании, в описательной и исторической грамматиках, однако в содержании данного понятия со временем наблюдаются многочисленные сдвиги. В это же время Казанской лингвистической школой впервые разработано понятие *фонема* в современном смысле термина. Сам же термин *фонема* появился раньше во французской лингвистике как эквивалент немецкого *Sprachlaut* 'звук языка'. Более поздним является термин *лексема*, который был предложен в 1918 г. А.М. Пешковским, в 1924 г. вошел в «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново, а в дальнейшем получил содержательное наполнение и уточнение в трудах В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Зализняка.

Распространение структурных методов на лексику обусловило и появление параллельного *лексеме* термина *семема* (в работе Л. Блумфилда 1933 г.), и эти термины в совокупности охватывают лексический уровень. Таким образом, эмическими терминами были определены единицы трех уровней языковой структуры. В отношении синтаксических единиц М.И. Черемисина в работе 1997 г. отмечала отсутствие эмических терминов для синтаксического уровня [Черемисина 1997].

Термин с суффиксом *-ем* придает соответствующему научному понятию значение минимальной единицы определенного уровня язы-

ка, а также очерчивает его парадигматический контекст; следовательно, по логике вещей список эмических терминов должен быть закрыт, поскольку для каждого уровня возможна только одна эмическая единица. В ЛЭС представлены термины *фонема*, *лексема*, *морфема*, *семантема*, *сема* и некоторые приставочные производные от них.

Однако в Тезаурусе лингвистических терминов в 2006 г. [см.: <http://shaoulski.livejournal.com/48648.html>] было представлено свыше 100 единиц с суффиксом *-ем(а)*, и этот список был нами дополнен новыми данными, подтверждающими творческую деятельность лингвистов в области терминообразования.

Образование эмических терминов в метаязыке современной лингвистики идет в двух направлениях – вглубь ивширь.

В первом случае каждая из известных структурных единиц изучается более глубоко и в разных аспектах, в результате чего она становится основой словообразовательного гнезда. Противопоставление инвариантных единиц и их видовых вариантов закономерно привело к появлению алло-эмических терминологических пар: *морфема* / *алломорфема*, *фонема* / *аллофонема*, *лексема* / *аллолексема*. Кроме того, исследователи создают производные от общеизвестных эмических терминов, чтобы обозначить таким образом аспект исследования соответствующей единицы или показать ее промежуточный характер. Так, существуют однокоренные с *морфемой* термины *лексоморфема*, *синтагмоморфема* (Т.В. Булыгина), *морфоттема*, (Ю.С. Маслов), *слогоморфема* (Х. Улашин), *морфосиллабема*. От основы *лексема* образованы, *архилексема*, *лексоттема* (Ю.С. Маслов).

Наиболее широко представлены производные термина *фонема*: *архифонема* (Н.С. Грубецкой, Р.О. Якобсон), *парадигмо-фонема*, *синтагмо-фонема*, *субфонема* (М.В. Панов), *суперфонема* (Л.Л. Касаткин), *гиперфонема* (В.Н. Сидоров), *мегагиперфонема*, *супергиперфонема*, *супрафонема* (С.В. Князев), *группофонема* (В.К. Журавлёв) и др.

Второе направление, по которому развивается эмическая терминология, – расширение круга единиц, для номинации которых создаются слова с суффиксом *-ем*. И здесь творчество лингвистов проявляется со всей полнотой.

Можно вычленить парадигмы, включающие синонимические термины, например *фонема* – *кинема*, *семема* – *плерема* и др. Есть термины, обозначающие фигуры (Л. Ельмслев), т.е. односторонние сущности плана выражения или плана содержания (*сонема*, *таксема*, *номема*, *грамматема* и др.). Но в основном эмическим термином обо-

значаются вспомогательные, операциональные понятия, с помощью которых вычленяются пригодные для анализа единицы текста или речевой коммуникации. Многие из вновь предложенных терминов образуют парадигмы. Вот некоторые из них:

графема и *неографема* (новый элемент письма, новый графический знак);

фразема, *синтема* (несколько грамматических слов в одной синтагме, имеющих одну семему) и *синкретема* (минимальная лексическая единица древнерусского текста);

синтаксема (слово как конструктивный компонент более сложного синтаксического построения);

текстема и *наррема* (эпизод);

коммуникема, *коммуниканема*, *коммуникатема* и *речема*;

экспрессема (единица поэтического языка), *креатема* (минимальная единица творчества), *эвристема* (избранная, сильная *экспрессема*);

эпистема и *логоэпистема*

культурема и *лингвокультурема*.

Репертуар эмических терминов отражает исторический ход лингвистических изысканий – переход от структурной лингвистики к коммуникативной и далее к лингвокультурологии. Кроме того, терминологическая система доказывает смену объекта исследования – от языка как структуры к языку как деятельности, от основных строевых единиц языка к тексту и речи.

ЛИТЕРАТУРА

Черемисина М.И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Центрально-азиатский исторический сервер.

Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, 2 ed., The Hague. – P., 1967.

Pike K.L. Linguistic concepts: An introduction to tagmemics. – L., 1982.

© Михайлова О.А., 2012

Е. И. ГОЛОВАНОВА

(Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия)

УДК 81'27
ББК Ш107

ИГРОВОЕ НАЧАЛО В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ М.В. ПАНОВА

Аннотация: В статье анализируется соотношение рационально-логического и игрового начала в научном дискурсе выдающегося русского языковеда М.В. Панова. Выявляются характерные черты дискурса, отражающие особенности языковой личности автора: эвристическое переживание языка, эмоции, стихия эксперимента и игры.

Ключевые слова: метафора, символическое моделирование, эксперимент, рационально-логические построения, эвристичность.

Дискурс современного лингвиста немислим без обращения к метафоре и символическому моделированию языковых фактов, что наряду со строгими рационально-логическими построениями определяет глубину, эвристичность и научную ценность нового знания. Весьма показательно в этом отношении творчество выдающегося русского языковеда, представителя Московской лингвистической школы Михаила Викторовича Панова (1920-2001).

В работах М.В. Панова рационально-логическое и игровое начала находятся в тесном взаимодействии, переплетении. Обладая развитым воображением и поэтическим даром, ученый излагает свою точку зрения на языковые факты наглядно, образно и емко. Блестящий пример подобного соединения научной проницательности ученого, его строгих рационально-логических построений и фантазийно-игрового начала – статья «Об аналитических прилагательных» [Панов 2004: 137-151].

Текст статьи предваряется эпиграфом: «Из мелкой сволочи вербую рать. А. Пушкин». Выбор столь нетривиальной цитаты из наследия классика в сочетании с использованием в ней личной конструкции и травестийным совмещением «низкого» (*сволочь*) и «высокого» (*рать*) подспудно настраивает читателя на нестандартный характер последующего изложения.

Показательно начало статьи (псевдонарратив): «Когда в языке формируется новый грамматический класс, в него стекаются самые разные по происхождению единицы, иногда – с темным, причудливым прошлым. Однако в новой грамматической общности, в новой семье

их не попрекают происхождением: неважно, откуда они. Важно – где». Антропоморфные образы в терминологическом окружении и обыденные предложения служат здесь необычной формой для трансляции вполне научных фактов. После такой прелюдии – уже в следующем абзаце – автор переходит к нейтральному стилю изложения: «За последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи: аналитические прилагательные». Впрочем, полной объективности автор избегает: «Лингвисты не торопятся признать *de jure* этот новый лингвистический класс. Мешает в первую очередь диахроническая пелена на глазах: помнят, откуда пришли эти слова, и не видят их новых и прочных связей». Образ «пелены» не только придает высказыванию экспрессивность, но и ясно выражает авторскую оценку событий.

С этого момента диалог автора с читателем приобретает подчеркнуто игровой характер: «Что же, проверим происхождение этой грамматической «сволочи» (сволакивается она в группу аналит-прилагательных), выясним, существенно ли сегодня это прошлое. Или они уже прошли грамматическую “перековку”?» Здесь обращает на себя внимание метафора «перековки» как емкий, выразительный, точный прием указания на изменение статуса, качественной определенности того или иного объекта. К этому тексту дается сноска следующего содержания: «Далее намечены группы аналит-прилагательных по их происхождению. Современность классифицируется с диахронической точки зрения. Конечно, такая классификация не может претендовать на полную последовательность и стройность...» До этого момента текст сноски оформлен в соответствии с канонами собственно научного стиля, но далее эта каноничность разрушается: «...сквозь *диахронические очки* современность видится мутно и расплывчато» (курсив наш. – Е.Г.). Вновь Панов бросает камень в огород диахронистов и негативно оценивает их способность признавать новые факты. И это, как оказалось, не в последний раз: «Извращенное сознание ультра-диахрониста может видеть в таких прилагательных приставки. Как были, так-де и остались. Эта квази-осторожность не идет на пользу дела. Действительно, по происхождению это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они уже псевдо-префиксы, обрели все признаки слова, а став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная, нефразеологическая сочетаемость с существительными (приставки-то фразеологичны! это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое персональное ударение». Если не принимать во внимание ярко выраженную диалогичность авторских построений, перед нами абсолютно логически выверенное обоснование существования аналитиче-

ских прилагательных, восходящих к приставкам.

Рациональная логика и последовательность убедительно представлены и в следующем фрагменте: «Но так как единицы *лже-, лесо-, хлебо-* обладают свободной, не фразеологической сочетаемостью, то *хлебоуборку, лесозаготовки* и следует признать лжесловами: в современном языке это уже словосочетания, словосоположения, слово-, так сказать, -кортежи, последовательности». На фоне нейтрального стиля весьма неожиданно употребление окказионализмов (*словосоположения, словокортежи*) и – в дальнейшем тексте – образных комментариев: «Полумертвая группа» (о словах, начинающихся с *зауряд-*: *зауряд-поручик, зауряд-офицер* и под.). И в этом же контексте: «Были устойчивые сочетания: *баба-жох, парень-хват* <...>. Произошло – хотя бы и в речи – освобождение этих закрепленных привесков от фразеологических цепей» («*освобождение от цепей*» – явная аллюзия к текстам революционной эпохи).

Интересен комментарий ученого к 17-й группе прилагательных (*тоже-лингвисты, тоже-политики*): «Редкий (единичный?) случай, когда частица (вообще: служебное слово) становится аналитическим прилагательным. Пожалуй, это уже факт языка. Не вроде-прилагательное, а настоящее. Конечно, аналитическое». Автору не откажешь в логике, с одной стороны, и в словотворчестве, словесной игре (*вроде-прилагательное*) – с другой.

«Морфемы (приставки, части сложных слов) ведут себя как части фразеологизма: значение их варьируется в разных словах так, что предсказать тот семантический *кунишюк, который выкинет слово* в данном контексте – в данном слове, в сочетании с такими-то морфемными *соседями*, – как правило, невозможно. Лишь только часть слова становится семантически стабильна в сочетании с любой единицей данного типа, она перестает быть частью слова. Она *дорастает* до отдельного слова. Так и появляются многие аналит-прилагательные (выделено нами – *Е.Г.*)». На фоне общеязыковых метафор (*ведут себя* – о морфемах) в данном фрагменте появляется малопонятное «кунишюк», которое «выкинет слово», «соседи» – все это разрушает автоматизм восприятия научного текста и придает ему особый, условно-игровой характер.

Неожиданными оказываются и ответы автора на «виртуальные» реплики оппонентов: «Для многих аналитические прилагательные – это «фи!»-слова, неполноценные однодневки. Но день-то оказался долог – и, видимо, будет длиться и длиться».

Замечателен конец статьи, где излагается, по сути, кредо Панова:

«Даже и сейчас эти преграды мешают лингвисту аналитические прилагательные признать аналитическими прилагательными. Как же трудно было в первый раз установить их особый грамматический статус! Отделить их от похожего, но качественно иного! Здесь нужна раскованность и широта теоретической мысли, нужны пронизательность и умение, отойдя от «кажимости», понять суть сложного и движущегося новшества в языке, нужна смелость в преодолении ложных лингвистических традиций и еще большая смелость в создании новых. Строгое испытание для лингвиста – эти аналитические прилагательные. А ведь, казалось бы, простая вещь».

В приведенном фрагменте автор, начав с парадоксального высказывания, переходит к эмоционально-напряженному монологу, с высокой патетикой, ритмизованным синтаксисом, повторами, и далее неожиданно «переключает» стилевой код, ослабляя напряжение, «снижая» пафос контекста до почти обыденного комментария. Как видим, перед нами не просто научная статья, перед нами научно-художественный текст, где гармонично переплелись черты науки и искусства.

Судя по всему, «раскованность и широта теоретической мысли» как раз и свойственны тем лингвистам, которые обладают не только развитым рационально-логическим мышлением, но и неординарным интуитивно-творческим, фантазийным началом. В большей или меньшей степени последнее проявляется во всех научных работах М.В. Панова.

Факты и закономерности языка предстают под пером лингвиста в человеческом обличье: они испытывают чувства, эмоции, вступают в разнообразные отношения между собой. Ср.: «Дальнейшее исследование ее [диэремы] причуд и капризов не может не быть важно и плодотворно для общей фонологической теории» [Панов 2004: 319]; «почти у каждого звонкого *есть приятель* – глухой согласный» [Панов 1964: 54]; «...перед мягким зубным другой зубной непременно смягчается. Другими словами, первый звук находится в зависимости от обстановки, окружения, *на него бросает тень сосед*» [Там же: 56]; «один звук *приноравливается* к другому», «Фонема [γ] (ε фрикативное), когда-то *чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет*» [Панов 1990: 28]; «Гласный, попав в неблагоприятную для него позицию, *не всегда умеет за себя постоять*» [Там же: 29]; «Такова первая особенность литературной нормы: эта норма – “однолюб”» [Панов 2004: 91]; «У литературной речи есть удивительная, нежданная черта: способность *усыновлять* нелитературные отрезки текста» [Там же: 99].

Метафорическое моделирование применяется М.В. Пановым как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и для концептуализации нового научного знания. При оформлении нового знания фантазийно-игровое начало способствует активизации мыслительной деятельности читателя, служит ярким средством убеждения, инструментом точной характеристики и интерпретации.

В целом, эвристическое переживание языка, эмоции, стихия эксперимента и игры – характерные черты дискурса М.В. Панова, отражающие особенности его личности. Однако эти особенности постепенно становятся общими в лингвистическом (и шире – филологическом) дискурсе начала XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

Панов М.В. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии. – М., 1964.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. – М., 1990.

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М., 2004.

© Голованова Е.И., 2012

С.В. РАКИТИНА

*(Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш107

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН УЧЕНОГО КАК ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ В.И. ВЕРНАДСКОГО)

Аннотация: Исследуется проблема языкового творчества личности применительно к научному тексту. Креативность познавательной деятельности ученого рассматривается на примерах его работы над терминами, творческого использования метафор, осмысления макроконцептов и др.

Ключевые слова: языковое творчество, научный текст, креативность, слово и понятие, концепт, лингвокреативный потенциал.

В последнее время в лингвистике в аспекте укрепления антропоцентрической парадигмы все более возрастает интерес к проблемам индивидуального языкового творчества личности, что актуализируется терминами *креативный*, *лингвокреативный* и связывается с языковой способностью человека порождать новое путем трансформации уже имеющегося, в полной мере реализуя потенциал языка.

Применительно к научному тексту, несмотря на особенности стиля, наделяющего его категориями точности, логичности, однозначности, доказательности, выдвигается требование учета субъективного компонента в описываемом новом знании, вводится понятие «субъективации науки» [Котюрова 2003: 132], в соответствии с которым на видное место выдвигается личность автора-ученого.

Написание научной работы ученым является завершающим этапом в решении творческой задачи. Креативность его познавательной деятельности проявляется уже в том, чтобы увидеть новое на фоне известного, очертить круг связанных с ним проблем, оценить свои возможности в их разрешении, привлечь заинтересованных в данном аспекте исследования субъектов научной деятельности, наметить пути обоснования своей научной концепции, отобрать для ее описания адекватные языковые и речевые средства. Все это позволяет рассматривать научный текст как источник не только научной информации, но и представлений о субъекте творческой деятельности. Созвучно этому

высказывание В.Г. Костомарова о том, что «вряд ли есть текст без творческой изобретательности автора...», индивидуальная оригинальность которого находит выражение «в способах применения языка, в стилевых явлениях, связанных с интуицией, житейской мудростью и жизненным опытом, здравым смыслом и вкусом, творчеством, непрерывным общественно-историческим и индивидуальным нравственно-интеллектуальным усилием» [Костомаров 2005: 64-65]. Именно такими представляются естественнонаучные тексты монографий и статей духовно богатой и высоко интеллектуальной личности В.И. Вернадского, который «не ведал о делении науки на отрасли, ... был натуралистом в широком смысле этого слова,... видел явления в их общей взаимосвязи» [Лапо 2000: 7-8]. Такое видение предмета исследования в научном творчестве ученого во многом определялось интересом к истории науки, что способствовало рассмотрению изучаемого явления с позиций точного исторического анализа, достижений в различных областях знания, их соотношения со своими научными целями, задачами, перспективами.

В сознании В.И. Вернадского рождались концепты, которые становились моделями самого высокого уровня научной мысли. Каждая его новая живая идея, являя концепт-стимул (смыслорождающий концепт, вбирающий в себя образ нового знания, который инициирует и мотивирует процесс познания, приводит в движение, активизирует смыслы-хранители «своих» и «чужих» старых знаний), «примерялась» к возникающим смыслам и ассоциациям, через исторический анализ проверялась, сопоставлялась с уже имеющимися научными фактами, определялась как хронологически и закономерно авторская. Ценностные компоненты научного знания ученого связаны с осмыслением гипер-и макроконцептов «Жизнь», «Живое вещество», «Биосфера», «Ноосфера», в процессе которого в его дискурсивном пространстве рождались, формировались и формулировались новые знания, появлялись новые концепты-стимулы («Косное вещество», «Живые организмы», «Автотрофность», «Бактериофаг» и др.). Проецируя образ недостающего звена научного знания в научной картине мира или ее фрагменте, направляя научный поиск, концепты-стимулы определяли, в конечном итоге, ценностные компоненты формируемого и формулируемого в ходе дискуссии нового знания, репрезентируемого в пространстве научного текста (в монографиях «Живое вещество», «Биосфера», «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», в статьях «Начало и вечность жизни», «Автотрофность человечества», «Бактериофаг и скорость передачи жизни в биосфере» и др.).

В.И. Вернадский менял представление об известных в науке понятиях, подвергал пересмотру вербализующиеся в обширнейших научных изданиях концептуальные положения. В частности, понятие *ноосфера*, введенное в начале XX века Э. Леруа, трактуемого ее как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием, и П. Тейяром де Шарденом, который рассматривал ноосферу как размятый пласт планеты, подчеркивая божественное предназначение разума в космической эволюции, обретает в концепции В.И. Вернадского новый глубокий смысл. Она представляется ученому как «планетное явление космического характера», новое состояние биосферы, пространство, преобразуемое и управляемое деятельностью человека, его трудом и разумом [Вернадский 1991].

Многочисленные произведения В.И. Вернадского свидетельствуют о том, что их автор, стремясь дать более глубокое определение рассматриваемого понятия, понимал противоречие между словом и вложенным в него с позиций современной науки содержанием, осознавал, что в отличие от обыденного понятия, составляющего семантическую доминанту значения, научное понятие, в силу происходящих с течением времени изменений в его содержании, постоянно меняется. К примеру, обращаясь к античности, он говорит о различии *понятий-слов*, которые на протяжении многих веков могут оставаться неизменными, и *понятий-вещей* (научных понятий), строящихся на эмпирических фактах и способных изменяться по мере познания обозначаемых ими объектов с течением времени до неузнаваемости: *«Демокрит, логика которого до нас не дошла, строил ее как логику вещей, т.е. реальных природных тел. Аристотель, крупный натуралист, строил свою логику на логике понятий о вещах. Настоящая логика естествознания есть логика вещей, т.е. логика природных тел. Понятие о них иногда меняется чрезвычайно быстро»* [Вернадский 1965: 175]. Понимая эту закономерность познания природы, возможность переосмысления и расширения содержания научных понятий в научной картине мира, В.И. Вернадский на примере целого ряда понятий («космическое пространство», «вода», «материя», «энергия», «теплота», «свет», «электричество», «химический элемент», «атом», «пространство», «время», «эфир», научное представление о «Вселенной», основанное на всемирном тяготении, и др.) продемонстрировал, как постоянно в процессе формирования научной концепции появляется необходимость в акцентировании внимания на изменении существующих понятий, уточнении их применительно к определенному аспекту познания, возможной замены обозначаемого данным словом понятия другим [см.: Ракитина 2006: 221-227]. Постоянное движение научной мысли, пересмотр ранее

выдвинутых идей В.И. Вернадский рассматривает как закономерный процесс познания: *«Нередко в ходе научной работы ученые **возвращаются непосредственно к пересмотру** свойств естественного тела..., тысячи раз на протяжении десятков лет, столетий. В результате все представление об естественном теле может **в корне измениться**. Так, **представление натуралиста о кварце, природной воде или грызунах**, как естественных телах, в XVIII, XIX, XX столетиях в **корне переменилось**, и выводы, логически правильно сделанные в эти века, оказались неточными. Многое «само собою разумеющееся» в XIX веке и раньше – б ... окажется неверным в веке XXI»* [Вернадский 1980: 160]. Познавательный процесс представляется, с позиций ученого, как продвижение от одного уровня достигаемого осознания мира к другому, это процесс творческой деятельности людей, формирующий их знания. При этом процесс познания приобретает определенную структуру, составляющими которой выступают субъект познания – исследуемый объект – условия осуществления познавательного процесса – особенности процесса познания – результат познавательного процесса, зафиксированный в тексте.

Лингвокреативный потенциал автора как языковой личности проявляется, в частности, в процессе подбора термина для категоризации и перекатегоризации знаний. Стремление к точности изложения научной концепции вызывало у ученого со своим миропониманием необходимость создания собственных терминов, среди которых «живое вещество», «биогеохимические постоянные», «глубинно-планетное состояние», «пространство земной реальности», «сгущения живого вещества», «биоценозные сгущения», «напор жизни», «свободная атмосфера» и др.

Творческие потребности ученого постоянно привносят в познание субъективные моменты. Креативность текстов В.И. Вернадского обнаруживается и в процессе привлечения к изложению своих научных воззрений знаний из других областей познания (философии, литературы, истории и т.д.), формирования индивидуального речемыслительного стиля и обогащения им языка науки. Являясь высокообразованной и талантливой языковой личностью, В.И. Вернадский передавал свои мысли не только доступно, оригинально, экономно, но и порой поэтично, обращаясь к поэтическим образам известных русских и зарубежных поэтов И.В. Гёте, Е.А. Баратынского, Г.Р. Державина, Ф.И. Тютчева, О. Хайяма и др. [см.: Ракина 2006: 171-196].

Как языковая личность, обладающая собственным когнитивным пространством, знаниями языка и особенностями их применения,

В.И. Вернадский активно использует такое средство творческой концептуализации мира, как метафоризация. Стремясь, к примеру, разобраться в сложной проблеме происхождения жизни, вводит для ее обозначения метафору *загадка жизни* [Вернадский 1994: 262-283]; образ создателя науки о биосфере, образ себя как ученого, решившегося на осмысление этой сложной проблемы естествознания, ассоциируется с метафорой *мыслящий тростник*, взятой из стихотворения его любимого поэта Ф.И. Тютчева [Вернадский 1991: 52]; новизна одноименного научного концепта выражается метафорой *живое вещество*, новое научное содержание которого связано, прежде всего, с характеристикой его массы, химического состава, энергии; образной метафорой *биосфера* вербализована целая научная концепция ученого, основой нового в которой стали введенные им понятия «былые биосферы», «геологическая вечность», «пределы биосферы» как пространственно-временное поле существования жизни.

Как видим, широта творческого диапазона В.И. Вернадского безгранична. При этом главным для ученого были достижение научной истины, синтетическое изучение объектов природы и ее самой как целого, исторический подход к изучаемым проблемам, способность не удовлетворяться достигнутым, пересматривать пройденное, углублять и развивать высказанную мысль.

ЛИТЕРАТУРА

- Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. – М., 1980.
- Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М., 1965.
- Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. – М., 1991.
- Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М., 2005.
- Котурова М.П., Самойлова И.В.* Плотность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. М.П. Котурова. – Пермь, 2003. – Вып. 6.
- Лапо А.В.* Миры Вернадского: от кристалла до ноосферы // В.И. Вернадский: pro et contra. – СПб., 2000.
- Ракитина С.В.* Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: Монография. – Волгоград, 2006.

М.Э. РУТ

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш107

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФИЛОЛОГА: ИЗВИЛИСТЫЕ ТРОПЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ АССОЦИАЦИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокреативные практики коммуникации в сфере создания окказиональных номинаций членами филологического сообщества. Выявляются прецедентные смыслы как глубокий слой ассоциативного контекста слова.

Ключевые слова: языковая личность, языковая игра, номинативная компетенция, игровая коммуникация.

Широкий литературный и общекультурный кругозор во многом обуславливает специфику индивидуального языкового творчества филолога, стремящегося к нетривиальному воплощению своих впечатлений о мире в речевой деятельности. Разумеется, это нередко находит отражение в создании окказиональных номинаций, часто исчезающих, как мотыльки-однодневки, но иногда достаточно прочно закрепляющихся в узусе.

Окружающие нефилологи не всегда улавливают логику развития ассоциативных связей, реализующихся в высказывании. Ср., например (приносим извинение за длинную цитату):

«Тимофей смотрел на нее во все глаза, но заговорить не решился. Потом он все-таки робко спросил, как зовут вторую сестру.

– Даша, конечно! – воскликнула императрица с непонятным ему энтузиазмом. – Как ее еще могут звать? Если старшая Катерина Дмитриевна, то младшая может быть только Дарьей Дмитриевной!

Из чего следовало, что младшая может быть только Дарьей Дмитриевной, Тимофей не понял. Начиная раздражаться, он смотрел на бабушку, ожидая пояснений, и тут ему на помощь пришла Катерина мать.

Наклоняясь, чтобы поставить перед ним тарелку с картошкой, она сказала весело:

– Это Алексей Толстой, помните? “Хождение по мукам”. Две девочки, Катя и Даша. Катерина Дмитриевна и Дарья Дмитриевна.

Не помнил он никаких “хождений” Алексея Толстого! Был какой-то Толстой, он написал про то, как тетка под поезд угодила, или что-то в этом роде. А на него смотрели так, как будто он обязан это знать, а он не знал» (Т. Устинова. Персональный ангел).

Естественно, ассоциативная связь, почти неизбежная для семьи начитанных интеллигентов, настолько непонятна герою-олигарху, что вызывает у него испуганное раздражение. В аналогичную ситуацию нередко попадают и реальные собеседники реальных филологов, ср. (здесь и далее – записи автора):

В Петербург она, видите ли, хочет! Этакая сестричка питеростремительная! – Какая сестричка? – Чеховская. – В каком смысле? – привычная ассоциация с чеховскими тремя сестрами, которые рвутся в Москву, не встречает у собеседника понимания;

Не осуждай ты ее. Тоскливо ей, вот и бросается куда ни попадя. – От злой тоски не боварись! – Что-что? – Ну, я имею в виду, что не надо вести себя, как госпожа Бовари. – А это кто?;

А где эта... Манон Леско? – По твоей интонации догадываюсь, что это нехорошее слово. – Я самое хорошее как раз выбрала. – А если не выбирать? – А я выбираю. Могу сказать еще Кармен Мериме. – Ну, я уже запуталась...

Характерно, что многие литературные ассоциации, именно в силу своей привычности, часто скрывают весьма существенные звенья ассоциативной цепочки, держась за формальные, чаще метонимические связи. Вот пример такой формальной, но основанной на литературном контексте ассоциативной номинации. На обводном канале Белого озера стоит памятник графу Клейнмихелю, под чьим руководством этот канал строился. Студенты второго курса филфака, приехавшие в Вологодскую область на практику, гуляя по Белозерску, говорили друг другу: *Ну, теперь пойдём к душечке* – имея в виду этот самый памятник. Ассоциативная номинация опирается на эпитафию к «Железной дороге» Н.А. Некрасова, хотя, как известно, само обращение *душечка* к графу Клейнмихелю отношения не имеет.

Аналогичная ситуация видится в следующем примере: черноволосого курчавого невысокого первокурсника, естественно, попытались прозвать *Пушкиным*, на что он ответил: «Нет, я не Байрон, я другой» – и получил прозвище *Байрон*, закрепившееся на всю жизнь.

Наконец, приведем пример номинации из языка болельщиков снукера (вид бильярда): поклонников молодого и перспективного игрока Джадда Трампа прозвали *трамплиерами* (формальная ассоциация с *тамплиерами* не вполне литературна, но ведь они нам известны прежде всего по роману Вальтера Скотта «Айвенго»).

Возможны и собственно семантические упрощения и сдвиги:

А где у нас NN? – Она не придет. Сказала, что доклад у нее плохой и делать его она не будет. – Нет, вы посмотрите на эту унтер-офицерскую вдову! Она одна знает, какой у нее доклад! (как известно, унтер-офицерская вдова самокритичностью уж никак не отличалась, и ассоциация зиждется на высказывании «сама себя высекала», принадлежащем Городничему);

Молодой человек, Вы покушаетесь на мою земную славу! Вас, случайно, не Жорж зовут? – Зовите меня Эдмон! (обыгрываются имена «тезок» – Жоржа Дантеса в вполне закономерном, хотя и шутливо использованном значении ‘губитель гения’ и Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо, для которого более органичным было бы значение ‘благородный мститель’, однако в данном случае «работает» лишь общая положительная оценка);

Если я захочу, он сделает то, что я скажу. – Только не надо строить из себя леди Винтер! (имя шпионки кардинала используется в значении ‘роковая обольстительница’, хотя образ миледи этим далеко не исчерпывается и автор реплики далек от приписывания всего комплекса черт авантюристки своей собеседнице).

Выпрямление образа естественно при спонтанных репликах, когда ассоциативный ход высвечивает лишь одну черту исходного образа, не успевая «протестировать» его в целом. Однако нередко в диалоге рождаются комплексные ассоциации, глубоко проникающие в исходный материал. Приведем примеры, представляющие, на наш взгляд, именно такие решения.

Ты будешь Раневской (распределяются роли в пьесе «Вишневый сад»). – *А можно я буду не Любовью Андреевной, а Фаиной? – Лучшие будь Раневской в роли Раневской.*

«Мы все глядим в Наполеоны...» – Никуда он не глядит. Он просто старается быть Цезарем. Хотя Бернарда Шоу не читал.

Мне кажется, учитель должен быть Пигмалионом. Но это не Пигмалион Овидия, и не Пигмалион Шоу – один полагается на божью волю, а другой работает на самого себя. Он должен быть другим, но результат должен быть тот же. – Он должен быть Марцусом Лиепой.

Почему среди наших олигархов нет Сомса Форсайта!? – Это что, твой идеал предпринимателя? – А что? Он честен, предприимчив, любит искусство. Ну, а остальное Голсуорси придумал, чтобы его очернить. И то его только на одну книгу хватило.

Он хороший поэт? – Как Владимир Ленский. Пишет «темно и вяло». Но человек хороший.

Давайте все-таки отличать трубача Булата Окуджавы от трубача Михаила Щербакова. Каждому времени свой трубач. – У Окуджавы трубачом Данко служит, а у щербаковского сердце вполне на месте.

И вот из последнего акта «Вишневого сада» мы попадаем в первый акт «На дне». Такова наша урфушинская действительность.

Как уже говорилось, подобные ассоциативные номинации весьма недолговечны, тем более что чаще всего они носят предикативный характер. Конечно, они возникают не только в речи филологов, о чем свидетельствуют многочисленные записи лингвистов, и прежде всего «Словарь коннотативных собственных имен» Е.О. Огина (Донецк, 2004). Многие исходные окказионализмы превратились во вполне узуализированные лексические единицы типа *Дон Кихот*, *Дон Жуан*, *Собакевич* и т.п. Но процесс не просто продолжается – он не прерывается, постоянно порождая новые единицы, среди которых какие-то в очередной раз обогатят лексическую систему.

© Рут М.Э., 2012

М.А. ЛАППО

(Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия)

УДК 81'27
ББК Ш107

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КАК СТРАТЕГИЯ КОМПЕНСАЦИИ ПОВРЕЖДЕНИЯ «ЛИЦА» ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО

Аннотация: Описывается специфика языковой игры в самоидентификационных высказываниях. Учитываются ограничения в актах самопрезентации, существующие в русской речевой культуре. Выявляются «ликосохраняющие» и «ликоповреждающие» стратегии самоидентификации.

Ключевые слова: самоидентификация, языковая игра, речевая коммуникация, художественный текст.

Целью настоящей статьи является описание специфики языковой игры в самоидентификационных высказываниях с позиций теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, которыми были введены понятия негативного и позитивного лица адресата и адресанта [Brown P., Levinson 1987]. *Негативное лицо (negative face)* соотносится с желанием сохранить независимость, личное информационное пространство, свою «территорию»; *позитивное лицо (positive face)* связано с положительным, достойным образом, на который претендует говорящий, со стремлением получить поддержку и одобрение. Человеческая коммуникация может быть описана как чередка ликоповреждающих (представляющих угрозу «лицу») и ликосохраняющих (компенсирующих ущерб) речевых событий.

Самоидентификация представляет угрозу повреждению, во-первых, негативного лица говорящего, поскольку разрушает независимость того, кто вынужден представляться и описывать себя адресату; во-вторых, позитивного лица адресата в случае, если говорящий демонстрирует какое-либо свое превосходство; в-третьих, в случае принижающей самоидентификации, может разрушаться позитивное лицо говорящего. Самоидентификационные высказывания могут быть также актами, защищающими лицо адресата, когда говорящий демонстрирует принадлежность к той группе, к которой относится и адресат, и последний гордится своей принадлежностью к этой группе.

В русской речевой культуре существуют определенные ограниче-

ния в актах самопрезентации, в целом, и самоидентификации, в частности. Самопредставления являются вынужденным способом коммуникации, поэтому большая часть самопрезентации вынесена в письменную форму (таблички на двери, бейджи, подписи в заявлениях и т.д.), в устной коммуникации предпочтительно, если говорящего представит кто-нибудь другой (на улице не принято знакомиться, имя докладчика называет председатель конференции и т.д.).

Однако говорящий не всегда оказывается в таких благоприятных условиях посредничества, поэтому ему приходится либо проявлять инициативу в самоидентификации, либо – при ответе на вопросы интервьюера – соблюдать определенную меру дозволенного. Вообще существует два пути сохранения негативного лица адресанта и позитивного лица адресата: 1) избегать самопрезентации (как положительной, так и отрицательной); 2) использовать стратегии компенсации причиненного лицу ущерба. Языковая игра, являясь разновидностью шутки, относится, безусловно, ко второму пути ликосохраняющих стратегий в самоидентификационных высказываниях. Под языковой игрой мы понимаем те явления, «когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [Земская 1983: 172]. В.З. Санников пишет: «Языковая шутка позволяет обойти цензуру культуры ... она позволяет говорящему нарушать важный принцип речевого общения – принцип вежливости, **маскирует и сглаживает невежливость** (выделено автором. – М.Л.)» [Санников 2002: 30].

Языковая игра в самоидентификации используется, как правило, в дружеской среде. В примере (1) сотрудники реагируют на новость об изменении статуса директора – и, соответственно, на изменение своего статуса – шутливым самоопределением, директор также включается в эту игру:

(1) Директор: Имейте в виду, что сегодняшнего дня я – ваш генеральный директор!

Сотрудник-1: Тогда я – генеральный дизайнер!

Директор: А Зоська – генеральный декоратор!

*Сотрудник-2 (Зоська): Предлагаю выбросить и называть меня **гениальным декоратором!***

Сотрудник-1: Предлагаю во всех документах букву «эр» вычеркивать (РР).

Отталкиваясь от узуального названия, сотрудники фирмы выдумывают себе несуществующие престижные должности (*генеральный дизайнер, генеральный декоратор*), затем игре подвергается форма

слова *генеральный*: говорящий предлагает называть себя *гениальным декоратором* (прием паронимической аттракции). Здесь в полной мере получает подтверждение мысль Т.А. Гридиной о том, что языковая игра опирается на ассоциативный характер мышления: «Языковая игра – форма лингвокреативного мышления, эксплуатирующая механизмы ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, употребления, создания языковых единиц и характеризующаяся условностью и интенциональностью – установкой на творчество, эксперимент над знаком на основе различных операциональных механизмов и лингвистических приемов его трансформации и интерпретации» [Гридина 1996: 54].

В следующих трех примерах говорящий также намеренно повышает свой уровень, метафорически используя лексемы с семантикой престижного статуса (*чемпион, мастер, принц*):

(2) – Дядя Сережа, будете играть в монополию?

– Конечно, **я же чемпион мира по монополии!** (Т/с)

(3) К о с т и к. Здравствуйте, Людочка.

Л ю д о ч к а. Здравствуйте, Костик.

К о с т и к. Слышали – последнюю новость? Эмиль Золя угорел.

Л ю д о ч к а. Я не знала.

К о с т и к. Смотрите, выключайте конфорки.

В е л ю р о в. Может, вы все же меня представите?

Х о б о т о в. Простите. Это Велюров. Сосед.

В е л ю р о в. [В киноверсии «Покровских ворот» Велюров вначале укоризненно повторяет последнее слово: «Со-сед!...»] **Мастер художественного слова.** (Целует ей руку)

Л ю д о ч к а (смутившись). Ой, ну зачем вы? (Л. Зорин. Покровские ворота)

(4) В. Познер: Вы вообще сатиру не любите?

И. Ургант: Нет, я люблю. Но это – не мое. Сатира – это злость очень часто, это очень едкие, очень острые... **Я, знаете ли, принц полутонов,** Владимир Владимирович. Это не имя, не фамилия, это...

В. Познер: Хорошо, что Вы мне объяснили. Полутонов или Полупанов – я думал, почти одно и то же.

И. Ургант: Да. (Телепрограмма «Познер»)

Это повышение своего уровня в каждом случае имеет разные причины. В примере (2) говорящий парадоксальным образом сокращает дистанцию с ребенком, предложившим ему игру в монополию, и тем самым повышает самооценку ребенка. Во фрагменте (3) Велюров также пытается сократить дистанцию с Людочкой, привлечь ее внимание своей необычной профессией (ср. *актер / ттеи*); этот жест (*цело-*

вание руки женщины) в данном случае компенсирует ликоповреждающий акт, как бы говоря, что такой пафос вызван особым, галантным отношением к женщине. В примере (4) компенсирующее действие заложено в акте престижной самоидентификации: слово *полутонов* смягчает повышенный статус, выраженный лексемой *принц*.

Следует подчеркнуть, что сама языковая игра может повышать статус говорящего и становиться компенсирующим действием, если перед этим состоялся ликоповреждающий акт:

(6) – *Если вы так считаете про искусство, то мне ясно: вы – формалистка!*

– *Нет, я **содержантка!*** (В. Ардов. *Записные книжки*; пример В.З. Санникова).

В пространстве художественного текста языковая игра позволяет имитировать дружескую манеру коммуникации, сокращая тем самым дистанцию между автором и читателем. Одна из смысловых линий истории Людмилы Петрушевской «Все имеют право на концепт» заключается в том, что позитивное лицо говорящего умалется, когда он меняет свою основную деятельность, становясь в другой дилетантом. В этом случае в качестве компенсации говорящий также старается прибегнуть к языковой игре, которая всегда также является маркером живого интереса к тому, о чем пишет автор. См. фрагменты этого текста:

(7) *Надо же такому случиться, что судьба занесла меня в деревню Виперсдорф Ютербогского района Берлинской области, в страну под названием бывш. ГДР. Мне дали как писателю стипендию на питание и проживание в доме творчества для **разнообразных создателей**, в том числе и для философов и историков. Но главное были, конечно, художники, композиторы и писатели. Где я и прошла мои маленькие университеты в области современного изобразительного искусства, оказавшись в центре концептуализма.*

(8) *Что оставалось **бедному писателю**, который гулял налево, т.е. не хотел возвращаться к недописанным книгам?*

(9) *На стенах были развешаны большие листы изумительной белой бумаги ручной работы. Уж я-то, **акварелистка**, знала цену такой бумаге.*

(10) *Нам, **акварелистам-любителям**, это знакомо, такая уж техника – иногда недосказанное и незаконченное выше и интереснее жесткого, сухого воплощения. Даже всегда, прямо скажем.*

(11) *Я продолжала ходить по мастерским художников, отлынивая от работы. ... Вечерами я, делать нечего, писала свои акварельки, но никому их не показывала. ... И тут я, **преднамеренный экспери-***

ментатор, стала мечтать раздобыть в этом захолустье бумагу и краску для монотипий.

Можно проследить, как от фрагмента (7) к фрагменту (11) меняется самопрезентация автора-писателя, желающего научиться искусству акварели: *писатель – разнообразные создатели – бедный писатель – я-то, акварелистка – мы, акварелисты-любители – преднамеренный экспериментатор*. Однако к серьезному самоописанию типа *художник* Л. Петрушевская так и не прибегнет, на всем протяжении повествования самоидентификацию будет сопровождать ирония, выраженная самыми разнообразными способами (просторечная лексика, переосмысление устойчивых сочетаний – *гулять налево*, эпитеты с семантикой безысходности – *бедный, преднамеренный*, разговорные конструкции – *я-то*).

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

Земская Е.А. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983.

Петрушевская Л.С. Все имеют право на концепт // Л.С. Петрушевская. Истории из моей собственной жизни. – СПб., 2009.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры: Монография. 2-е изд. – М., 2002.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

© Лаппо М.А., 2012

М.В. ШПИЛЬМАН

*(Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш107

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ РАЗНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ МАСОК

Аннотация: Исследуется речевая маска как проявление коммуникативной компетенции говорящего на примере персонажей художественного текста. Предлагается классификация речевых масок по спонтанности / подготовленности, однократности / многократности использования, продолжительности использования.

Ключевые слова: речевая маска, коммуникативная компетенция, языковая личность, интенция.

Для достижения коммуникативной цели говорящий пользуется всем арсеналом средств, которые накопились в его багаже знаний. Одним из таких средств, свидетельствующих о высоком уровне коммуникативной компетенции, является речевая маска.

Под речевой маской (РМ) подразумевается коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на зафиксированном в сознании носителей языка обобщенном представлении о том или ином типе коммуникантов.

При этом, выбирая стратегию РМ, языковая личность (ЯЛ) принимает во внимание не только условия коммуникативной ситуации, но и учитывает такие параметры использования маски, как продолжительность и подготовленность. Созданные с учетом этих параметров РМ существенным образом отличаются.

В данной статье представлена попытка выявить особенности использования разных типов РМ на примерах из художественной литературы, при этом в качестве модели ЯЛ рассматривается персонаж художественного текста.

Проанализировав имеющийся материал, мы разделили все РМ, с одной стороны, на основании их спонтанности или подготовленности, с другой – на основании однократного или многократного использования, с третьей – на основании продолжительности использования. Рас-

смотрим эти классификации.

Спонтанная РМ. Выбор стратегии диктуется условиями конкретной ситуации общения. Такая маска опирается на самые общие представления об изображаемой личности, она схематична и рассчитана на недлительное использование. Реализация такой РМ предполагает стремительность развития коммуникативной ситуации, и основная задача применяющего спонтанную маску – не дать адресату времени на обдумывание этой ситуации. Так, например, Э.П. Фандорин, герой романа Б. Акунина «Коронация», использует спонтанную маску адъютанта при высокопоставленном чиновнике:

– Отлично, – вполголоса сказал мне Эраст Петрович. – Вот и экипаж.

Я увидел поодаль знаменитую обер-полицейстерскую пролётку, запряжённую парой вороных рысаков. На козлах важно восседал кучер Сычов, частенько поминаемый московскими газетами в связи с ежедневными разъездами неутомимого полицейского начальника в поисках нетрезвых дворников и нерадивых городских.

Эраст Петрович подхватил шапку и, молодецкато звеня шпорами, бегом бросился к экипажу: «Срочное донесение! – крикнул он кучеру, с разбега впрыгивая в пролётку. – Давай, Сычов, не спи! Приказ господина обер-полицейстера!». Обернулся ко мне и откозырял: «Ваше превосходительство, умоляю, скорей!» (Б. Акунин. Коронация).

Чтобы заполнить экипаж, Фандорин действует стремительно, убедительно изображая рвение адъютанта, ср.: *молодецкато звеня шпорами, бегом бросился; крикнул, с разбега впрыгивая; откозырял.* Обращаясь к кучеру, называет его по имени, позволяя себе фамильярное распоряжение (*Давай, Сычов, не спи!*), тем самым как бы давая понять кучеру, что адъютант – неслучайный человек, возможно, даже знакомый (знает фамилию), который имеет право распоряжаться. При этом Фандорин понимает, что на обычную просьбу кучер, скорее всего, не отреагирует, а вот приказу начальника подчинится. Косвенным подтверждением приказа является «его превосходительство».

Таким образом, РМ адъютанта основывается на представлении о нем как о человеке суетливом, зачастую имитирующем бурную деятельность и служебное рвение, несколько высокомерном и оттого фамильярно в обращении с низшими чинами. В сочетании со знанием психологии адресата и минимальными фоновыми знаниями, почерпнутыми из газет, эта стратегия оказывается эффективной.

Подготовленная РМ используется, когда известны некоторые

параметры предстоящей коммуникативной ситуации (например, адресат или место общения). Такая маска предполагает детальную проработку манеры речи, лексикона, поведения и даже внешнего вида, что в совокупности обеспечивает максимальную правдоподобность. Ср. использование тем же персонажем другой РМ – степенного пожилого моряка: *А без пяти минут девять, когда на почтамте уже готовились к закрытию, в двери быстрой, деловитой походкой вошел седоусый, осанистый моряк в темно-синей тужурке и фуражке без кокарды – по виду, отставной боцман или кондуктор. Не глядя по сторонам, сразу направился к окну с надписью *Poste restante* и пророкотал сильным, пропитым голосом: «Мне тут письмецо полагается. На предъявителя купюры за нумером...». Он, порывшись, достал из кармана бумажку, дальноторко отодвинул ее подальше и прочел: «Один три семь нуль семь восемь восемь пять девять. **Есть чего?**».*

Почтовый ялился на моряка во все глаза <...>. Заворчал и боцман: «Ишь, гоняют старого человека почем зря. Тьфу!». *Сердито зашевелил густыми бровями, провел рукавом по пышным усам и зашагал к выходу* (Б. Акунин. Коронация).

В отличие от предыдущего примера, в котором успех стратегии зависел от стремительности ее применения, здесь главным оказывается правдоподобность создаваемого образа: внешний вид (*седоусый, осанистый моряк в темно-синей тужурке и фуражке без кокарды – по виду, отставной боцман или кондуктор*), походка (*быстрой, деловитой походкой*), характеристики голоса (*пророкотал сильным, пропитым голосом*), особенности лексикона (*просторечные письмецо, за нумером, нуль, чего, ишь, почем зря*), невербальные сигналы (*сердито зашевелил густыми бровями, провел рукавом по пышным усам*) и нарочитая неторопливость и обстоятельность представления «моряка» адресату маски – все это обеспечивает ее эффективность.

Интересно, что отдельные маски ЯЛ может использовать несколько раз в разных коммуникативных ситуациях, другие же – только один раз. Безусловно, существует корреляция между многоразовой РМ и, с одной стороны, степенью ее подготовленности, а с другой, – эффективностью ее применения в первый раз. При этом спонтанные маски, как правило, являются одноразовыми, поскольку создаются моментально, с ориентацией на конкретные условия ситуации общения. Когда же цель оказывается достигнутой, маска легко «снимается» и «выбрасывается». Оценивается, как правило, лишь результат: насколько эффективной оказалась выбранная стратегия.

Так, герой романа А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике» Мак-

сим Каммерер использует одноразовую спонтанную РМ туриста, в первую очередь исходя из такого компонента коммуникативной ситуации, как место общения: курортная зона на берегу озера (подробнее о РМ туриста см. [Шпильман 2006]).

Маска «не выбрасывается» и может использоваться повторно в том случае, если оказалась удачной и / или ситуация, в которой она использовалась, является типовой, регулярно повторяющейся. В этом случае можно говорить о многократовой РМ. При этом многократовые РМ могут использоваться в качестве ситуативных или постоянных. Остановимся на этих видах РМ подробнее.

РМ кратковременного использования возникает, как правило, на основе удачно сыгранной спонтанной или подготовленной РМ, и ЯЛ использует ее повторно в аналогичных ситуациях. При этом маска модифицируется, дополняется или, наоборот, сворачивается в зависимости от целей и собеседника. Например, такого типа маской является РМ фартового, которую периодически использует Фандорин, ср. два варианта ее реализации: 1) *За спинами хитровских апашей возникла еще одна тень, раздался ленивый, с развальцой голос: – Э-та что тут за комедь? А ну, хамса, брызнь отседова <...>. – Ты чего, ты чего? – визгливо, но, как мне показалось, нервно зачистил молодой. – Это наш с Тюрей баран. Ты живи, фартовый, и честным псам жить давай. Нет такого закону, чтоб у псов барана отбивать! – Я те дам закон, – процедил Фандорин и сунул руку за пазуху;* 2) *Фандорин: – Поручаемся? // Они пожали друг другу руки, и Фандорин, поглядев по сторонам, сказал: – Вацек про дохтура какого-то базарил. Не слышал? – Не, про дохтура балаки не было <...>. Что за дохтур-то? – Бес его знает. У Вацека тож болтало короткое* (Б. Акунин. Коронация).

Фандорин, отправляясь в опасный район Хитровки, перевоплощается в типичного представителя этого района, с типичным лексиконом (*комедь, хамса* и пр.), манерой речи (*ленивый, с развальцой голос*) и поведением (*Поручаемся?*). Во втором примере маска немного модифицируется: в отличие от первого примера, где фартовый Фандорина явно выше «хитровских апашей» по социальной лестнице, здесь собеседники общаются на равных.

Несмотря на то, что герой Б. Акунина часто использует эту РМ, она не становится постоянной: «надевается» только в определенных типовых ситуациях и «снимается» по достижении цели.

РМ длительного использования. Длительное или даже постоянное «ношение» РМ может быть обусловлено разными целями, но, как правило, выполняет одну функцию: защитную. Так, герой повести

Ю. Вяземского «Шут» Валя Тряпишников «носит» маску Шута, чтобы противостоять злу и насилию, которое повсюду окружает подростка; а герой романа братьев Стругацких «Трудно быть богом» Антон, являясь сотрудником Института экспериментальной истории, чтобы не провалить задание, вынужден годами «не снимать» маску благородного дона Руматы, прожигающего жизнь богатого бездельника-дворянина.

Данный тип РМ интересен тем, что зачастую приводит к изменению идиостиля языковой личности, то есть маска постепенно «прирастает». И тем быстрее, чем дольше используется маска и чем больше человеку нравится эксплуатируемый речевой образ. Однако даже в случае отрицательного отношения к изображаемой личности у ЯЛ вырабатывается привычка говорить ее словами, использовать ее манеру речи и поведения, ср.: *Тут он заметил, что неподалеку остановились двое штурмовиков, глазают на него и скалят зубы. Сотруднику Института было на это наплевать, но благородный дон Румата Эсторский осатанел. На секунду он потерял контроль над собой. Он шагнул к штурмовикам, рука его непроизвольно поднялась, сжимаясь в кулак. Видимо, лицо его изменилось страшно, потому что насмешники шарахнулись и с застывшими, как у паралитиков, улыбками торопливо юркнули в таверну. <...> Я же не хотел, подумал он. У меня и в мыслях этого не было* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом).

Примечательно, что ЯЛ изначально осознает свое поведение как чужое, масочное, четко разграничивая собственные интенции и необходимость совершения действий (в том числе и речевых), изображая другого человека. Однако постепенно эта граница стирается.

Подводя итог, отметим, что, в зависимости от различных условий общения, частоты и продолжительности использования можно говорить о разных типах используемых ЯЛ масок.

ЛИТЕРАТУРА

Шпильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких). – Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.

© Шпильман М.В., 2012

И.Т. ВЕПРЕВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1*27

ББК Ш141.2-7

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЙ АНЕКДОТ¹

Аннотация: В статье представлен анализ анекдотов, обыгрывающих творческое употребление разных ипостасей языкового знака: звуковой формы слова, его графического и орфографического облика, грамматических и словообразовательных характеристик, лексического значения и стилистического регистра слова.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, речевая деятельность, когнитивная стратегия, коммуникативная практика.

*Creative language ... is not a capacity of special people
but a special capacity of all people*

*(Творческое употребление языка – не способность особых людей,
а особая способность всех людей)*

Carter and McCarthy (2004)

В подтверждение тезиса, приведенного в качестве эпиграфа, сошлемся на классификацию общения, данную В.И. Карасиком в его последней монографии «Языковая кристаллизация смысла» (М., 2010). Исследователь делит все акты коммуникации на рутинные и креативные. К рутинному общению он относит коммуникацию, осуществляемую в соответствии с ожидаемым стандартом, тем самым противопоставляя его креативному, которое протекает вопреки этому стандарту [Карасик 2010: 8-18]. «Акты маркированного творчества» и нормативные акты предполагают друг друга, отступление от нормы – столь же закономерное явление, как и норма. Процесс речевой деятельности – это постоянное сочетание стандарта и отступления от него. Норма при этом, являясь определенным фоном, обеспечивает автоматизм речи, а все отмеченное индивидуальным речевым творчеством проявляется как отступление от нормы, что на самом деле столь же нормативно и органично в речевой деятельности. В.И. Карасик указывает шесть признаков, отличающих рутинное общение от креативного. На наш взгляд, главным отличительным признаком, выявляющим креативное общение, является метаязыковая деятельность говорящего.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России (грант 2012-1.5-12-000-3004-002 «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

Обоснуем наше утверждение. Установка говорящего на понимание всегда предполагает коммуникативную точность, под которой понимается осуществление общения в соответствии с ожидаемым стандартом. Суть метаязыкового контроля заключается в постоянном сличении речи с нормой, эталоном, хранящимся в сознании говорящего. Говорящий всегда настроен на координацию своих речевых действий с восприятием его речи адресатом. Обычно этот процесс скрыт и протекает на бессознательном уровне, но на определенных участках речевой деятельности, где возникает речевое напряжение, где возможно отступление от стандарта, эта деятельность может вербализоваться в виде метаязыкового комментария [Вепрева 2005].

Вербализация метаязыкового сознания дает уникальную возможность эксплицитно представить мыслительную реакцию на ненормативные факты языка. В качестве иллюстрации метаязыковой рефлексии приведем высказывания, эксплицирующие поиски точного слова, например: *Анастасия Цветаева умудряется (другого слова не подберешь) жить на две страны* (Вечерняя Москва; 19.01.2012); *Нет, «болотно-сахаровское» движение живо (точнее говоря, ожило после новогодних каникул): только на нынешней неделе оно породило сразу две структуры* (Эксперт; 3.01.2012); *А рядом наши дети (тут Галина Юрьевна **поправляет себя**: Наши студенты, это я их по привычке детьми называю): помогают готовиться, оценивают выступления, поздравляют...* (Вечерний Томск. Итоги; 24.06.2011) и др.

Развернутый и пространственный ввод к заявленной теме был необходим для того, чтобы сформулировать основное положение нашего выступления: иногда говорящий обращается к эстетическому переосмыслению своего обыденного метаязыкового опыта, используя анекдот как один из приемов стилистического использования метаязыковой информации.

Несмотря на наличие большого числа современных исследований, посвященных проблеме комического, все они в конечном счете базируются на классическом определении Аристотеля, в соответствии с которым «смешное – это некоторая ошибка и безобразия, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Аристотель 1957: 53]. Осмысливая эту дефиницию, можно утверждать, что комический эффект обычно вызывают такие ситуации или изображения таких ситуаций, которые представляют собой очевидные *отклонения от нормы*. Народной формой реализации комического являются анекдоты как один из жанров фольклорного социума. В типологии анекдотов особую группу составляют анекдоты, основанные на языковой игре со

словом. Мы можем утверждать, что лингвистический анекдот – это особая форма вербализации метаязыковой рефлексии [Шумарина 2011: 24]. В нем в эксплицитной форме реализуются метаязыковые знания и оценки. Основная когнитивная стратегия метаязыковой деятельности автора анекдота – метаязыковое комментирование, когда свойства языкового знака являются не средством, а предметом изображения. Главный отличительный признак лингвистических анекдотов – фокусировка на особенностях языкового знака, переключение общения на нестандартный режим. На фоне наличия некоторого стандарта, находящегося под постоянным контролем метаязыкового сознания, у говорящего возникает желание и умение создать новое нестандартное решение. Главная характеристика креативного мышления при создании лингвистического анекдота – вовлечение адресата в такую коммуникативную практику, которая не дает заранее известных ответов, создавая парадоксальность и неожиданность выводов. Рождение лингвистического анекдота возникает из потребности показать возможные результаты ненормативного творческого употребления языкового знака, показать парадокс на основе повседневности.

В данной статье мы обратились к анализу анекдотов, обыгрывающих возможное проявление аномалий в слове. Слово, являясь центральной знаковой единицей языка, свою самобытность проявляет в различных аспектах: в игре, связанной с графико-звуковой и морфологической формой, в игре со значением слова, в игре со словообразовательной и морфемной структурами.

Охарактеризуем анекдоты, основанные на языковой игре со словом.

1. Анекдоты, актуализирующие звуковую форму слова. Особенно ярко звуковая сторона языкового знака осознается при сопоставлении *своего и чужого* в языке (1, 2), имитации дефектного произношения (3, 4), нарушения цельнооформленности слова (5), при игре с членностью речевого потока (6):

(1) *Англичанин в кассе: – Please, two tickets to **Dublin**. – Куда, блин?* (2) *В лифте англичанин и русский. Англичанин: – Good morning! **Dawn?** – Сам ты даун.* (3) *Замолаживает, однако! – сказал ямицк и указал кнутом на хмурое небо. Поручик Владимир Иванович Даль сильнее закутался в тулуп, достал записную книжку и записал в нее: «Замолаживает – быстро холодает». Так родился первый толковый словарь русского языка. – **Замолаживает**, – повторил ямицк и добавил, – **надо бы потолопиться, балин. Холошо бы до вечела доблатся. Но-о-о!*** (4) *Абитуриент из Грузии поступает в гуманитарный институт и сдает экзамен по литературе. Препод спрашивает, какое произведение ему (абитуриенту) нравится из Пушкина. Абитуриент:*

– *Эвгэний Онэгин! Препод:* – *А наизусть что-нибудь помните из Онегина? Абитуриент:* – *Да, там, гдэ про кровать...* *Препод:* – *???* *Абитуриент:* – *Эвгэний, я с **крават нэ встану** – бэзумно я люблю Татьяну...* (5) *Возвращается студент в общежитие после экзамена. Вид довольный.* – *Ну, сдал?* – *спрашивает сосед по комнате.* – *Нет, но профессор сравнил меня с известным французским дворянином.* – *Д'Артаньяном что ли?* – *Нет, но тоже начинается с Де. Помните, он еще владеет Майкрософт.* – *Билл Гейтц? Так он не дворянин и не француз вообще!* – *Ну, как же. Профессор прямо так и сказал: вы Пупкин отвечаете, как настоящий **Де Билл**.* (6) *Утром...* – *Я жених...* я женихххх... я же нххххрена не помню.

2. Анекдоты, актуализирующие графический и орфографический облик слова (7, 8):

(7) *В слове «ОБЩЕЖИТИЕ» он допустил семь ошибок, написав «АПСЧЯГА».* (8) *Однако очень смелая у вас получилась курсовая работа... Особенно впечатляет фраза: «Для нормальной работы предприятий необходимы хорошо организованные **бухие оргии**».* – *Спасибо! Но вообще-то я длинные слова сокращала, такие как «бухгалтерские организации».*

3. Анекдоты, обыгрывающие грамматические характеристики слова: омонимию частей речи (9, 10), лексикализацию грамматических форм слова (11), падежную омонимию (12):

(9) *Из окна **дуло**. Штирлиц подошел к окну. **Дуло** исчезло;* (10) *Штирлиц шел по лесу и увидел голубые **ели**. Когда он возвращался, голубые уже **пили**.* (11) *Гена сидит дома. Чебурашка прибегает и говорит: – Ген, а Ген! А там **человеки** канаву роют! Гена говорит: – Не человеки, а люди. Чебурашка: – Ген, а там один **людь** в канаву упал.* (12) *Студентку спрашивают на экзамене: Вы знаете **убийцу Лермонтова**? – Конечно, но ведь он не убийца, а великий поэт...*

4. Анекдоты, основанные на игре с производными единицами: с окказионализмами (13, 14), с окказиональным членением узуальных слов (15):

(13) *Раньше у писателей были **РУКОписи**. А сейчас – **КЛАВАписи**?* (14) *Опера «Евгений Онегин». То место, где герой у графа спрашивает: – Кто это там в малиновом берете? – Жена моя! – Не знал, что ты женат. Так вот в самый ответственный момент потерялся берет. Срочно нашли зеленый. И выпустили девушку на сцену. Герой увидел, из положения выходит надо, ну ляпнул наскоро: – Кто это там в **ЗЕЛЕНОВОМ** берете? Граф обалдел, и от неожиданности запутался: – Сестра моя! Евгений совсем спрыгнул с катушек, и поет: – Не знал, что ты **СЕСТРАТ!*** (15) *Специалисты Инсти-*

туда русского языка установили, что слово «СБРЕНДИЛ» французского происхождения. Французы называют сбрендившими тех, кто покупает иномарочные коньяки.

4. Анекдоты, основанные на игре с лексическим значением слова: обыгрывание многозначности (16), омонимии (17), паронимии (18); анекдот обыгрывает конфликт прямого и идиоматического прочтения фразы (19):

(16) *Какая красивая пара! – Вы про нас с женой? – Нет, я про ваши туфли.* (17) *Две блондинки разговаривают в аське. – Ну как выходные? – Удались. – Сама удались, дура!* (18) *Сессия. Из аудитории выбегает радостная студентка. Толпа: – Сдала? Студентка: – Сдала!!! Следом выглядывает усталый преподаватель и бурчит себе под нос: – Ну, положим, не она сдала, а я сдался...* (19) *Профессор, я готовился день и ночь! – Дорогой мой, что же можно выучить за одни сутки?*

5. Анекдоты, основанные на игре со стилистическим регистром слова: с функционально-стилевой закрепленностью лексической единицы (20), ее статусно-маркированной характеристикой (21):

(20) *Идет бабулька по улице, навстречу ей панк: – Скажи, сынок, как пройти на улицу Горького? Панк отвечает: – Во-первых, не сынок, а чувак. Во-вторых, не пройти, а бросить кости. И, в-третьих, не улица Горького, а Пешков-Стрит. – Спасибо, сынок. Идет она дальше, видит милиционера: – Эй, чувак, как бросить кости на Пешков-Стрит? В ответ: – Хипуешь, плесень?* (21) *Американская леди посвятила всю свою жизнь посещению тюрем и утешению осужденных. Она посылает письмо в одну из тюрем: – Дорогой номер 322515, в следующий четверг я смогу навестить вас. Теперь, когда мы уже знакомы какое-то время, я надеюсь, что смогу называть вас более ласково – 322...*

Меткие наблюдения над фактами языка и речи, способы их эстетического оформления «наивными» лингвистами в форме анекдота, призваны доставлять рассказчику и адресату интеллектуальное удовольствие.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель.* Об искусстве поэзии. – М., 1957.
Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М., 2005.
Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М., 2010.
Шумарина М.А. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: Автореф. дис ... докт. филол. наук. – М., 2011.

Е. И. БЕГЛОВА

*(Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишиевой,
г. Стерлитамак, Россия)*

УДК 81.161.11'373

ББК Ш141.2-33

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МАЛЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРАХ

Аннотация: Анализируются особенности семантической и формальной трансформации фразеологических единиц при создании текстов малых речевых жанров (афоризмов, одностиший и др.) комической направленности, предназначенных для креативной коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр, креативное мышление, смеховая культура, экспрессия.

Устойчивые словосочетания, фразеологические единицы (ФЕ) выполняют в текстах как эстетическую, так и стилистические функции. В креативных текстах фразеологические единицы играют часто текстообразующую роль. Предметом лингвистического интереса в данной статье является смыслообразующая функция фразеологических средств при порождении текстов. Именно семантика и форма ФЕ становятся авторским арсеналом в создании текста, в частности, текста малого речевого жанра смеховой тональности, предназначенного для креативной коммуникации. На протяжении 2000-х гг. в СМИ устной и письменной формы мы наблюдали тексты разных малых речевых жанров – пародий, анекдотов, афоризмов, частушек, – созданные на основе разных по форме и семантике фразеологических единиц, как кодифицированных (фиксирующихся в словарях), так и некодифицированных, узуальных (не фиксирующихся в словарях). В текстах этих жанров ФЕ является не только семантической единицей, выступающей смысловым ядром текста, но она создает авторскую модальность, выражает ее с установкой на креативную коммуникацию. Можно отметить следующие признаки текстов малых речевых жанров: малый объем, наличие ассоциативных микротекстов внутри текста (по принципу «текст в тексте»), эвристическая полисемия, омонимия, каламбуры. Подобного рода тексты требуют от адресанта языкового мастерства, языковой компетентности, наличия специальной лингвистической подготовки, умения наблюдать, синтезировать и типизировать. Все эти качества характерны для творческой индивидуальности (языковой личности),

способной отражать общечеловеческий, коллективный взгляд на явления окружающего мира.

Креативное мышление речевой личности способствует порождению текста, достигающего спрогнозированного им коммуникативного эффекта. Креативный текст и креативная коммуникация при тождестве некоторых приемов использования языковых средств отличаются прагматической направленностью, авторской интенцией, диктующей жанр текста, его эмоциональную тональность и пр. Результатом креативного мышления адресанта является оригинальный текст, ориентированный на определенного адресата, вызывающий его рефлексию. Креативная коммуникация предполагает разные формы, в частности, одноканальную связь адресанта и адресата: восприятие текста на слух, чтение текста (в зависимости от формы речи); это тексты интеллектуальных жанров (афоризм); юмористических (афоризм, анекдот и др.). Тексты малых речевых жанров дифференцируются в зависимости от жанра общения, эмоциональной тональности, коммуникативно-прагматической установки. Креативные тексты современных радио и телепередач, ориентированных на развлечение адресанта, смех ради смеха, юмор для юмора имеют большое значение для современного россиянина, в частности, такого рода коммуникация выполняет компенсирующую функцию, отвлекая человека от ощущения безысходности, усталости, переключает его на другую тональность в общении.

Роль смеха в жизни русского человека исследуется в рамках русской смеховой культуры, современного актуального направления, изучающего в связи с ней и особенности русской речевой культуры. Важность смеха, юмора в жизни российского человека репрезентируют тексты малых речевых жанров – афоризмы: *1. Одним из источников радости является юмор ради юмора. Отрицание его как истинного искусства, пусть даже такими авторитетами, как Гете и Писарев, не представляется убедительным* [Шевелев 1997: 258]; *2. Юмор ради юмора – эликсир здоровья* [Там же: 258].

Целью большинства креативных рубрик газет, телепередач, радиопередач (например, «Кривое зеркало», «Смешные люди»; «На диване с «Комсомолкой» и др.) является развлечение адресата. В связи с вышесказанным вызывают интерес произведения современных писателей-юмористов М.М. Жванецкого, М.Н. Задорного, В. Коклюшкина, афоризмы Анатолия Раса и др., звучащие в телепередачах, публикуемые в газетах и сборниках. Проанализируем несколько текстов М.Н. Задорнова, в которых актуальным приемом текстообразования является декодирование смысла, псевдомотивация устойчивого сло-

восочетания или фразеологической единицы, сочетающиеся с приемом «обманутого ожидания». Это мини-тексты в жанре афоризма, содержащие ассоциативные подтексты, обусловленные знаниями разного порядка о российской действительности. Например: **Внутренний голос** – *голос из Министерства внутренних дел*; в словаре отмечается аналогичная ФЕ в значении «об интуиции, совести» [Кузнецов 2004: 84]. **Ищи свищи** – *работа хирурга*; кодифицированное значение ФЕ *ищи-свищи* «не вернешь обратно, не найдешь» [Молотков 1986: 187]. **Косая сажень** – *одноглазый прокурор*; нормативное значение ФЕ *косая сажень* «высокого роста, большой» [Молотков 1986: 406; Ожегов 1983: 616]. **Одинокая женщина** – *это женщина, у которой никого нет, кроме мужа*; в словарях последнее словосочетание не фиксируется, но оно используется в речевом узусе как устойчивое в значении «незамужняя женщина». **Свободные цены** – *это когда пришел в магазин, увидел цены и – свободен!* Устойчивое узуальное словосочетание отмечается в словаре в значении «рыночные цены, не определяемые государством» [Кузнецов 2004: 914]. **Сыграть в ящик** – *получить от института распределение на режимное предприятие*; кодифицированное значение ФЕ «умереть» [Молотков 1986: 468]. **Стихийное бедствие** – *сборник стихов молодых поэтов*; нормативное значение ФЕ «большое несчастье» [Ожегов 1983: 38]. Заметим, что подобного рода текст представляет собой определение, толкование устойчивого словосочетания (или ФЕ), значение которого всем известно, но автор по-своему толкует, вопреки нормативному восприятию, значения словосочетания адресантом, в результате чего и рождается новый текст нового жанра: это не *словарная статья*, а *афоризм*.

Итак, можно говорить о модели построения текстов, основанных на семантике и форме известной ФЕ, узуального устойчивого словосочетания или крылатого выражения. Данное утверждение репрезентируют тексты других юмористов, например Анатолия Расы. 1. *И хочется, и колется, и мама не велит – наркоман*. 2. *Одна лошадиная сила – жена с хозяйственными сумками*. 3. *«Как упоительны в России вечера» – заключение наркологов («Аншлаг» 08.01.2004)*.

Активно используются жанр *одностишия*, с применением других приемов изменения смысла известной крылатой фразы или устойчивого словосочетания, например: *Полный, вперед!* – *приказ командира*. Фраза *Полный вперед!* (команда из речи моряков, военных) наполняется новым смыслом в результате авторской постановки запятой. При этом прилагательное *полный* субстантивируется, переходит в разряд

имен существительных, получая новое значение – *толстый*. Как показал наш лингвистический анализ афоризмов, одностишия, такого рода креативные мини-тексты требуют большого авторского мастерства, характерного для творческой речевой личности.

В афоризмах ФЕ часто играют текстообразующую роль, то есть создают смысл, форму и жанр текста. Приведем примеры подобного рода афоризмов: 1. «*Сиденье на двух стульях*» – *псевдообъективность* [Шевелев 1997: 325]; 2. *Держи нос по ветру, но не бросай слова на ветер* [Кондрашев 2005: 42]; 3. *Не живи с душою нараспашку, чтоб тебе не наплевали в душу* [Шевелев 1997: 140]; *Что не по плечу, то не по душе* [Шевелев 1997: 295]. В данных текстах талантливо подобраны ФЕ, которые демонстрируют редкую синтагматику фразеологизмов с фразеологизмами, определяющую как смысл, так и структуру текстов.

В газетах, радиопередачах автор часто, стараясь завоевать интересы адресата, делает его соавтором, объявляя конкурсы на лучшие афоризмы, одностишия, частушки. Оригинальные тексты публикуются или читаются в эфире, демонстрируя коллективное творчество адресанта и адресата в целях креативного общения, то есть тексты заранее прогнозируются на развлечение и смех. Это как раз тот случай, нашедший отражение в афоризмах, о котором знают и помнят профессионалы – журналисты, писатели: 1. *Без индивидуального – нет в афоризме оригинальности, без общечеловеческого – отсутствует синхронность жизненному пульсу большинства* [Шевелев 1997: 255]; 2. *В идеальном афоризме должно быть что-то общечеловеческое и что-то индивидуальное* [Шевелев 1997: 255]. Приведем тексты политических частушек, присланных на конкурс в газету «Собеседник» (№ 3, 2012, С. 3). По требованию конкурса, политчастушки, посвященные президентским выборам, должны были состоять из четырех строк и выражать собственное мнение (электоральные чувства).

*Говорят, что Путин нам
Всем на радость свыше дан.
Только шепчет в ухо бес:
«Крыша едет у небес»* (Панина Нона, Москва).

Новая фразеологическая единица *крыша едет*, обладающая отрицательной окраской, используется как средство создания сарказма. ФЕ *крыша едет* вошло в литературный состав русской фразеологии совсем недавно в значении «кто-либо сходит с ума» из молодежного сленга, о чем свидетельствует ее фиксация в толковом словаре [Скляревская 2001: 399].

Или тексты-афоризмы, текстообразующим компонентом в которых являются фразеологические единицы: *Как можно отличить дензнаки, которые добывали **потом и кровью** от тех, которые **гребли лопатой**?* (Владимир Чхан, Самара // АиФ. – 2010. – № 48. – С. 18); *грести лопатой* – много зарабатывать, наживать [Молотков 1986: 119]; *потом и кровью* – ценой больших усилий, тяжким трудом [Молотков 1986: 348]. *Гвоздь программы не должен быть тупым.* (АиФ. – 2010. – № 48). *Гвоздь программы* – нечто главное.

Интересен тот факт, что в некоторых креативных жанрах, нацеленных на смеховую коммуникацию, мы наблюдаем противоположные приемы: порождение словосочетания по типу ФЕ или универбацию словосочетания. Так, в жанре кроссворда используется прием, обусловленный в свою очередь приемом декодирования значения ФЕ, свойственным текстам малых речевых жанров – афоризмам, мини-анекдотам. Например, в кроссвордах, использующихся адресантом для одноканальной или индивидуальной коммуникации: *свечной сэконд хэнд* – огарок; *иерархическое благоговение* – чинопочитание; *французский «рокфор»* – сыр; *шеф стада* – пастух и др. Этот факт подтверждает нашу мысль о продуктивности приема декодирования значения ФЕ или устойчивого словосочетания, крылатой фразы, наделянием их эвристической полисемией при порождении креативного текста смеховой тональности.

Таким образом, ФЕ, крылатая фраза, узуальное устойчивое словосочетание употребляются не только для создания экспрессивности текста, но и являются текстообразующими. Можно говорить о продуктивном приеме порождения текстов малых речевых жанров с интенцией на креативную коммуникацию: декодирование значения ФЕ, устойчивого словосочетания, приводящее к явлению «авторский текст в тексте».

ЛИТЕРАТУРА

Большая энциклопедия афоризмов / Автор и сост. А.П. Кондрашев. – М, 2005.

Задорнов М.Н. Вдруг откуда ни возьмись. Проза. – М., 2004.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд-е 14-е, стер. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1983.

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М., 2004.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2001.

Фразеологический словарь русского языка. Изд-е 4-е, стер. / Под ред.

А.И. Молоткова. – М., 1986.

Шевелев И. Афоризмы. Мысли. Эмоции. – М., 1997.

© Беглова Е.И., 2012

Н.А. ЛАВРОВА

*(Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия)*

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-321

КОНТАМИНАЦИЯ И ПАРОНИМИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ

Аннотация: Рассматривается один из наиболее активных процессов в современной языковой ситуации – словотворчество. Выявляются виды контаминантов, в том числе паронимических и парономастических и их прагматические функции.

Ключевые слова: паронимы, контаминация, языковая игра, эксплицитная и имплицитная аттракция, словотворчество.

Контаминированные слова представляют собой инструмент и результат словотворчества, которое в широком смысле слова следует понимать как установку на эстетически и прагматически значимое использование языкового знака, предполагающее либо его модификацию, либо такое размещение в тексте, при котором внимание реципиента задерживается на нем. В процессе создания контаминированного слова происходит соединение морфологических осколков полноценных словообразовательных морфем, при этом механизмы и результаты образования осколка многочисленны, индивидуальны и, как следствие, мало предсказуемы. Основное правило, соблюдение которого может быть рекомендовано всем творцам контаминантов, заключается в максимальной информативности и репрезентативности, то есть в сохранении такого количества морфем исходных слов, при котором декодирование контаминанта не затруднено или минимально затруднено.

С формальной точки зрения контаминанты могут образовываться как из слов, значительно отличающихся друг от друга по графемно-фонемному составу, так и из слов, фонемно-графемное сходство которых максимально. В данном случае решающую роль играет установка и мотивация автора контаминированного слова. В случае если создается терминологический и / или неологический контаминант (в узком смысле понятия «неологический»¹), фонемно-графемное сходство не принимается автором в расчет, в определенном смысле можно

¹ Имеется в виду денотативная теория неологизма, в соответствии с которой неологизм – слово, называющее новый денотат

сказать, что автор обладает весьма ограниченной свободой выбора, в основе которого лежат преимущественно экстралингвистические факторы. Так, при создании терминологического контаминанта «bionics» (biology + electronics) решающую роль сыграла специфика науки – направления кибернетики, изучающего особенности строения и жизнедеятельности организмов с целью создания новых приборов, механизмов, технических систем для решения научно-технических задач. В данном случае авторы, которыми, скорее всего, были представители научного сообщества, призванного подбирать наиболее «правильный» термин, стремились подобрать слова-основы, в наибольшей степени отражающие суть бионики, поэтому теоретически возможное совпадение графем слов-основ является случайным и маловероятным. Со всем другая ситуация наблюдается при создании прагматически нагруженных, индивидуально-авторских контаминантов (в рекламе, в газетно-журнальных заглавиях, в игровой коммуникации): здесь цель создателя – словесная игра, не в последнюю очередь реализуемая за счет обыгрывания звуковой оболочки слова. В таком случае нередко из всего арсенала лексем извлекаются те, которые совпадают друг с другом фонетически (графически). Подобное совпадение неизбежно привлекает реципиента, стремящегося понять, какая из двух (или более) известных ему лексем имеется в виду, таким образом внимание реципиента «задерживается» на новообразовании, имеет место так называемое ментальное напряжение, завершающееся разрядкой в виде инсайта – дешифровки лингвистической загадки. Механизм сознательного создания контаминированных слов из словообразовательных осколков сходно звучащих лексем принято называть *парономазией*. Необходимо уточнить, что парономазия как таковая отнюдь не обязательно предполагает создание контаминантов, паронимические контаминанты представляют собой частных случай *паронимической аттракции (парономазии)*, которую можно определить как намеренное сближение сходно звучащих, семантически не связанных слов в речи (И.Н. Кузнецова). На функциональное многообразие паронимической аттракции указывает С.С. Иванов: «Паронимическая аттракция – это явление, имеющее множество конкретных реализаций и способное выступать в различных функциях: в функциях противопоставления, отождествления, создания комического эффекта, средства создания художественного образа, средства выражения основной идеи произведения... в качестве структурнообразующего начала текста, его звуковой «инструментовки», в словообразовательной функции [Иванов 2010: 12]. Паронимическая аттракция, реализуемая посредством контаминированного слова, также называется «паронимическим стяже-

нием»).

Контаминанты могут представлять собой и результат паронимии – случайного или ошибочного соединения, смешения сходно звучащих слов. Различать парономазию и паронимию предлагает И.Н. Кузнецова в докторской диссертации «Теория лексической интерференции» (1998). Для целей настоящего исследования представляется важным замечание И.Н. Кузнецовой о том, что по типу реализации паронимическая аттракция может быть имплицитной и эксплицитной. При эксплицитной аттракции оба исходных компонента присутствуют в тексте, при имплицитной – один присутствует, другой подразумевается. В качестве последнего типа автор приводит пример «Рио-де-Житомир». Отметим, что имплицитная парономазия не является разновидностью контаминированного образования, что далеко не всегда является очевидным. Из данного примера явствует, что автор рассчитывает на возникновение у реципиента ассоциаций с топонимом «Рио-де-Жанейро», возникновение ассоциаций обусловлено тезаурусом реципиента, то есть, его знанием о наличии данного города. При этом нет оснований говорить о морфологическом соединении двух топонимов – «Житомир» и «Рио-де-Жанейро», поскольку в смысловом отношении бразильский город не имеет никакого отношения к Житомиру. В отличие от данного примера, контаминант «смешарики» формально состоит из элементов слов-основ «смешные» и «шарики», в смысловом отношении речь идет о таких шариках, которые являются забавными, смешными. Еще более показательным примером является американский топоним «Arkoma» – результат стяжения словообразовательных осколков топонимов «Arkansas» и «Oklahoma». В понятийном отношении речь идет о городе на границе двух штатов, то есть это реально существующий топоним, иными словами, лексема «Arkoma» имеет реальный денотат.

При создании паронимического контаминанта возникает так называемое «паронимическое поле» (термин И.Н. Кузнецовой), которое можно определить как возникшие в индивидуальном авторском восприятии различные ассоциативные связи между членами данного поля. К последним относятся три элемента – слова-основы, из которых создается контаминант, и само контаминированное слово.

Принято говорить о том, что в основе паронимических контаминантов лежит механизм включения (термин П. Гиро), или лексико-семантической интерференции (термин И.П. Кузнецовой). Суть этого механизма сводится к следующему: в исходный текст или слово вставляется другой текст или слово, которые могут быть редуцированы в

большей или меньшей степени. Описание авторами данного механизма в сущности соотносится с принципом образования контаминанта, о котором в свое время писала Е.С. Кубрякова, согласно которой любое вторичное образование состоит из морфологического базиса и признака. Базис является исходным, известным, тематическим компонентом, а признак – новым, модифицирующим, рематическим. Оговоримся, однако, что описанные выше механизмы образования нового слова или текста далеко не всегда применимы по отношению ко всем новообразованиям, в частности – к контаминированным. Так, известны контаминированные слова, называемые нами «эквивалентными», в которых не удается оптимальным образом выявить базисную и новую информацию. Вероятно, это обусловлено тем, что в семантическом отношении данные контаминанты являются синонимами, например: *crocogator*, *fantabulous*.

Популярность и востребованность контаминации и контаминантов в последние годы можно объяснить с психологической точки зрения. Как справедливо отмечают З. Фрейд, Л.В. Эрстлинг, С.С. Иванов, И.Н. Кузнецова, одним из наиболее удачных приемов привлечения внимания и оказания прагматического воздействия является семантико-структурная конденсация, являющаяся одним из мощных механизмов языковой и речевой игры. Как указывает З. Фрейд (1997), остроумие представляет собой способность подмечать (и выражать) сходство между предметами и явлениями, в случае если подмеченное сходство выражается в оптимальной форме, возникает остроумие, языковая игра. По мнению С.С. Иванова, механизм паронимической аттракции следует искать в бессознательном. Отчасти, хотя и не полностью, с этим можно согласиться, так как при многочисленных лингвистических, психолингвистических и психологических исследованиях, посвященных контаминации, до сих пор исследователям не удалось до конца ответить на вопрос о том, почему именно контаминация становится одним из самых действенных механизмов оказания воздействия и создания языковой игры. Не до конца эксплицирована и динамика контаминированных слов: лавинообразный характер контаминантов отмечается на рубеже XX-XXI веков. Традиционное, ставшее хрестоматийным объяснение прироста контаминантов, сводится к констатации «неологического бума», обусловленного информационным взрывом, который, в свою очередь, обусловлен научно-техническим прогрессом, особенно в области компьютерных технологий. Конечно, эти факторы значимы, но думается, что подобного рода «взрывы» и «бумы» имели место и раньше: как минимум, в эпоху изобретения печатного станка и в период технической революции в Европе. Однако то-

гда никакого лавинообразного характера контаминантов не было. Чем же объясняется активная эксплуатация контаминантов в начале XXI столетия? По всей видимости, ответ на этот вопрос не является очевидным или однозначным, понадобится еще немало исследований для того, чтобы приблизиться к разрешению этой загадки.

Можно предположить, что наиболее остроумными, игровыми и прагматическими оправданным являются паронимические контаминанты, составные компоненты которых обнаруживают максимальное фонографическое подобие, однако данное предположение нуждается в тщательной эмпирической проверке. Среди паронимических контаминантов наиболее распространенными являются такие, которые обнаруживают всего одну-две общие графемы. С точки зрения паронимии, однако, такие контаминанты являются наименее типичными представителями словообразовательной паронимической аттракции, поскольку фонографическое подобие является весьма незначительным. В качестве примера приведем такие контаминанты, как «jocoserious» и «anonymuncle», которые фиксируются Оксфордским словарем английского языка. Первый контаминант представляет собой оксюморон, так как создается посредством стяжения плохо совместимых сем «веселый» и «серьезный». Второй контаминант представляет собой синтаксический гибрид: это вариант словосочетания «анонимный человек» (anonymus homunculus). Последний контаминант употребляется в значении «анонимный, мало известный писатель» и представляет собой гибрид, так как создан в результате стяжения этимологически разных слов – английского и неассимилированного латинского. Более типичным паронимическим контаминантом является новообразование «slacktivist», так как здесь 2 графемы являются общими для слов-основ. Данный паронимический контаминант, как и многие другие, оказывается понятным только в контексте, на его неузуальный, авторский характер указывает графическое средство выделения (графон) – кавычки, тем самым автор сигнализирует читателю об инновационном характере данного слова. Приведем отрывок из статьи, в которой употребляется контаминант «slacktivist»:

Raising money online is harder than it sounds

«A lot of charities may feel like it's slow going», says Katie Bisbee of DonorsChoose. She adds that fan pages are good for relationships, but for fund-raising the most lucrative tool is to get donors to share news of their donation on their own Facebook page. Through the social network, Donor-

sChoose raised \$2m in the 2010-11 school year.

This belies the charge that networked do-gooders are «slacktivists». So too does a study from Georgetown University and Ogilvy PR, a public-relations firm, which finds that Americans who back causes through social media are often active in other ways too. So a campaign that does not raise money at first may still lure supporters – and potential future donors [The Economist, 2012, electronic edition].

Несмотря на неузуальный характер контаминанта, автор не объясняет его значения, справедливо полагая, что носитель языка не будет испытывать трудности при его расшифровке, поскольку в контаминанте прочитываются оба слова в полном объеме. «Slacktivist» состоит из осколков слов «slack» и «activist» и характеризуется оксюморонной семантикой, поскольку речь идет о не очень «активном активисте», то есть о человеке, который проявляет низкий уровень активности, в данном случае речь идет о благотворительной активности.

В последние годы паронимические контаминанты активно создаются и на материале русского языка, особенно в рекламной коммуникации, также они распространены и среди номенклатурных знаков – названий фирм, организаций, товаров. Так, сырные палочки были названы создателем «здрайверы». Данный паронимический контаминант неоднозначен: при однозначном прочтении второго компонента «драйверы» возникают варианты относительно дешифровки первого компонента: это может быть как слово «здравствуйте», так и «здоровье», а автор, возможно, рассчитывал на прочтение обоих лексем. Подобного рода амбивалентные контаминанты оказываются еще более прагматически заряжены, чем паронимические контаминанты, распознавание компонентов которых не вызывает сомнения. По всей видимости, рекламодатели намеренно привносят элемент непонятности, загадочности, амбивалентности с целью привлечь и удержать внимание реципиента и, следовательно, вызвать интерес если не к самому товару, то, по крайней мере, к его названию.

Итак, контаминанты-паронимы становятся частью современной прагматически ориентированной коммуникации, в которой шутки, остроты и каламбуры становятся данностью. Борьба за внимание аудитории заставляет адресата искать все новые и новые пути наиболее оптимального и успешного осуществления перлокутивного намерения. В этом отношении паронимические контаминанты – неисчерпаемый источник подобного воздействия, поскольку фонетически сходных

слов в языке – огромное количество, выбирая и соединяя которые, можно создавать бесконечное множество комбинаций, в результате которых смысл становится как бы «побочным», во многом неожиданным продуктом формального объединения семантически дистантных лексем. Именно эта семантическая дистанция и является специфической чертой паронимических контаминантов.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов С.С. Лингвистический статус и функциональные возможности паронимии в системе современного английского языка: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Набережные Челны, 2010.

Кузнецова И.Н. Паронимическая аттракция или паронимазия как особый прием экспрессивного выделения // Вопросы иберо-романского языкознания. – М., 2005. – Вып. 7.

Эрстлинг Л.В. Телескопные слова во французском языке // Вестник ПСТГУ. – Серия «Филология». – 2010. – Вып. 4 (22).

Shea A. Reading The Oxford English Dictionary. – London: Penguin Books, 2008.

The Economist (electronic source). – URL: <http://www.economist.com/node/21542396?frsc=dg%7Ca> (date of reference 15.03.2012).

© Лаврова Н.А., 2012

И.Л. МУЛЬ

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 82:396

ББК ШЗ(2Рос=Рус)-63

ИГРОВОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОД ЧАСТУШКИ: МЕХАНИЗМЫ, ПРИЕМЫ, ФУНКЦИИ

Аннотация: Исследуются лингвистические механизмы языковой игры в частушке, актуализирующие морфо-деривационный, синтагматический и семантический потенциал языкового знака. Выявляется игровая лингвистическая доминанта частушечного текста – возможность его многомерной (двусмысленной) интерпретации.

Ключевые слова: языковая игра, лингвокреативная деятельность, лингвокреативные техники, малые формы фольклора.

Современная речевая действительность подвержена языковой игре (далее – ЯИ) в высочайшей степени, в связи с чем усиливающийся исследовательский интерес к различным аспектам лингвокреативной деятельности представляется вполне закономерным. Многогранностью феномена ЯИ объясняется и полипарадигмальный характер его научного описания (о различных подходах к выявлению сущности ЯИ см.: [Гридина 2002: 23-24, Гридина 2008: 13-29]). Действуя в русле лингвокогнитивного подхода к изучению ЯИ, понимаем последнюю как особый способ «упаковки» когнитивных пресуппозиций в нестандартную знаковую форму, как «соотношение неязыкового и лингвистического знания», при рассогласованности которых возникает смеховой эффект [Гридина 2008: 28]. Признавая тот факт, что игровой дискурс в различных сферах речевой деятельности имеет свою специфику, обратимся к описанию лингвокреативных техник в частушке. Полагаем, что рассмотрение малых форм фольклора (частушки в том числе) в аспекте их игровой лингвистической природы позволяет глубже проникнуть в суть речевого комизма, убедиться в своеобразии феномена народной смеховой культуры.

Частушка, будучи ориентированной на эксперимент со словом (с его формальной и содержательной структурой) и рассчитанной на деятельностное отношение к тексту со стороны индивидуума (автора и адресата), является особым (специфически организованным) текстовым полем развертывания эффекта ЯИ, что находит свое отражение в лингвистических механизмах и приемах ЯИ в данной сфере, а также в

особых функциях ЯИ в рамках исследуемого жанра. По нашим наблюдениям, текстовое поле частушки содержит в качестве обязательного компонента смеховое обыгрывание актуальной для создателя частушки типовой ситуации и моделируется с помощью лингвистических механизмов ЯИ, актуализирующих **морфо-деривационный, синтагматический и семантический** потенциал языкового знака. Игровой лингвистической доминантой частушечного текста является возможность его многомерной и / или неоднозначной (двусмысленной) интерпретации.

Морфо-деривационные механизмы ЯИ в частушке обнаруживают различные типы мотивационных отношений между лексическими единицами и способствуют направленному прогнозу восприятия типовой для жанра частушки «смеховой» тематики. ЯИ, основанная на установлении мотивационной связи между компонентами словообразовательной пары, проявляется, например, в следующем контексте: *Говорят, что я горда. Это правда, это – да. Для негордого – негордая, Для гордого – горда.*

В данном случае происходит обыгрывание антонимов, составляющих словообразовательную пару (*гордый – негордый*). Тавтологический повтор, созданный игрой словоформ прилагательных (краткой и полной формы), выявляет лейтмотив частушки, в которой шуточно противопоставляются гордость как «чувство собственного достоинства, самоуважения» и гордость как «излишнее самодовольство, высокомерие, спесь». Ср.: *Коля, Коля, Колистый, Какой ты разговористый. Пока судачил да курил, Меня совсем уговорил.*

В игровом поле частушки присутствуют отантропонимический дериват (*Коля – Колистый*) и производное, возникшее в результате трансформации его узуального эквивалента (ср.: *разговорчивый – разговористый*). Неузуальные дериваты создаются в целях рифмовки и усиления экспрессивно-оценочного компонента содержания слова.

При акцентуации компонентов словообразовательной парадигмы в частушке игровому сближению подвергаются, как правило, узуальные производные, стоящие на одной ступени словообразования и, следовательно, являющиеся кодериватами по отношению к общей производящей основе, которая может отсутствовать в тексте, а может быть эксплицирована в нем. Например: *Цыган с цыганкою купались, Цыганята плавали. Цыган цыганку утопил – Цыганята плакали.*

Игровое насыщение текста мотивационно связанными словами (*цыган, цыганка, цыганята*) создает эффект манипулирования, «жонглирования» этими компонентами формы, что обеспечивает привлече-

ние внимания слушателя к языковой организации текста частушки. Обыгрывание родственных слов, их намеренное сближение и акцентуация служат игровой интерпретации текста: драматическая, трагическая ситуация («цыган цыганку утопил») представлена как комическая, обыденная, нормальная, т.е. частушка по-своему «переиначивает» стереотипные представления о возможных жизненных ситуациях, делая страшное веселым, ужасное – смешным.

Действие **синтагматических механизмов ЯИ** в частушке основано на нарушении ассоциативного прогноза развертывания высказывания, поскольку в линейном ряду появляется не то, что ожидается, а то, что наименее вероятно в данной синтаксической единице. Иными словами, «вторжение» в стереотипные линейные связи между компонентами вербальной цепочки при установке на ЯИ приводит к нестандартной реализации междусловных (синтагматических) отношений между знаками. Такая тактика ЯИ приводит к созданию частушечных «фразем» (часто – эвфемистических выражений), например: *Говорила я милому, Говорила два раза: «Не нахмуривай ты кепочку На серые глаза».*

Игровым сегментом данного текста является словосочетание *нахмуривать кепочку на глаза*; стержневой глагольный компонент этого словосочетания обладает стереотипной синтаксической валентностью, требуя появления при себе беспредложной управляемой словоформы в В.п.; вместе с тем предсказующий и обязательный характер синтаксической связи со стороны главного компонента и его семантика накладывают на зависимую форму ограничения лексико-семантического характера, так как в узусе после глагола *нахмуривать* могут появиться лексемы *лицо, лоб, брови*; ассоциативный прогноз развертывания высказывания нарушается, когда стереотипная синтаксическая позиция В.п. заполняется нестереотипным означиванием *кепочку*; кроме того, вторая зависимая словоформа в В.п. с предлогом (*нахмуривать...на глаза*) заполняет неузую синтаксическую позицию, расширяя тем самым синтаксическую валентность и семантику глагола *нахмуривать*; созданное в рамках частушечного текста словосочетание *нахмуривать кепочку на глаза* ввиду своей нестереотипности служит целям достижения комического эффекта восприятия текста и может быть интерпретировано как «надевать (напяливать) кепочку так, чтобы лицо становилось угрюмым, хмурым, несимпатичным». Ср. также:

➤ *Меня матушка ругала И ухватом гладила: «Вот тебе изба-читальня, Патефон и радива».*

➤ *Как на печке, на печке, На жёрдочке Угостил меня милый По мордочке.*

➤ *Две старушки без зубов Толковали про любовь: «Мы с тобою влюблены, Ты – в кисель, а я – в блины».*

Нарушение синтагматического прогноза в выражениях *ухватом гладила* и *угостил по мордочке* имеет характер игровой (сниженно-иронической) эвфемизации; в последней частушке комически обыгрывается сама абсурдность ситуации, не соответствующая позиции восприятия выражения *толковать про любовь*.

Все отмеченные выше приемы манипулирования формой частушки оказываются сопряженными с механизмами семантического углубления ассоциативного плана текста как поля развертывания стратегии ЯИ. В качестве приемов **семантического обыгрывания** языкового знака выступают: актуализация многозначности, часто создающая многомерность интерпретации частушечного текста; выдвигание на первый план повествования периферийных коннотативных компонентов семантики лексических единиц, явления окказиональной контекстуальной семантизации и т.д. Комплексный характер развертывания стратегии ЯИ в частушке делает ее неэлементарной, многомерно интерпретируемой в аспекте формы и содержания игровой текстовой моделью. Типичным примером специфически организованного игрового поля частушки служит следующий текст: *Хорошо игрок играешь, Хорошо и слушать-то. Задумываю от дурака, Первый уровень организации текста составляют компоненты узуальной словообразовательной пары *играть – игрок*; на втором уровне отмечается тавтологический повтор лексических единиц; третий уровень связан с обыгрыванием многозначности лексемы *игрок* (ср. актуализированные в контексте частушки смыслы данной лексической единицы: «человек, играющий на музыкальном инструменте» и «человек, играющий девичьими чувствами»). Ср. также: *Пошла барыня в колхоз, Чтоб пасти овец и коз. До того их допасла, Вышла замуж за козла.**

➤ *Моя милка как-то сдуру, Накупила мыла «Дуру». Буду в баню с ней ходить, Буду «Дурой» дуру мыть.*

➤ *Мой японец ростом мал, Но зато внимательный. И по почте он послал Ikeбану матери.*

Итак, игровой лингвистический код частушки в целом ориентирован на экспликацию оценки. Оценка в частушке – «суперсегментная категория» (термин Н.Д. Аругюновой), ибо оцениваются не только отдельные персонажи частушечного повествования, какие-либо предметы и их свойства, но и целые события, факты, типовые бытовые си-

туации. Являясь «прагмемами», частушечные тексты выражают оценочные ментальные предпочтения русского этноса, используя внешне несерьезный языковой код, реализующий характерологическую, рифмо-ритмическую и гедонистическую функции.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы Всероссийской науч. конф., Екатеринбург 25-26 апреля 2002 г. – Екатеринбург, 2002.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

© Муль И.Л., 2012

А.А. УПОРОВ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1*27
ББК Ш141.2-7

МЕТАФОРЫ НЕОБЫЧНОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация: Описываются способы метафорической концептуализации необычного через градуальные, сенсорные и понятийные метафоры, что позволяет усилить семантику исключительности.

Ключевые слова: метафорический образ, семантический класс, оценочные номинации, метафорическое моделирование действительности.

Семантический класс исключительности, основу которого составляют имена прилагательные, имеет не денотативную, а логическую природу, то есть он выделяется не на основании отображения словом какого-либо фрагмента действительности, а на основании субъективно приписываемого объекту признака. Кроме того, оценка, составляющая основу значения данного класса, имеет релятивный характер, и, следовательно, значение прилагательного зависит от референциальной природы сочетающегося с ним существительного и от контекста: *необыкновенный человек* – это человек, отличающийся физическими, умственными, этическими признаками, и лишь более широкий контекст позволяет определить актуализированные компоненты значения, например: *Ведь Надя необыкновенная девушка – красивая, умная, следовательно, и жених Нади должен быть необыкновенным существом* (Д. Мамин-Сибиряк).

В языке знания о необычном воплощаются не только в прямых оценочных номинациях (*необычный, исключительный, особенный* и под.), непосредственно выражающих идею этого семантического класса, но и в метафорах, реализующих значение исключительности. Как известно, метафора является инструментом познания мира, способом моделирования действительности, в особенности представления ненаблюдаемых сфер с помощью сфер, стоящих ближе к сенсорному опыту человека [Лакофф, Джонсон 1990]. В основе метафорического переноса лежит, скорее, не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существу-

ют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 1990: 390].

По утверждению З.И. Резановой, «суть и соль метафоры именно в смысловых отношениях отождествления логически не отождествляемых явлений, в установлении сходства явлений по логически слабо верифицируемым признакам. Метафорическое смыслообразование базируется на системе «тонких смыслов», культурных ассоциаций, архетипических образов, отражает весьма своеобразный тип интерпретации мира человеком определенной культуры, тип интерпретации, складывающийся исторически и отражающий историческую изменчивость формируемого образа, воплощенного в языковых единицах» [Резанова и др. 2003: 35].

Основным способом метафорической концептуализации необычного является «параметризация», что является вполне закономерным для градуальной категории, к которой относится семантическая категория «исключительность».

Рассмотрение необычного как отклоняющегося от некоей условной параметрической нормы порождает метафоры, получившие отражение во фразеологии: *выше среднего, из ряда вон выходящий, не поддается никакому сравнению* – и отчасти в прилагательном *сверхъестественный* (впрочем, пространственное значение префикса вряд ли может актуализироваться в каких-либо контекстах). Ср.: *Жара, лето, настроение выше среднего, работа кипит. Почему бы не порадовать себя стильной покупкой? (газ.) То, что происходило на пресс-конференции Хосепа Гвардылы – случай из ряда вон выходящий (газ.). Управляемость и комфорт Mazda RX-8 не поддается никакому сравнению (газ.)*.

Устойчивое сочетание «*выше среднего*» построено по известной метафорической модели: для обозначения большого количества используется лексика, профилирующая вертикальное измерение.

Необычное воспринимается как отклоняющееся от нормы, что формирует сенсорные образы необычного как такого, который не видели, о котором не слышали: *невиданный, неслыханный, каких свет не видал*. Внутренняя форма прилагательных *невиданный* и *неслыханный* определяет некоторые особенности их сочетаемости, например: *Большой круглый стол в стороне был покрыт невиданной по белизне скатертью* (М. Булгаков) – (но: *неслыханный по белизне скатертью). В то же время зрительно наблюдаемые объекты могут наделяться воспринимаемыми на слух качествами, что в определенной степени создает синестетический образ: *Человек он был сокрушительно-напористого характера, неслыханный мужской красоты, страшной шоферской лихости* (В. Астафьев).

Необычное интерпретируется не только через градуальные и сенсорные метафоры, но и через понятийные метафоры, в которых в качестве донорской зоны выступают «фантастика» (см. разговорное значение – ‘что-нибудь невообразимое, невозможное’, связанное с основным – ‘то, что основано на творческом воображении, на фантазии, на художественном вымысле’) и «экзотика» (‘предметы или явления, характерные для какой-нибудь местности и необычные для того, кто их воспринимает’). Названной моделью мотивирован метафорический перенос в словах «фантастический» – ‘3. Совершенно неправдоподобный, невероятный, несбыточный’ и ‘4. Исключительный, удивительный (разг.)’; «экзотический» – ‘2. перен. То же, что экзотичный’; «экзотичный» – ‘причудливый, поражающий своей странностью’ [СОШ]. Интересно отметить, что анализируемые лексемы довольно часто можно обнаружить в таких контекстах, в которых трудно достоверно установить, какое именно значение имеется в виду. Явление амбисемии (неоднозначности) вообще характерно для оценочных слов. Например: *Еще бы, экзотическая личность: она и дворянка, и восточная женщина, и медиум, и профессор!* (Ю. Трифонов). В этом предложении речь может идти о личности *экзотической* потому, что она является уроженкой Востока, но в такой же степени она может быть названа *экзотической* в силу своей необычности и исключительности.

Необычное представляется в языке как неподвластное уму, трудно представимое, то, что нелегко вообразить: *не укладывается в голове, и во сне не снилось*. Исключительность явления связана с тем, что оно противоречит здравому смыслу, потому рассматривается как логическое противоречие: *парадокс, парадоксальный*.

Понимание необычного как чего-либо редкого вовлекает в зону метафор слова и словосочетания, обозначающие ценные и редкие вещи: *антик, раритет, музейная редкость, экспонат*.

Эталоном необычности в языке является образ редкой птицы, зафиксированный в выражении «белая ворона». Аналогом этого выражения в ряде европейских языков является «черная овца» (например, в английском – *black sheep*), при этом данное выражение имеет в отличие от русского более негативные коннотации, так как, помимо признака исключительности, содержит компоненты «своеволие, упрямство».

В основном метафоры необычного преимущественно актуализируют положительную семантику. Безусловное исключение составляет лишь переносные значения слов *анекдотический* и *анекдотичный* – похожий на анекдот; смешной, нелепый; анекдотический.

Метафорический способ квалификации необычного более категоричен, чем основной, он позволяет усилить семантику исключительно-

сти через использование таких метафорических образов, которые отделяют необычное от освоенного человеком в предметно-практической деятельности, уводят в область фантазии и непознанного или фиксируют редкость и вследствие этого ценность необычных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.

Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. – Воронеж, 2003.

© Упоров А.А., 2012

Е.Г. ТОНКОВА, Н.В. ТЮЛЬКИНА
(Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия)

УДК 81'27
ББК Ш107

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ТОВАРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Аннотация: Исследуются направления словотворчества в сфере искусственной номинации товаров для детей и подростков: использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, возможностей окказионального словообразования, субстандартной лексики и др.

Ключевые слова: словотворчество, процесс номинации, речевой субстандарт, языковая игра, креативность.

Улучшение демографической ситуации в нашей стране, безусловно, способствует высокой конкуренции среди компаний, выпускающих товары для детей и подростков. Свободных ниш в торговле остается все меньше, поэтому всеми доступными средствами (в том числе, речевыми) компании-изготовители хотят привлечь внимание к своей продукции. Один из испытанных способов – дать товару такое название, которое обязательно вызовет интерес у покупателя. Следует отметить, что сейчас возможности русского литературного языка в этой сфере практически исчерпаны. В наше время такие наименования, как «Малютка», «Мальшика», «Неженка», «Аистёнок», «Ласковая мама», «Мой малыш», «Моя принцесса», «Я и мама» кажутся тривиальными, заурядными.

В этих условиях многие российские и зарубежные производители активно занимаются словотворчеством. Оригинальный способ выделиться нашли представители торговой марки «Heinz для детей». Так, на этикетках и упаковках изготавливаемого ими детского питания вполне официально представлены следующие существительные: *лакомые кашки, вермишелька, макаронки по-флотски, плов с индеечкой и черносливом, фруктовый салатик, говядинка по-крестьянски, цыплёнок с телятинкой, постная свининка, нежная конинка, картошечка с лососинкой, фруктики с печеньицем, яблочко с черничкой в сливочках* и т.п. Вероятно, в данном случае производитель считает, что названия товаров для детей должны выглядеть нежно, умильно, трогательно, отсюда и большое количество деминутивов.

Интересно, что малыши, которым предназначено питание, в силу своего возраста не способны оценить этот «детский лепет», так что уменьшительно-ласкательные существительные, скорее, адресованы взрослым покупателям. В итоге производитель отчасти провоцирует определенное речевое поведение родителей, навязывая им «сюсюкающий» стиль общения с детьми. В то же время специалисты предупреждают: «На первый взгляд, сюсюканье – просто невинная забава инфантильных или просто глупых взрослых дядечек или тетечек. В общем, безобидная шалость. Однако это не так. Сюсюканье наносит огромный педагогический вред» [Слуцкий, Гарелина 2010: 188]. Использование в разговоре с детьми 2-3 лет только деминутивов гасит стремление к взрослению, личностному развитию, ответственности за свои поступки.

Другие товаропроизводители в процессе номинации активно используют возможности окказионального словообразования. Так, ОАО «Сады Придонья» назвало свою продукцию «*Спеленок*», ОАО «Вимм-Билль-Данн» – «*Агуша*», «*Здрайверы*», «*Danone*» – «*Растушка*», компания «Nestle» выпускает серии продуктов под названиями «*Помогайка*» и «*Шагайка*» (здесь и далее сохранена орфография производителей). Фантазия иных фирм-производителей совершенно безгранична, в результате чего появляются такие наименования, как «*Быстрёнок Ваву*», «*Чипа*» – *экстрамалышок*», «*ФрутоНяня*» (детское питание), «*Малыш-Ням*» (детская питьевая вода), «*МаПаНя*» (подгузники), «*Ух, Тыж-ка*» (желе), «*Большой ЖУВ-ЖУВ*» (жевательные конфеты) и др. Расчет изготовителей продукции в данном случае прост: оригинальный облик «брендовых» неологизмов невольно заставляет покупателя задуматься об их семантике и, как следствие, проявить интерес к соответствующим товарам.

Следующая группа производителей обращается к лексическим запасам русского речевого субстандарта. И это неудивительно: социолектизмы (единицы социальных диалектов) сегодня активно проникают в разговорную разновидность русского стандарта, а также в язык СМИ и рекламы. В итоге их употребление становится привычным для носителей русского языка. Выбор компаний-изготовителей в пользу субстандартной лексики, безусловно, осознан: жаргонизмы по сравнению со словами литературного языка часто выглядят небанально и эпатажно. Что может быть важнее для производителей, стремящихся к тому, чтобы названия их товаров выигрышно отличались от наименований аналогичной продукции фирм-конкурентов? При этом их явно не приводит в смущение то, что многие субстандартные единицы вульгарны, циничны. Наоборот, в некоторых случаях эти качества лек-

сем намеренно подчеркиваются. Когда-то российских потребителей шокировало то, что линия молочных продуктов получила название «Скелетоны» (производное от *скелет*). Дети же были в восторге и просили родителей купить продукты именно этой марки. Нет оснований сомневаться в том, что маркетинговый ход был признан удачным и его взяли на вооружение другие компании.

Среди субстандартных лексем, именующих товары для детей и подростков, преобладают единицы молодежного жаргона. Превалирование молодежных сленговых словечек в данном случае закономерно: цель несовершеннолетних – обособиться от взрослых, поэтому они предпочитают общаться на своем языке и употребляют жаргонизмы в своей речи вполне осознанно. И продукция, названная сленговыми словечками, скорее, будет востребована представителями подрастающего поколения, чем зрелыми людьми.

Бесспорно, главными потребителями сладкого и вкусного являются дети и подростки. Поэтому следует проанализировать названия некоторых продуктов. Так, в продаже нами обнаружены конфеты «Обалдеть» (продукция ООО «Славянка плюс»). Глагол *обалдеть* имеет значение ‘прийти в какое-либо крайнее эмоциональное состояние (как положительное, так и отрицательное)’ [Елистратов 2005: 253]. Таким образом, семантика наименования прозрачна: съевшего конфету человека должна охватить буря «сногшибательных» эмоций. Как представляется, этот сладкий продукт придуман специально для подростков. На это указывает особое написание названия на лицевой стороне упаковки: начальная буква *о* демонстративно зачеркнута, а над ней написана буква *а* – в итоге получаем на базе приставочного глагола *обалдеть* оригинальный субстантиват «Абалдеть». Конечно, мы понимаем, что это проявление языковой игры, но вряд ли оно встретит широкое одобрение у взрослых покупателей, хорошо владеющих литературными нормами.

Примером языковой игры можно считать и название линии соков «Туса Джуса» (ОАО «Лебедянский»). Существительное *туса* (вар. *туса*) имеет значение ‘1) компания, группа людей, объединенных общими интересами; 2) вечеринка, коллективное увеселительное мероприятие’ [Никитина 2008: 190]. Второй жаргонизм – *джус* – образован от английского *juice* ‘сок’ [Грачев 2006: 162]. Таким образом, *Туса Джуса* – это компания молодых людей, объединенных любовью к соку.

На упаковке каждого вида сока запечатлены подростки, весело проводящие время. На переднем плане изображен главный персонаж (например, роллер, скейтер, бордер, байкер и бодибилдер Бизон или любительница танцев Ника). Ему посвящен целый рассказ, являющийся

ся одновременно и рекламой. Так, на одной из упаковок яблочного сока мы видим паренька по прозвищу Флеш. Вот что о нем можно узнать: «Мозговой центр **Тусы Джусы**. Интеллектуал, эрудит и изобретатель. Считает себя **самым умным** и способен аргументированно это доказать. Любимое словечко – «концептуально». **Яблочный сок** действует на голову Флеша так же, как яблоко на голову Ньютона: в нее приходят **гениальные идеи**» (сохранены текстовые выделения производителя). Таким способом изготовитель акцентирует мысль, адресованную сразу и детям, и взрослым: пейте сок и развивайте свои умственные и физические способности. Против такой комбинации никто возражать не будет, даже родители, большинство из которых, скорее всего, не понимает смысл названия продукта. Подросткам же, напротив, именно эта семантическая завуалированность номинации должна импонировать. Однако здесь не обошлось без грамматического казуса: *джус* – существительное мужского рода с нулевой флексией, а в рекламном контексте мы видим, что оно изменяется по II типу склонения, как сущ. женского рода на *-а*, – *джусы* (Р.п. ед.ч.). См. также: Ника – *дэнс-ритм Тусы Джусы*, Бизон – *спортивный пульс Тусы Джусы*. Остается удивляться креативности маркетологов, решивших вопреки нормам русского языка унифицировать падежные окончания мужского и женского рода ради рифмы.

В других случаях в качестве наименований выбираются просто популярные жаргонизмы, не отличающиеся новизной или своеобразным прочтением. Например, детская книжка-раскраска называется «*Супер-пупер*» (*супер-пупер* – шутол. ‘что-либо, считающееся хорошим, отличным’) [Елистратов 2005: 396], детские игрушки выпускаются под маркой «*Бэбик*» (*бэбик* – ‘1) ребенок; 2) малыш’) [Грачев 2006: 92]. В продаже есть глазированные сырки «*Мультяшки*» (*мультяшка* – ‘мультфильм’) [Грачев 2006: 327] и мороженое «*Крутышка*» (*крутышка* – шутол.-ирон. ‘преуспевающая, уважаемая девушка, женщина’) [Никитина 2008: 108], «*СуперТуса*» (производное от *туса*).

Таким образом, можно констатировать, что в наше стремительное время литературный язык не всегда способен обслуживать абсолютно все сферы человеческой деятельности и зачастую нуждается в обновлении, в том числе за счет заимствования нелитературной лексики. Тем не менее, производители товаров должны хорошо понимать, какую ответственность они берут на себя, когда спешат дать своей продукции яркое и необычное имя. На наш взгляд, оно должно быть не только оригинальным, но и корректным, понятным большинству покупателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Грачев М.А.* Словарь современного молодежного жаргона. – М., 2006.
- Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. – М., 2005.
- Никитина Т.Г.* Толковый словарь молодежного сленга от Светы и Ромы Букиных. Родителям читать не рекомендуется. – М., 2008.
- Слуцкий В., Гарелина Е.* Приторные сюси-пуси // Мой ребенок. – 2010. – № 5.

© Тонкова Е.Г., 2012

© Тюлькина Н.В., 2012

Ю.С. ФОМИНА

*(Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш107

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОГО И НЕЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ¹

Аннотация: Анализируется формирование и развитие мотивационного уровня языковой личности сквозь призму прагматики речевой коммуникации. Приводятся результаты тестирования студентов, выявляющие уровень их коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная компетенция, мотивационная сфера, прагматика.

В процессе усвоения языка индивид получает знания в области социального взаимодействия, этических норм и оценок, морально-нравственных устоев той общественной и национальной группы, к которой он принадлежит. На основании этих сведений у говорящего вырабатывается собственное отношение к действительности в целом, что служит предпосылкой для зарождения и развития мотивационного уровня языковой личности. Данный уровень формируется на протяжении всей жизни индивида, в виду чего возможным представляется определение лишь тех целей, мотивов, установок, интересов и интенциональностей, которые, выступая в качестве наиболее значимых, актуализированы в сознании человека в отдельный период его существования и развития относительно конкретной ситуации общения. Таким образом, мотивационный уровень выходит за грани собственно лингвистики, но именно с позиции прагматического аспекта наиболее ярко просматриваются черты языковой личности. Прагматика способствует постижению сущности других уровней организации языковой личности: когда известны основные цели коммуникации, выявлены ценностные приоритеты говорящего, тогда вполне объяснимыми становятся вербально-семантические и тезаурусные, языковые и неязыковые особенности исследуемой группы индивидов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

Мотивационная сфера говорящего подвержена постоянным изменениям, связанным с механизмами когнитивного развития личности, а также со способами включения индивида в социально-культурный контекст жизни. Описание мотивационного уровня или прагматикона языковой личности опирается на изучение коммуникативного поведения говорящих, выражаемого посредством вербальных и невербальных средств общения и обусловленного восприятием индивидом окружающей действительности, осмыслением культурно-исторического опыта народа, осознанием своего места в мире. Языковая личность постоянно взаимодействует с объективным миром и не может существовать без него и вне его, вследствие отмеченного обстоятельства в сознании индивида формируются различного рода потребности, важнейшей из которых выступает потребность в общении.

Потребность – это фактор, побуждающий индивида к проявлению активности, принятию важных решений, оценке сложившихся обстоятельств. Безотносительно к потребностям личности не может быть раскрыта сущностная характеристика деятельности, ввиду сложности определения степени целесообразности и эффективности совершаемых индивидом действий. В свою очередь, потребность осмысливается только в контексте деятельности, основу которой она составляет. Потребность в совместной деятельности, предполагающей обмен информацией и создание единой стратегии поведения, реализуется благодаря установлению контактов между людьми и развитию их взаимоотношений. Конкретные акты коммуникации двух и более говорящих, вступивших в речевое взаимодействие, образуют сферу общения. Индивидуальные особенности коммуникативного поведения, обнаруживающиеся в манере общения носителей одного или нескольких языков в разных коммуникативных сферах (семье, вузе, студенческом коллективе и подобных), восприятии и оценке коммуникативных актов, совершаемых собеседником, использовании стандартных вербальных формул, воспроизводящих степень вежливости, принятую в данном обществе, находят отражение в коммуникативно-деятельностных потребностях личности, оказывая влияние на мотивированность говорящего в целом. Коммуникативно-деятельностные потребности определяются возможностями личности в плане установления плодотворных, благоприятных коммуникативных отношений, предполагающих передачу и получение информации, воздействие на собеседника, выражение собственного эмоционального состояния. В содержании речевого и неречевого поведения, изменяющегося в зависимости от ситуативных условий общения, значительную роль играет коммуникативная компетенция, коммуникативные же способ-

ности индивида закрепляются в сознании языковой личности, составляя сферу прагматики.

С целью определения уровня коммуникативных умений студентам факультета физической культуры Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы был предложен тест на оценку степени адекватности восприятия говорящим своего собеседника и способности выстраивать с ним дружеские отношения, вникать в его проблемы. Анализ ответов испытуемых показал, что из 34 респондентов лишь один русскоязычный монолингв получил характеристику «отличный собеседник», подтверждающую его умение правильно распределять коммуникативные роли говорящего и слушающего в ситуации общения. Статус «хороший собеседник» присвоен 14 студентам (6 билингам, владеющим русским и татарским языками, 5 русскоязычным говорящим и 3 полилингам со знанием русского, татарского и башкирского языков), которые, однако, не всегда проявляют понимание в отношении к партнеру по коммуникации: не полностью выслушивают собеседника, не дают ему до конца выразить мысль. Коммуникативные недостатки, в частности, монополизация разговора, восприятие высказываний с подтекстом как конкретных сообщений, поспешность выводов, присущи 16 участникам тестирования: 8 индивидам, владеющим русским и башкирским либо русским и татарским языками, 4 полилингам, отмечающим знание русского, башкирского и татарского языков, 3 русскоязычным испытуемым и монолингву, владеющему башкирским языком. В качестве «плохих собеседников» выступили 3 студента, среди них один владеет только русским языком, другой использует в речи два языка – русский и башкирский, а третий обнаруживает знания русского, башкирского и татарского языков. У данных респондентов наблюдаются существенные сложности в области поддержания коммуникативного контакта: не развиты умения слушать оппонента, находить общие темы для разговора, выражать эмоциональное состояние и при необходимости корректировать его, исходя из ситуации общения.

Причинами указанных коммуникативных недостатков выступают явления социально-культурного и индивидуально-психологического плана. В числе основных факторов, затрудняющих процесс вербального и невербального взаимодействия, можно назвать следующие: различия в мировоззрении и поведении индивидов, обусловленные принадлежностью говорящих к разным культурно-языковым общностям; давление, оказываемое на собеседников представителями социальной группы, к которой они принадлежат; несовпадение интересов общающихся; речевые ошибки, возникающие в ходе коммуникации. С уче-

том вышеназванных обстоятельств участники общения и должны выстраивать коммуникативные отношения адекватно намеченной цели. К тому же, важными оказываются знания в области речевого этикета, система которого усложняется в процессе межкультурной коммуникации, поскольку говорящим необходимо найти единые формулы вежливого вербального взаимодействия согласно существующим этическим правилам.

Так, посредством тестирования была установлена степень проявления вежливости по отношению к членам семьи, соседям, знакомым и незнакомым людям у 100 студентов. В результате обработки полученных данных сделаны выводы о том, что нормами речевого этикета на должном уровне владеют 90 испытуемых (42 монолингва, из которых 39 русскоговорящих респондентов, 2 носителя башкирского языка и 1 владеющий татарским языком; 37 билингов: 30 обнаруживают знания русского и татарского языков, 7 – русского и башкирского; 11 полилингов, использующих в речевой практике русский, башкирский и татарский языки). Эти студенты в конкретной коммуникативной ситуации демонстрируют способность к выбору актуального регистра общения, например, они различают употребление форм обращения на ты / Вы или по имени / имени и отчеству / фамилии, применяют элементы вежливого общения в целях установления контакта и поддержания коммуникации в заданной тональности. 10 участников тестирования (7, владеющих двумя языками: 4 русским и татарским, 3 русским и башкирским; 2 русскоязычных монолингва и 1 в той или иной мере обладающий знаниями русского, башкирского и татарского языков) не во всех коммуникативных актах проявляют вежливость по отношению к своим собеседникам: говорящие либо невнимательны к партнерам по общению, либо в их сознании не закреплены отдельные стереотипные формулы этичного вербального поведения. Следует отметить, что в результате тестирования не обнаружено ни одного студента, у которого бы полностью отсутствовали навыки вежливого общения. Названные факты доказывают наличие в сознании изучаемой языковой личности системы стандартных речевых формул, характерных для сферы коммуникации относительно всего социума и, в частности, в рамках межкультурного и внутригруппового взаимодействия.

Коммуникация уточняет модель поведения индивида. Собеседники в ходе общения выполняют разные роли и функции относительно друг друга в зависимости от обстановки, психологического настроя, говорящие при этом способны корректировать свое вербальное и невербальное поведение, составляющее содержательный аспект коммуникативной стороны мотивационной сферы языковой личности. Ком-

муникативно-деятельностные потребности, получая субъективное преломление в сознании отдельного говорящего, приобретают форму устойчивого образования и формируют мотивы общения, которые зачастую и служат объяснением особенностей поведения индивида. В то же время мотивы по своей природе динамичны, отличаются непостоянством, поскольку в каждый конкретный период развития языковой личности происходит выдвижение на первый план определенной коммуникативно-направленной потребности, закрепляющейся в картине мира говорящего и связанной с восприятием окружающей действительности «здесь и сейчас». Таким образом, коммуникативно-деятельностные потребности оказывают влияние на степень активности языковой личности на протяжении всего ее существования и развития.

© Фомина Ю.С., 2012

М.Ю. ОЛЕШКОВ

*(Нижегородская государственная социально-педагогическая академия,
г. Нижний Тагил, Россия)*

УДК 159.923.2
ББК Ю953

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация: Исследуются эмоционально окрашенные коммуникативные акты, реализуемые в процессе педагогического общения. Особое внимание уделяется спонтанным креативным эмоциональным высказываниям учителя.

Ключевые слова: компетенция, креативность, жанровая специфика педагогического общения, языковые средства выражения эмоций, речевые акты, языковая игра.

Креативность педагога – это социально-профессиональная компетенция субъекта учебно-педагогической деятельности, предполагающая способность к продуктивной активности, результатом которой является формирование и реализация новых, нестандартных подходов, технологий и методов осуществления профессиональных функций по руководству образовательным процессом. Педагогическая креативность учителя способствует быстрому принятию решений, помогает «оригинально» объяснить учебный материал, нестандартно организовать общение на уроке и др. Творчество педагога проявляет себя в различных сферах его профессиональной деятельности: в мышлении, в воображении, в способности к генерированию идей, к анализу ситуации, в способности преодолевать стереотипы и др. Важнейшей чертой творческого учителя в этом плане является речевая (языковая) креативность.

Готовность и умение преподавателя нестандартно подходить к взаимодействию с обучаемыми во многом определяется его способностью применять различные регистры общения, использовать адекватные речевые стратегии и тактики, вести диалог с использованием всех жанровых ресурсов профессионального общения и т.п.

Жанровая специфика педагогического общения во многом обусловлена наличием эмоциональной составляющей, на которой зиждется процесс коммуникации. В частности, принятая в данном коллективе система ценностей, способ объяснения учителем учебного материала, репертуар предъявления им определенных требований, указаний,

просьб и т.д. – важнейшие параметры «коммуникативного» функционирования педагогического коллектива (учителя и учащихся). В то же время следует отметить, что эмоциональный аспект такого взаимодействия в отечественной лингвистике пока находится в стадии изучения.

Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то. По мнению И.С. Баженовой, обозначения эмоций представляют собой вторичную номинацию, которая связана с переосмыслением основных значений слов на основе метафоры. При этом имеет место случайность выбора признака обозначаемого объекта, которая сопряжена с прагматической интенцией социального или индивидуального характера, а также с влиянием культурно-исторических факторов. Акт номинации как речемыслительный процесс направлен либо на выбор существующего в языке уже готового обозначения для именуемого явления и мысли о нем, либо на создание подходящего для него названия [см.: Баженова 2003]. Фактически содержание эмоциональной тональности основано на эмоциональной оценке компонентов коммуникативного акта и состоит в выражении эмоционального отношения к ним. «Выбранное» говорящим языковое средство, выражающее его эмоциональное состояние, и адекватные эмоциональные реакции адресата являются экспрессивным средством коммуникации, так как выполняют функцию активизации адресата при передаче ему установок и оценок говорящего. Эмоциональная тональность является действенным механизмом воздействия на эмоциональную сферу адресата с целью изменения его эмоционального состояния.

Объектом нашего исследования являются эмоционально окрашенные коммуникативные акты, реализуемые говорящим (учителем) в процессе дидактического вербального взаимодействия с учащимися на школьном уроке. В рамках такого «дидактического» дискурса эмотивные вербальные проявления участников коммуникации направлены на создание атмосферы, способствующей плодотворному обмену информацией. Во временном плане эти коммуникативные акты достаточно локальны, но они выполняют важнейшую функцию создания особого микроклимата, при котором возникает (в идеале) более полное взаимопонимание, доброжелательность и положительный эмоциональный настрой обеих сторон – преподавателя и учащихся.

Выражение эмоций является неотъемлемой частью любого общения, но в педагогической практике оно несет в себе дополнительную нагрузку – привлечь внимание учеников к материалу. В то же время, следует заметить, что в процессе обучения возникают различные ситуации, в которых происходит «выплеск» не только положительных эмоций, но и отрицательных, выражающих отношение к сложившейся

ситуации. Таким образом, экспрессивно-эмотивные коммуникативные акты, обладающие иллюкутивной силой, содержащие определенные иллюкутивные цели и реализующие соответствующие интенции, могут быть типологизированы и по этому признаку (пожелание, комплимент, требование, эмоциональная поддержка и др.).

Наиболее интересными для анализа, на наш взгляд, являются «креативные» эмоциональные высказывания, спонтанно реализуемые учителем в процессе профессионального общения с учащимися. Креативность говорящего при этом проявляется в метафоризации, в реализации словообразовательных возможностей языка, в использовании «трансформируемых» фразеологизмов и речевых клише и т.п. Учитель, как правило, не создает, не «придумывает», а спонтанно «порождает» экспрессивно окрашенное высказывание, хотя, наверное, имеет в своем арсенале и «эмоциональные штампы» (эта проблема требует отдельного исследования). Например, ментальность продуцента речи проявляется в высказываниях с характеристикой-оценкой через внешнюю ассоциацию: *Васильев! Руку всю изрисовал, папуас.*

Вообще, креативность эмоционального оценочного суждения учителя наиболее ярко проявляется в иронических высказываниях, используемых говорящим в определенных прагматических целях. Как правило, подобные речевые конструкции коррелируют с избранной говорящим коммуникативной тактикой, являются авторскими и позволяют имплицитно судить об интенции адресанта. Важно и то, что экспрессивная функция иронических речевых актов в педагогическом дискурсе, как правило, осуществляется в условиях «коммуникативного неравенства» между адресантом и адресатом, причем конвенциональность и «взаимоприемлемость» таких высказываний обусловлены общими пресуппозициями и единой языковой картиной мира говорящего (учителя) и слушающих (учеников). Адресат, попадая под воздействие эмоционального отношения адресанта, «оценивает его оценку», получая удовлетворение / неудовлетворение от процесса коммуникации.

Тактическое использование **эмотивной оценки** зачастую обусловлено намерением учителя прекратить «неправильное», с его точки зрения, поведение учащегося и реализуется в жанрах порицания, критического суждения, упрека. Например: **акты-порицания поведения учащихся** (*Устал, Пашенька? Не догадалась я тебе подушку принести; А Катя в облаках витает...*); **акты-порицания усвоения учебного материала** (*Твою работу хоть сейчас на выставку!*); **акты-порицания отношения учащихся к деятельности на уроке** (*Два учебника на весь класс! Здорово!*); **акты-критические суждения** (*О, Максима вижу! В последнее время Вы не балуете нас своим присут-*

ствием!); **акты-упреки** (*Даша, спишь сегодня на уроке, не работаешь*) и др.

Вариативность и многогранность «учительского» творчества демонстрируют также приведенные ниже **экспрессивно-агрессивные** высказывания, зафиксированные нами на реальных школьных уроках:

- *Алена смотрит в книгу и видит фигу. Саша видит две фигуры. Ксюша – три.*

- *Бакшин, кто это написал: ученик или курица?*

- *Действительное причастие ничего не испытывает! Ты испытываешь мое терпение!*

- *Ему надо не на психолога, а на дурака.*

- *Как спросишь вас, так дурак-дураком.*

- *Ну, чё такой тормоз-то?*

- *Нет, я не понимаю! Уже пол-урока сидит и обнимает свой пакет, как мать родную.*

- *Одна говорит бред сивой кабылы, другая еще хлеце! Сядь!*

- *Один спросил дурацкий вопрос и другой тоже!*

- *Тебе надо учиться в школе для дураков!*

- *Я в одиннадцатом классе или в пятом? Хотите тройку иметь – не готовьтесь!*

Уровень эмоциональности при использовании перечисленных коммуникативных актов во многом зависит от «личностных» качеств говорящего (учителя), от ситуации, от его отношения к ученику. Так, в педагогическом процессе предостережение очень часто граничит с эмоциональной поддержкой, так как перлокутивный эффект, достигнутый с помощью такого приема, способствует «улучшению» ситуации в пользу ученика. Фактически речь идет о ненавязчивой коррекции деятельности обучаемого. Коммуникативный акт-требование часто принимает жесткие формы речевой агрессии [см.: Олешков 2005]. Это вызывает протест. Подчас подростки не выполняют требований учителя именно потому, что их оскорбляет неуважительный тон и грубость высказывания. Например: *«Я сказала, подойди сюда, олух!»; «Выйди вон, дебил»*. Такие речевые акты уязвляют личность и не обеспечивают педагогическую эффективность, ибо не стимулируют внутреннюю мотивацию.

В целом можно констатировать, что наибольший эффект в педагогическом дискурсе имеют те экспрессивно окрашенные речевые акты, которые реализуются говорящим на основе использования разноуровневых языковых средств в их взаимодействии. Эмоциональный характер языковой игры проявляется при этом как в использовании

эксплицитных параметров семантики и прагматики высказывания, так и в ряде имплицитных составляющих, которые одинаково воспринимаются участниками коммуникации на основе общего «пресуппозиционного фонда».

Адекватное вербальное выражение эмоций является одним из показателей профессиональной компетентности педагога, своеобразным критерием продуктивного педагогического общения, обеспечивающим благоприятный психологический климат в образовательной среде школьного урока.

ЛИТЕРАТУРА

Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. – М., 2003.

Олешков М.Ю. Речевая агрессия учителя в педагогическом конфликте // Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики: Мат-лы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2006.

© Олешков М.Ю., 2012

А.А. КОНДРАШИНА

*(Нижегородская государственная социально-педагогическая академия,
г. Нижний Тагил, Россия)*

УДК 371.123

ББК 4420.42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП И ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ПРАКТИКА УЧИТЕЛЯ

Аннотация: Рассматриваются особенности педагогического дискурса с точки зрения его целей, стратегий и аксиологической основы. Отмечаются способы реализации игровых стратегий в педагогическом дискурсе.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, педагогический дискурс, коммуникативная ситуация, стереотип, творческая личность.

Привлечь внимание своего слушателя, собеседника, читателя, зрителя – цель любой коммуникации. Для достижения максимального эффекта адресант использует разнообразную палитру средств, одним из которых в последнее время стала лингвокреативная деятельность. Так, Е.Н. Ремчукова. отмечает: «Современные медиатексты, конкурирующие между собой в борьбе за внимание адресата, достаточно избрательны в создании лингвокреативных феноменов, что обусловлено необходимостью постоянного поиска экспрессивных, эмоциональных и образных средств. Выполнение главной коммуникативной задачи – информировать «читателя-потребителя», осложняется необходимостью воздействовать на него: журналисты и копирайтеры ищут такие средства выражения, которые обеспечивали бы информационную и эмоционально-экспрессивную насыщенность медиа-текстов. Именно этим объясняется увлечение их авторов языковой игрой, неологизмами и окказионализмами, стилистическим разнообразием, трансформацией фразеологизмов, иноязычными вкраплениями разной степени адаптированности, прецедентными феноменами – тем, что сегодня определяют лингвистические пристрастия СМИ» [Ремчукова 2010: 451].

Речетворчество раскрывает креативный потенциал языка и тем самым демонстрирует возможность выйти за пределы визуальных рамок, отойти от языковых стереотипов. «Творческую личность в рамки стандартов не загнать, это не рабочая лошадка, а дикий скакун, которому нужна воля для разбега» [Дуварова: www.aphorism.ru].

Однако есть ситуации, вскрывающие ряд противоречий между творчеством и стереотипностью. В подтверждение сказанного можно

рассмотреть коммуникативную деятельность учителя в рамках педагогического дискурса.

Каковы основные особенности данного типа дискурса? Они естественным образом появляются вследствие жестко регламентированного характера данного типа коммуникации. Существующие в науке исследования можно резюмировать следующим образом: «Цель педагогического дискурса – социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов)... Стратегии педагогического дискурса состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель социализации человека – превратить человека в члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний и мнений, норм и правил поведения этого общества. Можно выделить следующие коммуникативные стратегии: объясняющую, оценивающую, контролирующую, содействующую, организующую» [Карасик: 302, 304]. К этому можно добавить, на наш взгляд, еще одну существенную характеристику педагогического дискурса – его аксиологическую основу. Усвоение социальных норм происходит только на постоянном сопоставлении сказанного, сделанного с ценностной нормой, принятой в данном обществе. Поскольку учитель (адресат) призван быть «аксиологическим проводником» для адресата (ученика), а их взаимодействие разворачивается «по поводу» разного рода ценностей, то можно говорить об аксиологической составляющей педагогического дискурса как о его характерной и, следовательно, неотъемлемой характеристике. Ситуация коммуникации учителя и ученика может носить статус аксиологической коммуникативной ситуации (АКС).

Регламентированный порядок дидактического взаимодействия во многом держится на языковых, «учительских», легко узнаваемых стереотипах («Дневник на стол», «Всё внимание на доску!», «Молодец, садись: «пять»!»). Тем не менее, эта «схематичность» и предсказуемость педагогического дискурса, с одной стороны, ограничивает креативные функции языка, а с другой стороны, окказиональный характер употребления языковой единицы более рельефно выделяется именно на фоне педагогических стереотипов. Педагогический дискурс, таким образом, оказывается очень «чувствительным» к неузальному употреблению языковых единиц.

Мы полагаем, что в аксиологическую коммуникативную ситуацию урока органично входит, помимо традиционной речевой модели, и такой структурный компонент, как тема урока, или аксиологический зачин (вступление), определяющий тематический вектор комму-

никативного взаимодействия и облегчающий интерпретативную деятельность адресата.

Аксиологическое вступление содержит наименование базовой ценности (ценностей), определяющей тематические рамки текущей коммуникации. Традиционно аксиологическое вступление представляет собой односоставное безадресное назывное предложение («Правописание приставок пре- / при-», «Природа и человек в поэзии Ф.И. Тютчева», «Атмосферное давление», «Плоды. Распространение плодов и семян» и т.п.). Но среди привычных формулировок встречаются интересные факты речетворчества.

Обратимся к результатам наблюдений. Среди рассмотренных 2600 единиц аксиологических зачинов к коммуникативным ситуациям уроков русского языка [<http://festival.1september.ru>] за период 2009-2011 гг. только 109 отличаются нестандартной формой подачи информации. При этом лишь 60 из них не имеют повторов (например, такие варианты как: «Драма в Морфемии», «Восхождение на вершину Фразеологии», «Вселенная в алфавите», «Как живешь, наречие?», «Дружим с союзами»).

Среди оставшихся 49 единиц наблюдается тенденция к стереотипизации подачи аксиологической информации, при этом в определении стереотипа мы придерживаемся мнения П.А. Клубкова, который считает, что это «стандартное понимание данного языкового выражения, включающее в себя весь набор актуальных для говорящих коннотаций» [Клубков: 224]. Среди аксиологических стереотипов в исследованном материале можно обозначить как наиболее частотные следующие тематические группы:

1. «В стране / мире...»
2. «В гостях...»
3. «Путешествие / экспедиция, экскурсия (в, на, по)...»

На наш взгляд, представляется возможным выделить также основные способы реализации игровых стратегий в аксиологических зачинах педагогического дискурса:

- олицетворение языковых понятий, представленное посредством окказиональной лексической интеграции имен прилагательных, существительных, наречий, традиционно употребляющихся с именами существительными, обозначающими одушевленные субъекты или жизненные реалии человека, с названиями частей речи: «*Веселая фразеология / грамматика*», «*Слова-близнецы*», «Лингвистический *портрет* слова», «*Биография* одного слова», «*В гостях* у Глагола *Глаголыча* / у *дядюшки* Глагола», «Лингвистический *кросс*», «Как *договорились между собой* гласные О и Е в сложных словах?»;

- намеренное использование прописной буквы (искусственное введение категории в ряд собственных имен существительных): «В музее Лингвистики», «Праздник Слова», «В гостях у Словарей» (последняя единица имеет вариант «В гостях у словарей»);
- образование собственных имен существительных от названий частей речи, лингвистических терминов и понятий: *Запятайкин*, *Глагол Глаголыч* (ср. разг. Иваныч, Степаныч);
- образование собственных имен существительных способом записи слова наоборот по модели палиндрома: «Тайны страны **Аки-таммарг (=грамматика)**»;
- образование названий псевдогеографических объектов: *Глаголия*, *Морфемия* (ср. Монголия, Англия), *Словотворск* (ср. Солнечногорск);
- употребление имен существительных с предлогами «в стране», «в мире», «город» (реже «царство», «княжество», «остров») с названиями частей речи, разделов языкознания: «Винни Пух и его друзья в стране Русский язык», «В волшебном мире слов», «Экспедиция в страну чисел», «В стране изученных деепричастий», «В мире сложных предложений и их разновидностей», «В гостях у Слова», «В гостях у звуков речи», «Город Глагола»;
- употребление имени существительного «путешествие» / экскурсия / экспедиция с названиями частей речи, разделов языкознания, терминов: «Путешествие в страну Грамматики», «Путешествие в Математику с Лингвистикой», «Путешествие по архипелагу Предложение», «Путешествие в замок Местоимений», «Экспедиция в страну чисел», «Экскурсия в Княжество Имени Существительного»;
- употребление существительного со значением «звание, титул» / географический объект и названия части речи с нарушением грамматической нормы в согласовании категории рода: «Царевна Прилагательное» (ж.р. + ср. р.).

Итак, как видим из приведенных примеров, жестко регламентированный педагогический дискурс содержит далеко не единичные факты речетворчества, креативной языковой деятельности адресанта, реализующей интенцию привлечения внимания для дальнейшего моделирования аксиологической коммуникативной ситуации. Однако имеющиеся в языке факты свидетельствуют о репрезентации псевдонаучной картины мира, а это, в свою очередь, противоречит основной цели педагогического дискурса – объяснение устройства мира на основе принципа научности. Кроме того выход за узуальные рамки словоупотребления может стать причиной затруднения интерпретационной деятельности адресата, так как его фоновые знания о том, что, на-

пример, глагол – это самостоятельная часть речи, обладающая набором грамматических признаков, не соответствует утверждению «глагол – это дядюшка, к которому можно отправиться в гости». То есть в подобных ситуациях наблюдаются некоторые сбои в формировании пресуппозиции как предварительного знания, дающего возможность адекватно воспринять информацию. Так, по данным, «Русского ассоциативного словаря», в возрастной группе от 10 до 17 лет присутствуют такие, реакции на стимул «глагол»: часть речи (9), существительное (4), слово (3), гол (1), действие, ехать, жечь, искать, нарезать, неграмотность, полоса, речь, связка, сказуемое, сложный, стучать. Лингвокреативная практика предлагает такие стереотипные данные о глаголе: «Город Глагола», «В гостях у Глагол Глаголыча», «В гостях у дядюшки Глагола», «Путешествие по стране Глаголия», «Чудодейственная сила Глагола», «Глагол, он действовать привык!», «Похвальное слово Глаголу». Актуализируется значение «субъект или географический объект, обладающий сверхъестественными характеристиками».

Таким образом, отличительные, специфические признаки педагогического дискурса позволяют наблюдать интересное явление функционирования аксиологических стереотипов в лингвокреативном пространстве. Чтобы смотивировать слушателя и потенциального собеседника адресант выходит за границы обыденного, демонстрируя способы эксперимента с языком, и... попадает в мир «удивительного, сказочного, нереального» (остается ли он тогда в научном поле?). При этом утверждение о единичности творчества, его неповторимости переходит в ряд полемичных: «Творческую личность в рамки стандартов не загнать, это не рабочая лошадка, а дикий скакун, которому нужна воля для разбега?»

ЛИТЕРАТУРА

- Дуварова А.* Афоризмы. – URL: <http://www.aphorism.ru>.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
Клубков П.А. Что у голодного на языке? // Славянские чтения. Вып. I. – Даугавпилс-Резекне, 2000.
Лингвокультурный тезаурус русского языка. – URL: <http://thesaurus.ru>.
Ремчукова Е.Н. Некоторые коммуникативные и стилистические особенности креативных феноменов в СМИ // ŽMOGUS KALBOS ERDVĒJE Nr., Mokslinių straipsnių rinkinys. – Kaunas, 2010. № 6.
Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». – URL: <http://festival.1september.ru>.

© Кондрашина А.А., 2012

Ю.А. РУДЕНКО

*(Южноукраинский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Одесса, Украина)*

УДК 378.6:372
ББК 4448.98-1

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация: Исследуется проблема развития лингвокреативных способностей личности через систему коммуникативных тренингов. Предлагаются некоторые виды игровых заданий.

Ключевые слова: коммуникативный тренинг, лингвокреативные способности, оксюморон, эмоционально-экспрессивная лексика.

Непреложной истиной является необходимость речевого развития с первых дней жизни ребенка. Именно дошкольные годы жизни закладывают фундамент всей последующей речевой деятельности личности. К сожалению, языковая ситуация, негативные последствия которой ощущаются во всех сферах нашей жизни, не всегда способствует «личностному росту», «речевому росту» подрастающего поколения. Воспитатель, который не знает наизусть ни одного стихотворения, не может правильно поставить ударение в слове, не способен передать образ весны в собственном сочинении, не знает, чем отличается опера от балета, не понимает разницы между рассказом и сказкой, никогда не сможет привить «любовь к языку» своим воспитанникам. Для того чтобы наделить ребенка – дошкольника любовью к сочинительству, научить азам словесной игры, необходимо самому обладать даром слова, некой словесной харизмой и при этом уметь передать частицу своего таланта детям. Н. Гавриш экспериментально доказано, что любовь к словотворчеству проявляется уже в раннем дошкольном возрасте (яркий пример тому, известная во всем мире книга К. Чуковского «От двух до пяти»). Ученый были разработаны педагогические условия развития речетворческих способностей детей дошкольного возраста. Однако прежде чем чему-либо учить детей, необходимо уметь это самому.

Предметом нашего исследования является обогащение речи будущих воспитателей дошкольных учебных заведений экспрессивной и эмоциональной лексикой. Данное исследование является актуальным в

разреze сложившейся языковой ситуации в Украине и странах ближнего и дальнего зарубежья. Изучение и обобщение лингвистических трудов (В. Виноградов, Л. Лисиченко, М. Сердобинцев, А. Потебня и др.) подтверждает, что эмоционально-экспрессивная окраска выступает важнейшим структурным компонентом семантики слова, психических переживаний человека. С точки зрения Г. Ткачук, экспрессивная лексика представляет собой «важнейший и своеобразный пласт лексики, который обогащает речь, обеспечивает эмоциональное влияние на слушателя и читателя, способствует достижению коммуникативной цели...» [1]. Психологи (Л. Выготский, Г. Костюк, С. Рубинштейн и др.), психолингвисты (Ф. Бацевич, Н. Жинкин, А.А. Леонтьев, И. Сеница, А. Шахнарович и др.), лингводидакты (А. Богуш, Н. Вашуленко, Л. Мацько, Т. Маркотенко, Г. Ткачук, К. Паномарева и др.) справедливо считают экспрессивность важнейшим средством для выражения не только основного смысла высказывания, но и отображения внутреннего мира человека. Начало XXI ознаменовано появлением ряда новых направлений науки о языке, одним из которых является лингвокультурология, наука, существующая на стыке лингвистики и культурологии. Именно лингвокультурология оперирует концептами «лингвокреативный», «креативный потенциал», «языковая игра». Проблема развития лингвокреативных способностей студентов высших учебных заведений является недостаточно изученной, что позволяет производить научные разведки по разработке педагогических условий развития лингвокреативных способностей студентов дошкольных факультетов и на этой основе обогащения их речи. В рамках нашего исследования считаем необходимым усовершенствование креативного потенциала будущих воспитателей. В рамках учебных курсов «Культура речи и выразительное чтение», «Риторика и основы выразительного чтения» нами были разработаны коммуникативные тренинги для студентов дошкольных факультетов, направленные на обогащение их речи экспрессивной и эмоциональной лексикой, развитие лингвокреативных способностей. Коммуникативные тренинги проводились один раз в неделю на протяжении всего обучения в вузе, факультативно. Приведем один из фрагментов коммуникативного тренинга.

Например: **Задание 1. «Словесная путаница»**

Процедура выполнения: Экспериментатор предлагает студентам придумать к любым словам метафоры, противоположные по значению (оксюмороны). Время выполнения от 20 до 30 минут.

Приведем примеры работ студентов 2 курса института дошкольного и специального образования Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

Черный свет, страшно красивый, теплый снег, сухая вода, твердая жидкость, сухой океан, чистая грязь, холодное солнце, бессмертная смерть, остроумная глупость, медленный страус, правдивая ложь, маленький великан, быстрая черепаха, богатый бедняк, горькие сладости, твердое море, громкий шепот, квадратный треугольник, красивый урод, радостная печаль, прямые кучеряшки, грустная радость, холодный огонь, комедийная драма, кричащая тишина, глупый умник, горький сахар.

Задание 2. Составить монофон.

Процедура выполнения: составить связный текст, в котором все слова начинаются на одну букву. Количество предложений в монофоне 6-7. Разрешается использовать предлоги (в, на, у, над, под и т.д.). Время выполнения (1-2 часа). Иногда данное задание может быть дано на домашнее выполнение. Приведем примеры монофонов, выполненные студентами 1 курса дошкольного факультета.

Монофон на букву «П»

Полина и Петр познакомились в понедельник. Петр предложения Полине прогуляться в Парке Победы прекрасной предвечерней порой. Полина приняла приглашение и побежала переодеваться. В парке они прислушивались к прекрасному пению птиц. Потом Полина и Петр пошли на пляж. Петя принес Полине прохладного пепси и пирожного. Они сидели на пирсе пока не проглотили все пепси и пирожное. Постепенно пляж погружался в полумрак. Петя пошел провожать Полину. Пете понравилась Полина, поэтому он пригласил ее в пятницу на презентацию Пабло Пикассо. А Полина была потрясена Петиньим приглашением.

«В»

Вновь весна. Все вокруг возрождается. Ветер в большом восторге взъерошивает ветки вербы, вдыхая в воздух волшебную влагу. Все по-весеннему веселится. Вот вслушайтесь: вдали всплескиваются волны. Над водой вольно и внушительно вздыхают ветвистые вербы. Виноделы выращивают виноградники. Встречаются и влюбляются восемнадцатилетние. Восьмилетние второклашки вскоре выкупаются в воде Волги. Весна время выбора, все в вашей власти, и вы вольны выбирать, верить и вы взлетите высоко, вас вновь взволнует восход, внутри вас возродится восторг всем и весной. Взглядитесь, вслушайтесь – все возле вас. Воспряньте и возмужайте! Ваша вера – возможность воздать возмездием вашим врагам. Ваша вера – ваш выбор. Выбор вышел верным. Воля вернула вам веру. Возродитесь и возвеселитесь и вы весне.

«П»

*Печальный полумесяц поливал потоками пустынные проспекты.
Пешеход плелся потихоньку, посвистывая по пути. Привычный путь
пролегал по поросшему полынью полю. Пробыло полночь. Пусто. Про-
хладно. Прекрасно.*

«М»

*Мысли мчатся, мелькают.
Может мне море мнится?
Мысли мои мешают мне
с моим местом мирится.
Маленький мягкий мопсик
Морду в миску макает.
Может, махнуть мне на море?
Море многое меняет.*

«Л»

*Ленивых лет легко ласканье,
Луга лиловые люблю.
Легенды ломкие ловлю.
Лучистый лен любовью лепит,
Лазурь ласкающих лесов.*

«С»

*Странный свет судьбы
Снег сырой слезой стекает,
С серенькой стены,
Синий сумрак собирает
Сказочные сны,
Слабый свет слегка струится,
Страшный след судьбы.*

ЛИТЕРАТУРА

Ткачук Г.О. Обогащение речи студентов педагогического училища экспрессивной лексикой. Автореф. дис. к. пед. наук. – Киев, 2002.

© Руденко Ю.А., 2012

Т.В. ПОПОВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 801.7
ББК Ш400.3

ЛИНГВИСТИКА ДЕФЕКТНОГО ТЕКСТА¹

Аннотация: Представлен аналитический обзор направлений современного гуманитарного знания, обращенных к исследованию дефектного текста. Выявляются разные типы, причины и функции текстовых аномалий.

Ключевые слова: норма, аномалия, дефектный текст, лингвистика текста.

Начиная с античности внимание филологов было приковано, прежде всего, к идеальному тексту – тексту выразительному, яркому, убеждающему, коммуникативно эффективному, результативному. Именно такой текст был основным объектом исследования в таких направлениях, как лингвистика или теория текста.

В настоящее время специалистов по речеведению, коммуникативистике, филологии в целом все чаще интересуют иные тексты – тексты, которые не имеют пока устоявшегося имени и определяются как дефектные (А.В. Снигирев, Н.А. Купина, Н.Н. Попкова, О.В. Неупокоева, О.Б. Волкоморова, И.Н. Рябкова, Э.М. Береговская и др.), аномативные (В.В. Максимов), девиантные (Т.Б. Радбиль), аномальные (В.П. Белянин, Т.Б. Радбиль), тексты с дефектами (Л.М. Майданова, Е.Г. Соболева и др.). Самым частотным является термин *дефектный текст*, от которого легко образуются термины-дериваты *дефектность текста* (Ю.А. Сорокин) или *дефектация текста* (А.В. Снигирев). Но данный термин, согласно «Словарю синонимов», имеет явную отрицательную оценочность, что легко осознается лингвистами и не устраивает их, ср.: «**Синонимы:** бракованный, дефективный, испорченный, негодный, неработающий, нефункционирующий, поврежденный, разлаженный, расстроенный, с браком, с дефектом, с изъяном» [выделение курсивом – наше] [Словарь 2007]. Вероятно, лишены столь явной отрицательной коннотации и более удачным является термин *девиантный текст*, который предложил Т.Б. Радбиль [Радбиль 2006]. Правда, надо заметить, что, анализируя девиации в художественном тексте, автор чаще использует термины *аномалии в тексте*, *аномальный текст*, а не *девиантный текст*, но последняя но-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

минация представляется, с одной стороны, более нейтральной и мягкой, чем *аномальность текста*, с другой – столь же удачной в дери-вационном плане, в аспекте терминопорождающего потенциала, что и адекватив *дефектный*.

В настоящее время сферы распространения понятия дефектности текста и обозначающих его терминов чрезвычайно широки. О дефектности текста пишут специалисты:

- по литературному редактированию (например, Л.М. Майдано-ва полагает, что тесты СМИ как объект редактирования могут содержать дефекты логико-смысловой структуры, эмоционально-оценочной структуры и т.п.; активно используют этот термин Е.Г. Соболева, О.Б. Волкоморова, Н.А. Купина и др.);

- по новым типам текстов: рекламным, пиар-текстам, новым текстам МК и т.п. (так, Соболева Е.Г. подчеркивает необходимость выделения в рекламном тексте дефектов трех типов, связанных с несоответствием текста требованиям законодательства и морально-этическим законам, значимым для данного социума, маркетинговым требованиям и нормам культуры речи [Соболева 2011], см. также [Неупокоева]);

- по художественному и деловому текстам [Радбиль 2006, Снигирев 2011];

- по переводу (Ю.А. Сорокин);

- по юридической лингвистике: А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Е.И. Галяшина и др., исследующие конфликтогенные тексты в сфере массовых и деловых коммуникаций и проблемы их лингвистической экспертизы;

- по теории речевой деятельности и проблемам коммуникативной удачности / неудачности общения (так, Е.А. Земская и О.Н. Ермакова обращают особое внимание на результативность общения и такое следствие речевой коммуникации, как гармонизация / дисгармонизация отношений участников общения);

- по культуре речи и ее экологии (Э.М. Береговская, В.И. Беликов и многие др.);

- по психологии речи и психолингвистике, которые исследуют тексты, порожденные нормальным и психически нездоровым человеком или акцентуированной личностью, личностью в измененном состоянии сознания, личностью с отклонениями в психическом развитии (В.П. Белянин). Психолингвисты активно используют специально созданные дефектные тексты (тексты с пропуском слов, букв, частей предложения и т.п.) в диагностических целях;

- по методике и педагогике, использующие дефектный текст наряду с образцовым как дидактический материал (для правки) (Н.И. Рябкова); как способ выявления дефектного знания и дефектных мыслительных операций ученика (В.Г. Богин и др.).

Широта распространения понятия дефектного (девиантного) текста и соответствующих ему терминов свидетельствует о том, что «в современной культурной ситуации их [анормативных текстов] количество неуклонно увеличивается, а качество и эффективность усиливаются. Поэтому одной из актуальных задач прикладной гуманитаристики в настоящее время становится разработка аналитики анормативных текстов» [Максимов 2003]. Вероятно, можно говорить о формировании целого направления в лингвистике текста, которое можно было бы назвать **лингвистикой дефектного (девиантного) текста**. Основы этого направления заложены в работах Н.Д. Арутюновой, А.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Л.В. Зубовой, Т.А. Гридиной, О.Д. Кукушкиной, Т.Б. Радбиля и многих других ученых, пытавшихся определить сущность, типы, причины появления и функции аномалий (девиаций) в текстах, то есть определивших основные направления исследования данного явления (см. обзор изучения аномалий в тексте в монографии Т.Б. Радбиля).

Ученые рассматривали аномалии в тексте в онтологическом, когнитивном, гносеологическом аспектах; определили, что «быть аномальным» есть не свойство вещей и явлений самих по себе, но результат осмысления последних познающим их субъектом; установили, что *аномалия* выступает как маркированный коррелят *нормы* в оппозиции *норма – аномалия – антинорма*; установили, что «языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму», наоборот, анализ языковых девиаций позволяет более рационально мотивировать эти явления, выявлять их коммуникативную адекватность, прагматическую успешность и семантическую нагруженность и осмысленность [Радбиль 2006: 6-10]. Аномалия, по их мнению, выступает как еще не понятая норма.

По мнению исследователей, именно изучение разного рода нарушений и отклонений от известных закономерностей в функционировании языка «позволяет глубже понять как природу самого объекта, так и уровень нашего знания о нем. В этом смысле можно говорить о повышенной *информативности* аномальных явлений в сфере языка». Отклонения от языковых норм и правил «не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала. В этом смысле можно говорить о *конструктивности* аномалий. <...> ... то, что сегодня представляется аномалией, завтра

может <...> получить нормативную квалификацию. В этом смысле можно говорить об *эвристичности* как самих аномалий, так и их изучения. <...> практически любая языковая аномалия потенциально есть факт эстетического, «художественного» использования языка. В этом смысле можно говорить о *функциональной значимости* аномалий» [Радбиль 2006: 4-5].

Таким образом, дефектный (девиантный) текст, являясь отрицательным материалом лингвистики (Л.В. Щерба), представляет немалый теоретический и практический интерес.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. – М., 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография.

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919-1986) / Под ред. Д.С. Лихачева. – М.; Л., 1990.

Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. – М., 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография.

Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1990.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текстов. Теоретические основания и практика. – М., 2007.

Большой словарь иностранных слов. – М.: «ИДДК», 2007.

Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М., 2006.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М., 2000.

Беликов В.И. Открытое письмо лингвиста о Всероссийской олимпиаде школьников по русскому языку (Москва, окружной этап, 11 класс, 10.12.2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru> Лента>links/9_757.

Береговская Э.М. Об экологии языка: дефектный одноразовый текст и его обращенная форма [Электронный ресурс]. – URL: // <http://www.library.krasu.ru/ft/articles/0070165.pdf>.

Богин В.Г., Вдовина С.И., Фельдман Л.М. Базовые категории и понятия НГШ // Инновации в образовании. – 2006. – № 6.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул, 2009.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.

- Волкоморова О.Б.* УМК по дисциплине «Корректурa текста» – Тюмень, 2008.
- Галяшина Е.И.* Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? – М., 2006. (в соавт.).
- Галяшина Е.И.* Лингвистика vs. Экстремизма. – М., 2006.
- Галяшина Е.И.* Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2003.
- Галяшина Е.И.* Спорные тексты СМИ. – М., 2005.
- Голев Н.Д.* Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика – 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999.
- Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
- Голев Н.Д.* Юридический аспект в лингвистическом освещении // Юрислингвистика – 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999.
- Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М.* Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ) [Электронный ресурс].
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.
- Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Т. 1. – М., 1993.
- Зубова, Л.В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М., 2000.
- Кукушкина О.В.* Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.
- Купина Н.А., Попкова Н.Н.* УМК дисциплины «Культура речи филолога и принципы стилистического анализа текста». – Екатеринбург, 2008.
- Майданова Л.М.* Критика речи и литературное редактирование текстов СМИ. – Екатеринбург, 2009.
- Майданова Л.М.* Практикум по современному русскому литературному языку (для студентов-журналистов). – Екатеринбург, 2007.
- Майданова Л.М.* Практическая стилистика жанров СМИ. – Екатеринбург, 2006 (в соавт.).
- Максимов В.В.* Анормативный текст: поэтика и дидактика // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7.
- Неупокоева О.* Дефектный медиатекст в массовых коммуникациях // Современные технологии политического консалтинга. [Электронный ресурс]. – URL: <http://spbsj.ru/lekczii/194-lekczii-1/2525-olga-neupokoeva.html> и <http://www.slideshare.net/mediabuzz/ss-10249305>.
- Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. – М., 2006.
- Рябкова Н.И.* Работа с текстом при формировании коммуникативных умений студентов [Электронный ресурс].
- Снигирев А.В.* Дефектность текста // Феномен творческой неудачи / Под общ. ред. А.В. Подчиненова и Т.А. Снигиревой. – Екатеринбург, 2011.

Соболева Е.Г. Прагмалингвистические особенности рекламного текста и специфика его редактирования // Современный медиатекст: учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011.

Сорокин Ю.А. Художественный перевод и его фиктивная реальность [Электронный ресурс]. – URL: http://tverlingua.ru/archive/010/6_10.htm.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Попова Т.В., 2012

Т.В. ГОГОЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.4

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОСПРИЯТИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ПУНКТУАЦИЯ И СМЫСЛ¹

Аннотация: Представлены результаты психолингвистического эксперимента, позволяющего выявить особенности читательского восприятия поэтического текста, данного испытуемым без знаков препинания. Определена специфика связи семантической наполняемости поэтического текста с его пунктуационным оформлением.

Ключевые слова: поэтический текст, психолингвистический эксперимент, пунктуация, креативный потенциал.

Наша статья посвящена связи семантической наполняемости художественного текста с его пунктуационным оформлением. Общеизвестно, что предложение является основной единицей речи, и что сообразно со своим семантическим планом в устной речи оно выделяется интонационно, а на письме – пунктуационно. Знаки препинания – это, по выражению А.П. Чехова, – «ноты при чтении». Рассмотрим номинативные предложения (далее НП) как наиболее лаконичный тип односоставных предложений, значение бытийности, экзистенциальности которого является его типовым значением, что делает интонационное и пунктуационное оформление НП в письменной речи (тексте) особенно важным. При использовании НП актуально употребление отделительных знаков препинания: точка, точка с запятой, двоеточие, восклицательный и вопросительный знаки многоточие. Исследуем взаимосвязь экзистенциального значения НП с его пунктуационным оформлением. Мы попытаемся доказать экспериментально гипотезу о неотделимости, неразрывности НП от его основного признака – бытийности.

В ходе нашего эксперимента мы предложили двадцати пяти респондентам (студентам четвертого курса ИФК и МК УрГПУ) два поэтических текста разных авторов для анализа. В первом – в стихотворении поэта А. Рудта – как и во многих современных поэтических текстах,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

преобладает авторская пунктуация: почти полностью отсутствуют знаки препинания, строки начинаются со строчной буквы. Заметим, что некоторые профессиональные литераторы сейчас даже придерживаются того мнения, что современное стихотворение вообще не должно содержать никаких знаков препинания. Однако это мнение разделяется не всеми. По нашему мнению, отсутствие знаков препинания допустимо, но использование этого приема в конкретном поэтическом тексте должно быть оправданным. Также следует учитывать читательский опыт и уровень речевой компетентности человека, воспринимающего подобный текст. В стихотворении А. Рудта этот стилистический прием создает эффект «потока сознания», а также мимолетности происходящего, зыбкости эмоций, чувств, ощущений лирического героя:

*Год – две тысячи один
место – лес
хмель сентябрьская осин
даль небес
крик летящих журавлей
склон родник
и острее жизни всей
гулкий миг
тень от клена на земле
листьев лёт
эй, возжак, что на крыле? –
дух болот?
выдох счастья в тишине
крыльев взмах
в мире в сентябре во мне
промельк птах
божий дух и горний свет
охры яд
никого в подлунной нет –
листопад
я исчезну пропаду
пусть сейчас
но в чистилище в аду
вспомню вас
листья птицы облака
склон вода
и вселенская тоска
навсегда*

Второй текст – стихотворение советского поэта А. Безыменского «Города. Города. Города» – написано в «соцреалистической» манере, в нем перечисляются «атрибуты» социалистических трудовых будней:

*Города. Города. Города.
Электричество. Нефть. Руда.
Ни бахвальства. Ни таинства тайн.
Экскаватор. Мотор. Комбайн.
Жесткий деррик. Турбина. Трос.
Катерпиллер. Совхоз. Колхоз.
Встречный план. ФЗУ. Автодор.
Сельмаистрой. Днепрострой. Рабселькор.
Пятилетка, Прибой коммун.
План. Ударники. Сталь. Чугун.
Что же может быть этого краше?
И всё это наше!*

В первом тексте очень много НП. Второй представляет из себя «список» НП, состоящих чаще всего из одного слова – имени существительного в именительном падеже. При этом во втором стихотворении знаки препинания расставлены в соответствии с пунктуационными нормами, каждое предложение завершается точкой. Стиль текста №2 соответствует эпохе его написания. Можно сказать, он жестко привязан к ней. И стилевые авторские приемы из текста № 1 не могут быть использованы в тексте № 2. Мы предполагали, что опрашиваемые – студенты-филологи 4 курса – окажутся достаточно компетентными читателями и обратят внимание на эти стилистические нюансы. Именно стилевое, смысловое, интонационное различие между двумя приведенными текстами повлияло на наше решение использовать их в качестве экспериментального материала. Респондентам сначала предлагались к прочтению варианты обоих текстов с полностью убранными из них знаками препинания. В этих «голых» вариантах текстов студенты должны были расставить знаки препинания по своему усмотрению, в соответствии со своей читательской и филологической интуицией. На обратной стороне листка анкеты были те же два текста, но с сохраненной авторской пунктуацией, которые были прочитаны респондентами. От опрошенных требовалось высказать свое мнение относительно того, что же конкретно меняется в восприятии обоих текстов, когда в них расставлены знаки препинания. Но, формулируя наше задание в анкете, мы постарались задать респондентам вопрос таким образом, чтобы не повлиять на ход их мысли и ответы и не представить желаемое в качестве действительного.

Гипотеза эксперимента: изначально нами предполагается, что если первый текст может продолжать существовать в качестве литературного произведения с минимальными потерями в семантике и авторской интонации, даже будучи полностью лишенным знаков препинания, то второй при этом утратит вложенные в него автором интонацию и необходимый для полноценного «функционирования» смысл: ведь во втором поэтическом тексте при помощи пунктуации, расставленных в соответствии с правилами точек, каждому НП, состоящему из одного существительного и называющего тот или иной атрибут социалистических строек, сообщается значение подчеркнутой бытийности, экзистенциального «веса». Именно экзистенциальный «вес» слов исчезает из стихотворения вместе со знаками препинания. И именно подчеркнутая бытийность была резюмирована автором в завершительных строках стихотворения: «Что же может быть этого краше? И всё это наше!».

Цель эксперимента: проверка гипотезы, а также выявление основных тенденций в восприятии респондентами первого и второго текста на основе их формулировок.

Инструкция предьявлялась в следующем виде: 1) прочитайте предложенные поэтические тексты без знаков препинания и запомните свое впечатление от них; 2) расставьте в них знаки препинания по своему усмотрению; 3) на обратной стороне листа даны тексты тех же двух стихотворений с сохраненной авторской пунктуацией – прочитайте их; 4) напишите, что конкретно изменилось в восприятии обоих текстов, когда в них появились знаки препинания – в сравнении с первоначальными вариантами.

Приведем формулировки ответов опрошенных по заданию – к тексту № 1 – стихотворению А. Рудта:

- 1) изменяется темп, ритм;
- 2) ничего не меняется, без знаков лучше;
- 3) интонация перечислительная, но автор воспринимает свой текст как единое целое, единый поток;
- 4) авторская пунктуация делает интонацию плавней, непрерывней. Без знаков воспринимается жестче, отчетливей;
- 5) без знаков хуже;
- 6) в целом, ничего не меняется, знаков не так уж много;
- 7) авторские знаки препинания помогают интерпретировать стихотворение как поток сознания;
- 8) ничего не меняется. Можно без знаков;
- 9) ---
- 10) ---

11) у автора: вопросительная интонация, предположительный ответ той же интонацией. Нет перечисления и уточнения мест (при расстановке знаков);

12) особая интонация, которая в этих стихотворениях играет огромную роль;

13) без знаков воспринимается хаотичней, быстрее, меньше следишь и задумываешься над интонацией автора, воспринимается по-своему, для себя. Лучше без знаков;

14) без знаков – просто поток сознания. Со знаками легче уловить интонацию;

15) с авторскими знаками появляется внутренний монолог лирического героя. Стихотворение кажется более цельным и логически оформленным;

16) в обоих случаях восприятие затруднено;

17) отсутствие вопросительных знаков затрудняет понимание смысла строк;

18) без знаков усиливается эффект потока сознания, но со знаками упорядоченнее, лучше;

19) то же, что и без знаков. С авторскими знаками препинания чувствуется отношение автора к тому, о чем он пишет;

20) авторский вариант более невесом, текуч. Это правильно. Со знаками хуже: теряется особый стиль;

21) меняется восприятие, принадлежность разным лирическим героям;

22) ---

23) нет знаков – легкость перечисления, бегло, как будто все крутится вокруг – листопад;

24) с авторскими знаками воспринимается как бесконечный поток мысли;

25) меняется интонация, смысл (в т.ч. из-за отсутствия вопросительных знаков).

Ср. формулировки ответов на вопросы задания по стихотворению А.И. Безыменского:

1) обильное количество знаков => медлительный тон;

2) ничего не поменялось, то же перечисление;

3) одинаково – со знаками и без знаков: благодаря ритму, созданному при помощи цепочки существительных;

4) без знаков – так же, как и со знаками;

5) без знаков хуже;

6) в целом, ничего не меняется; подтверждается, что перед нами что-то вроде перечня, списка;

7) со знаками не воспринимается как стихотворение, похоже на список, перечень;

8) меняется интонация: она словно чеканная, обрывистая, четкая, не перечислительная. Более «кричащее» стихотворение из-за заглавных букв;

9) темп чтения меняется, текст становится более острым, логичным;

10) меняется смысловой облик стихотворения: запятые создают перечислительную интонацию, точки – законченную;

11) у автора: акцент на каждом из того, что является «нашим». Риторический вопрос, показывающий, что нет ничего лучше своего, родного, того, чем мы по праву обладаем;

12) части стихотворения (назывные предложения) не просто перечислены, а названы, выделены каждое в отдельное слово, важное, т.е. меняется значимость перечисленных слов;

13) мало что поменялось. Со знаками сразу ясна интонация автора. Со знаками лучше;

14) когда знаки препинания появились, темп стал медленнее. Точки говорят о длинных паузах между словами. Нет интонации «отчеканивания»;

15) из-за точек возникает жесткий ритм, воспринимается как написанное по строгим правилам, что гармонично сочетается с его содержанием и периодом написания;

16) восприятие текста с пунктуацией значительно облегчается, интонация проявляется ярче;

17) наличие знаков препинания уточняет смысл, интонацию;

18) разделение текста точками чрезвычайно адекватно его смыслу. При авторских знаках препинания появляется ощущение суровое, даже жесткое, «машинное». При запятых текст более плавный;

19) меняется восприятие, интонация, настрой и настроение;

20) у автора логическое ударение на каждое слово как на отдельное целое;

21) с авторской пунктуацией – добавляется «вес», замедляется темп прочтения;

22) в авторском варианте каждое слово приобретает особый «вес», значение, тяжелеет;

23) у автора появляется тяжесть в перечислении. Кажется, что это никогда не кончится;

24) с авт. знаками: дробится на части, из этих частей выстраивается полная картина страны той эпохи. Знаками подчеркнута важность данных реалий;

25) смысл не меняется, меняется только интонация.

Мы попытались выявить основные тенденции в восприятии респондентами первого и второго текста на основе их формулировок (некоторые формулировки, как видим, были двухчастными, например: «Ничего не меняется. Без знаков лучше»). В отношении первого текста: 1) «ничего не изменилось» – так считают 4 человека; 2) «со знаками лучше» – 6; 3) «без знаков лучше» – 5; 4) «происходят некие изменения (в темпе, ритме, интонации, семантике)» – 8; 5) важность наличия и усиление эффекта «потока сознания» в тексте, когда из него убрали знаки препинания – 6; 6) «без знаков жестче, отчетливей» – 1. И в отношении второго текста: 1) «ничего не изменилось» – ответили 4 человека; 2) увеличение / уменьшение «веса» слов – 4; 3) «авторские знаки уточняют интонацию, смысл» – 10; 4) «без знаков хуже» – 1; 5) с авторскими знаками интонация более «чеканная», четкая – 7.

Подсчитав количество ответов, мы можем предположить, что результат эксперимента подтвердил нашу гипотезу. Хотя мнения респондентов разделились, но в целом ответы оказались созвучными с тезисом, выдвинутым нами в качестве гипотезы: если первое стихотворение – текучий «поток сознания» – как со знаками препинания, так и без них, и продолжает функционировать как поэтический текст с минимальными потерями в семантическом плане, то во втором тексте без знаков явно теряется интонация и «вес» слов. Во втором тексте авторская пунктуация крепко связана с семантическим планом стихотворения. Еще раз обратим внимание на наиболее показательные, с нашей точки зрения, ответы опрашиваемых, сначала – относительно первого стихотворения: «в целом, ничего не меняется. Читается на одном дыхании. Можно и без знаков препинания»; «то же, что и во втором варианте»; «в восприятии текста меняется немного»; некоторые указывают на легкость восприятия варианта без знаков препинания, усиление в нем эффекта «потока сознания», либо вообще считают его лучше авторского. И относительно второго стихотворения: «Автор ставит логическое ударение на каждое слово как на отдельное целое»; «разделение текста точками чрезвычайно адекватно»; «наличие знаков препинания уточняет смысл, интонацию»; «восприятие текста с пунктуацией значительно облегчается»; «со знаками читать лучше»; «вес слов»; «акцент на каждом из того, что является «нашим»» (речь идет о варианте со знаками). Креативный потенциал восприятия авторского текста без знаков препинания гораздо выше, так как позволяет осмыслить текст творчески, самостоятельно, тонко.

Таким образом, предположения, выдвинутые нами в качестве гипотезы, можно считать подтвержденными в ходе эксперимента, при помощи которого мы попытались поднять и осветить вопрос о связи

семантики (в данном случае мы сделали акцент на семантике бытийности, экзистенциальности, характерной для НП) и пунктуации в поэтическом тексте и пунктуационном выражении интонационного оформления НП. Эксперимент, проведенный нами, предполагает исследование на стыке филологических дисциплин – лингвистики и литературоведения. Тенденцию не ставить знаки препинания, прослеживающуюся в современной поэзии, можно считать вполне оправданной, но, исходя из результатов эксперимента, можно сделать вывод о том, что данный стилистический прием должен использоваться автором поэтических произведений очень аккуратно, со всей чуткостью и выверенностью, которая присутствует лишь в работе истинных мастеров слова. На это указывает индивидуальность восприятия читателями текста, вероятность читательского мышления, его способность истолковывать авторский смысл по-своему и насыщать произведение собственными смыслами, что делает такое восприятие художественного текста ярким и креативным.

© Гоголина Т.В., 2012

Е. А. ПЯТОВА

*(Троицкая средняя общеобразовательная школа №2,
г. Талица, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД РАБОТЫ С ТЕКСТОМ

Аннотация: В статье анализируется текстовая компетенция как необходимый компонент языковой способности, обеспечивающей успешность носителя языка в процессах коммуникации. Рассматриваются методики психолингвистического эксперимента, способствующие рефлексии ученика над содержанием текста.

Ключевые слова: восприятие и порождение текста, психолингвистический эксперимент, языковое сознание, текстовая компетенция.

Текстовая компетенция – необходимый компонент языковой способности, обуславливающий успешность носителя языка в процессах устной и письменной коммуникации. Последняя характеризуется особой лингвистической техникой развертывания мысли – при ориентации на «отсутствующего» адресата. В связи с этим особое значение приобретает анализ текстовой деятельности в свете активно развивающейся в настоящее время психолингвистической парадигмы исследований, рассматривающей механизмы текстопорождения и интерпретации речевых сообщений как взаимосвязанные и взаимообусловленные аспекты речевой деятельности (см. работы А.А. Леонтьева, И.А. Зимней, Р.М. Фрумкиной, А.А. Залевской и других).

Ситуация, сложившаяся в настоящее время в образовательной среде, характеризуется особой сложностью в том плане, что требует от учителя соединения опыта традиционного обучения русскому языку с новыми формами оценки знаний: вместо традиционного сочинения, как известно, введена часть С, требующая от ученика создания вторичного текста на основе предложенного авторского текста (произведения публицистической или художественной литературы). При этом учащийся должен продемонстрировать умение порождать тексты разных типов: текст-описание, текст-повествование и текст-рассуждение (чаще всего эти умения должны быть представлены в комплексе: иначе говоря, учащиеся должны при порождении текста учитывать их композиционно-функциональные разновидности, выбирая тот или иной тип изложения в опоре на содержание и стилистику первичного текста).

В свете того, что текст – сложный феномен, выступающий как продукт творческой активности, которая проявляется и в процессе его порождения, и в процессе восприятия, возникает необходимость внедрения новых подходов к формированию навыков текстовой деятельности в практику школьного обучения – с учетом фактора языковой личности, в частности готовности ученика интерпретации стоящей за текстом реальности при передаче авторской идеи.

В этом плане особую сложность вызывает, помимо понимания буквального плана текста, «считывание» его ассоциативной сложности, глубинных смыслов. Чтобы усилить рефлексивность ученика над содержанием текста, можно в процессе его анализа на разных этапах дать возможность ученику включиться в ход самого процесса создания текста (пропустить авторское слово через призму собственного опыта). Для этого существуют психолингвистические эксперименты, основанные на показаниях языкового сознания индивидуума. Назовем те из них, которые мы адаптируем к изучению различных текстов на уроках русского языка и литературы.

1. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) используется для выявления индивидуальных ассоциативных реакций на заданный вербальный стимул, связанный с ним смысл (объем содержания). В качестве стимула могут выступать слово, словосочетание, фразеологизм, текст. Например, на этапе выявления восприятия учениками поэмы А. Блока «Двенадцать» проводим САЭ. После прослушивания чтения учителем поэмы дается задание: в течение 30-40 секунд записать первые пришедшие в голову ассоциации по поводу данного текста. Все реакции записываются учителем на доске. Затем проводится количественная и качественная обработка полученных реакций. Каков результат? Учитель получает бесценную информацию о том, как воспринят текст разными читателями (учениками). Также этот метод позволяет выявить смысловые доминанты текста и другие смыслы, актуальные для данной аудитории, что позволяет учителю акцентировать их в процессе анализа и выстроить логику исследования текста, возможно, противоречащую традиционной.

2. В разных учебных ситуациях может использоваться методика перифразы (вариант методики прямого толкования). Ученикам предлагается сжать текст до 1 предложения. Например, на уроке по теме «Зачем нам нужен причастный оборот» обучающимся дается задание сжать текст сказки «Колобок» до 1 предложения, используя причастный оборот. Один из вариантов: «Самоуверенный колобок, убежавший из дома, был съеден лисой».

Данная методика позволяет самому ученику делать выводы о функционировании причастного оборота, который обладает предложением потенциалом (полупредикативностью). Проводя подобные исследования, учитель способствует достижению стратегической цели – формированию осознанного отношения к языковым явлениям. Кроме того, снова в центре внимания оказывается личность ученика, особенности восприятия языковых единиц каждым из участников эксперимента. При этом стоит отметить, что в ответах учащихся, использующих предложенную методику перифразирования, почти нет повторов. Учитель может оценить стилистические удачи, композицию фразы, набор лексических, синтаксических и т. д. средств.

Подобные эксперименты могут использоваться и как средство проверки понимания концепции текста. Например, после изучения произведений с четко выраженной главной сюжетной линией можно попросить учащихся передать основное содержание текста (например, романов «Преступление и наказание», «Обломов») в одном предложении.

3. Разновидностью предыдущей методики является методика опорных (ключевых) слов (методика индексирования текста). Учащимся предлагается текст, в котором они должны выбрать **с учетом индекса частотности** 15 ключевых слов, без которых невозможно передать содержание текста. На втором этапе предлагается оставить из 15 только 10 ключевых слов. На третьем этапе остается малый набор ключевых слов (5 единиц), опираясь на которые можно сформулировать проблему и идею текста. По сути, это работа над категоризацией, «исключением», концентрацией мысли текста, способствует активизации когнитивных процессов. Данная методика может активно использоваться при подготовке к написанию части С (ЕГЭ). Например, у 12 испытуемых, которым был предложен текст А. Вертинского о И. Мозжухине, были такие конечные наборы слов:

<i>Дым, дружба, широк, щедр, жуткое</i>
<i>благородная, киноактёр, слава, всё проходит</i>
<i>слава, всё проходит, кино, искусство</i>
<i>слава, проходит, забыли, гордились, неизвестно</i>
<i>киноактёр, король, забыли, всё проходит</i>
<i>киноактёр, первый, слава – дым, проходит</i>
<i>ведущая роль, проходящая слава, популярность</i>
<i>жуткое время, забыли, всё проходит</i>
<i>проходит, говорящее, молодо, гордились, забывали</i>

<i>фильмовый век, слава, дым, режиссёры</i>
<i>король экрана, Мозжухин остался в Париже</i>
<i>киноактёр Европы умер бедным и одиноким</i>

10 из 12 учеников после проведения эксперимента смогли адекватно сформулировать проблему и точку зрения автора.

Вариант этой методики – запись запомнившихся «цитат» после изучения художественного текста – позволяет учесть ядерные и периферийные текстовые смыслы, а также объем и полноту информации, полученной школьниками в результате учебной деятельности.

4. Интересны и результативны также эксперименты на группировку слов в тексте. Из небольшого по объему публицистического или художественного текста предлагается выписать отдельные слова, разделив их на тематические группы. Группам надо дать названия. Данный эксперимент позволяет выявлять смысловые доминанты текста, устанавливать смысловые отношения между словами, словосочетаниями: часть – целое, синонимы, антонимы, многозначные слова, лексические повторы и т. д.

Например, в тексте Ю. Бондарева (из материалов ЕГЭ) выделяем такие тематические группы: 1. Красота (*красота, прекрасное, закат в пролёте улицы, звёздное небо*). 2. Современная жизнь (*убыстрённый темп, материальные богатства, машины, скорости, перенаселённые города, непрерывное движение, телевизор, кинематограф, ничем не удивить*). 3. Память (*человеческая память (2), возникают картины, память (2), вспоминать, прошлое, память-ответственность, память познания, проникновение в прошлое*; 4. Человек (*человек, мы (2), нашей, мы, человек, людям, каждому, в нашем сознании, людям*). 5. Искусство (*романы, советская литература, искусство, искусства, литература*). 6. Нравственность (*наказание, ответственность, колоссальный жизненный и душевный опыт, героического и трагического, мужества народа, характера народа, морали, моралью*).

Далее устанавливаем связи между тематическими группами, формулируем проблемы. Особенно полезна работа с тематическими группами в тех текстах, где названий группам нет, их приходится давать самому ученику исходя из понимания смысла слов и их соединений на низшем, вербально-семантическом уровне, открывая перспективы для понимания концепции текста и замысла автора.

В текстах, где автор затрагивает несколько проблем, такая работа дает возможность разграничить смыслы текста, не потеряться в многообразии лексики.

5. Также в рамках трансформационного направления психолингвистики может применяться методика текстовых заполнения лакун (вероятностного прогнозирования). В тексте намеренно пропускаются слова, словосочетания, которые ученик, опираясь на текст, должен восстановить или заменить эквивалентными по смыслу. Можно пропустить оценочные слова, метафоры, абстрактную лексику. По данным рефлексивного анализа учеников, эта работа дает возможность глубоко осмысливать текст, выявлять степень деформации при заполнении пробелов, обращать внимание на сильные позиции текста, выявлять смысловые отношения между словами.

Такой эксперимент проводился на тексте Ю. Нагибина (о лошади). Приведем лишь некоторые ответы учеников.

Варианты замены эпитета «здравомыслящий»: понимающий, простой, прохожий, бесчувственный, приземленный, обычный, проходящий, бездушный, черствый, равнодушный, проезжающий, бессердечный, не знающий о ней, глупый.

Гораздо труднее поддаются декодированию метафоры и абстрактная лексика («закон», «правопорядок», «безнадзорность»), хотя антитеза «добро» – «зло» многими восстановлена в тексте.

6. Методика разрезания (сбора) текста, позволяющая установить формально выраженные и глубинные логические связи в тексте. Можно разрезать на предложения небольшой текст, можно разрезать текст на абзацы-микротемы. Большие затруднения вызывает текст-рассуждение. Некоторые тексты (объемом всего 1 страница) ученики не могут восстановить в силу их сложности, многообразия смыслов, видов и средств связи, что позволяет сделать вывод о высокой степени сложности предлагаемых выпускникам текстов.

Так, например, в тексте И. Бунина о взаимосвязи искусства и действительности ни один из 14 испытуемых не смог восстановить структуру текста, восстановив лишь отдельные его части: кто-то правильно определил начало и конец текста (сильные позиции), кто-то выстроил отдельные фрагменты рассуждения.

Стоит отметить, что при «сборке» текста каждый идет своим путем, не ожидая готового ответа со стороны одноклассников.

Итак, это только часть опробованных нами методик. Безусловно, их объединяет то, что ученик, находясь в ситуации коммуникативного затруднения, экспериментальным путем приходит к постижению смысла текста, хотя нельзя сказать, что во всех случаях проекция текста выпускника адекватна проекции текста автора. Однако ценно то, что информацию из текста он извлекает сам, не получая ее в готовом виде от учителя или других учеников.

На наш взгляд, данные эксперименты имеют большое значение для формирования не только личностных, но и метапредметных умений. В частности, такая работа с текстом позволяет ученику приобретать навыки работы с информацией: выделять нужное, систематизировать, сопоставлять языковые явления, делать обобщения, преобразовывать информацию, устанавливать смысловые связи.

Таким образом, экспериментальные методы способствуют выполнению главной задачи филологии, понимаемой как искусство чтения и мастерство понимания.

© Пятова Е.А., 2012

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

С.М. БЕЛЯКОВА

(Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия)

УДК 811.161.1'373.43

ББК Ш141.2-312

СТАЛКЕР: ИМЯ СУДЬБЫ И СУДЬБА ИМЕНИ

Аннотация: В статье предлагается анализ авторского неологизма *сталкер* с точки зрения его фонетического облика, словообразовательной и семантической структуры. Исследуется развитие семантики неологизма в современном социокультурном контексте.

Ключевые слова: неологизм, ассоциативные компоненты значения, мотивированность имени.

Сталкеры в рай без очереди пускают.

А. и Б. Стругацкие.
Пикник на обочине.

Видите ли, Сталкер в каком-то смысле призвание.

Профессор,
персонаж фильма «Сталкер».

Слово *сталкер* имеет в нашем языке весьма интересную судьбу. Это один из тех нечастых случаев, когда слово-неологизм, созданное конкретным человеком, писателем (в данном случае – братьями-писателями), на наших глазах вошло в русский язык, хотя его функционирование, как будет показано нами ниже, очень своеобразно. Как хорошо известно, слово было создано и употреблено братьями А. и Б. Стругацкими в их фантастической повести «Пикник на обочине» (1972 г.). В тексте повести читаем: «Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия». Однако свое победное шествие слово *сталкер* начало после выхода фильма А. Тарковского (1981 г.), где оно, в отличие от повести,

становится заглавным. Не вдаваясь в сопоставление героев и сюжетных линий книги и фильма, отметим лишь, что если в повести Стругацких это название профессии и соответственно пишется со строчной буквы, то в сценарии Тарковского это, скорее, имя собственное (наряду с именами других персонажей – Профессора и Писателя).

Обратимся к анализу этой лексемы, начав с его фонетической структуры. Она весьма показательна. Короткое, «симметричное», построенное по закону слогового сингармонизма (если считать сонорные слогообразующими), с двумя сонорными (что воспринимается носителями русского языка как «красивое»), последний из них – Р – наиболее «энергичный», звучный, не подверженный оглушению.

Мотивированность и словообразовательная структура слова также заслуживают внимания. Вряд ли во время появления и повести, и фильма носителями русского языка осознавалась его связь с английским глаголом *to stalk* «охотиться, выслеживать». (Скорее всего, сами авторы исходили именно из данного глагола, создавая обозначение особого рода профессии, но прямых доказательств этого нами пока не обнаружено.) Другое дело – современное восприятие, о чем будет сказано ниже. Таким образом, нельзя считать это имя существительное мотивированным в системе русского языка. Финальная часть слова восходит к латинскому (а возможно, и более древнему) «суффиксу деятеля» -*eg*. Именно такая огласовка (безударная) характерна для многих заимствований последнего времени из английского языка (*менеджер, геймер, фрилансер, программист*) в отличие от более ранних вариантов, пришедших из французского языка, – ударных -*ёр, -ор* (*монтёр, комбайнёр, кредитор*). Таким образом, слово, с одной стороны, выглядит заимствованием (напомним, что действие повести происходит в вымышленной стране, однако имена собственные явно напоминают англо-американскую языковую среду). С другой стороны, оно построено по фонетическим законам, свойственным славянским языкам, и представляется нам благозвучным.

Обратимся теперь к его семантике. Это слово, не имеющее вне контекста книги или фильма четкой понятийной (денотативной) семантики, но чрезвычайно ассоциативное, коннотативное, отпрецедентное. Если исходить из единственного четко выделяемого денотативного компонента, позволяющего считать его синонимом лексеме *проводник* (отвлечшись от этического и философского наполнения), можно отметить, что данный синоним имеет в русском языке слабо выраженную, но все же существующую амбивалентность. Человек, знающий дорогу, местный, обычно нанимаемый за деньги – здесь семантика нейтральная или имеющая несколько сниженную оценку. Но

это же понятие может приобрести высокий смысл в литературном контексте или мифологическом (как обладающий особыми знаниями). Конечно, это, прежде всего, Вергилий у Данте (*Он двинулся, и я ему вослед*) или Вожатый – Пугачев в «Капитанской дочке».

Особую судьбу слово *сталкер* приобрело в силу целого ряда обстоятельств. Первым и главным из них было, разумеется, появление фильма А. Тарковского, расставлявшего новые акценты в образе и, соответственно, в слове. Вторым, трагическим, событием стала катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986 г.) с возникновением вследствие этого особой зоны отчуждения. В повести и фильме Зона (с прописной буквы) – важнейший образ, нечто чуждое, непонятное, опасное, коварное, но и привлекающее. Прямое совпадение словесных обозначений, некоторые общие приметы этих двух объектов, вымышленного и реального, наличие людей, которые, невзирая на запреты, пробирались в Чернобыльскую зону, дали еще один импульс к использованию слова *сталкер* журналистами и писателями. И, наконец, третьей причиной можно считать общую атмосферу последних десятилетий в нашей стране, где в силу некоторых причин можно найти различные разрушенные объекты (заводы, бывшие военные базы и проч.), напоминая кадры из фильма и привлекающие разного рода посетителей.

В результате слово становится популярным, но используется своеобразно. Мы не найдем его в лингвистических или толковых словарях, а в энциклопедических оно фигурирует, прежде всего, как название фильма. Однако в «Википедии» находим следующее толкование: *сталкер* – человек, занимающийся исследованием опасных объектов и территорий, связанным с риском для здоровья или жизни.

Показательно и то, что «Национальный корпус русского языка» (основной и газетный подкорпусы) (сайт www.ruscorpora.ru), содержит даже в совокупности совсем небольшое число примеров: 99 документов и 304 вхождения. И это в то время как поисковые системы «Yandex» и «Google» выдают огромное количество ссылок.

Это положение отражает тот факт, что слово *сталкер* как имя нарицательное используется весьма ограниченно: в контекстах оно либо выступает приложением, либо входит в состав сравнительных оборотов, либо имеет иронический смысл, т.е. в любом случае отсылает к прецедентному тексту. (Заметим, что и прецедентный текст здесь уникальный, бинарный: это книга – фильм.) Приведем соответствующие примеры: *Зато иностранцы валят толпами, благо сервис почти на западном уровне. Туристам предлагается микроавтобус и сопровождающий-сталкер* («Чернобыль: 20 лет после ада»). *Вдруг я увидела,*

что муж мой, как сталкер, находится в какой-то своей зоне, не слышит, не видит, не понимает, обрастает панцирем цинизма... (С. Спивакова).

Однако в последнее время в разных текстах (в том числе в материалах Интернета) фиксируется существительное *сталкинг*, которое непосредственно мотивируется английским глаголом *to stalk* и обозначает так называемый промышленный (городской) туризм, хотя и здесь на визуально-ассоциативном уровне прослеживается связь с фильмом А. Тарковского.

Кроме того, в материалах «Национального корпуса русского языка» (газетный подкорпус) отмечено совершенно иное употребление слова *сталкер* – в значении «преследователь, агрессивный поклонник»: *Сталкер певицы Бьорк, узнав о том, что она крутит роман, прислал ей посылку с бомбой, которую удалось обезвредить по чистой случайности; После этого добраться до Пугачевой сталкер так и не смог.* Вероятно, это прямое заимствование из английского языка, которое не имеет ничего общего с «нашим» *сталкером* и в основной аксиологической оппозиции находится на противоположном полюсе.

Практическое отсутствие денотата, ассоциативный потенциал и благозвучность слова позволило широко использовать его в сфере так называемой эргонимии, т.е. в функции имени собственного для номинации различных объектов: от музыкальных групп и арт-агентств до фирм, специализирующихся на установке систем сигнализации и видеонаблюдения, и магазинов автоаксессуаров. В качестве других примеров: это название бара в провинциальном городе, издательства в Донецке, разведывательной машины, компьютерной программы для астрологических вычислений и т.д.

Слово несет в себе также некоторые ассоциативные семы, связанные с нарушением запретов, своего рода диссидентством. Это нашло отражение, например, в названии правозащитного кинофестиваля, который к тому же проводится в Пермском крае, где слово *зона* имеет вполне определенный смысл.

И, наконец, это наименование серии компьютерных игр, причем здесь оно приобретает иное графическое оформление, «становясь» аббревиатурой (видимо, это коммерческий ход): С.Т.А.Л.К.Е.Р. или даже в латинской графике – S.T.A.L.K.E.R. Следовательно, круг ассоциаций, связанных с этим словом напрямую зависти от типа культуры, к которому принадлежит тот или иной человек. *«Да, "Сталкер" – это единственный фильм, встречавшийся в моей жизни, который был удачно снят по книге, кстати, очень суперовой книге. (...) Просто ны-*

нешнее поколение ассоциирует слово сталкер по таким понятиям – противогаз, игра, зона, куча книжек по 100 р. про зону».

Таким образом, «авторское» слово, созданное на рубеже 70–80-х годов прошлого века, оказалось актуальным в контексте современности, созвучным многим приметам времени. Его широкий ассоциативный потенциал, «расходящийся кругами», уводит нас далеко от образа-прототипа, а удачный фонетический облик позволяет ему стать своего рода этикеткой для многих объединений людей. Креативное сознание создателей слова *сталкер*, талантливых писателей братьев Стругацких, позволило дать ему мощный импульс, предопределивший дальнейшую уникальную судьбу.

© Белякова С.М., 2012

Е. Н. БЕКАСОВА

(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)

УДК 81'1
ББК Ш100.3

КРЕАТИВ НА ГРАНИ ЯЗЫКОВ¹

Аннотация: Исследуются закономерности функционирования системы русских и тюркских антропонимов на одной территории. Выявляются национально-культурные особенности исторически сложившейся традиции именованного человека.

Ключевые слова: антропонимия, ментальные предпочтения, прецедентное имя, интерференция языков, языкотворчество.

Антропонимическая система дает бесценный и неисчерпаемый материал для того, чтобы понять законы развития языка и наименования людей, обусловленные строгими историческими закономерностями и ментальными пристрастиями. Для появления и функционирования антропонимов нужны определенные культурно-исторические условия, поэтому они являются ярким отпечатком соответствующей эпохи. Все это обусловило исследование системы личных имен жителей Оренбургской области, которая, на наш взгляд, позволяет в определенной степени выявить закономерности функционирования, прежде всего, русского и тюркского именников.

Сопоставление русского и тюркского именников показывает существенные различия не только генетические, в том числе и в ориентации на иноязычные имена, но и количественные: тюркский именник более разнообразен и открыт, особенно в представлении женских имен; русский именник, наоборот, традиционен, устойчив, ограничен закрытым списком имен, особенно мужских, из которых формируются отчества. В частности, анализ личных имен студентов филологического факультета Оренбургского государственного педагогического факультета показал, что первая пятерка имен (*Елена, Ольга, Татьяна, Екатерина, Юлия*) составляет 64 % всех описываемых женских русских имен, тогда как наиболее распространенные тюркские женские имена *Альфия, Алия, Гульнара, Гальноз, Гузель* представлены 21 % в соответствующем именнике. Первая пятерка русских мужских имен (с учетом отчеств) – *Александр, Владимир, Николай, Сергей, Виктор* –

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

составляет 78 % русского мужского имени. Тюркские мужские имена (также с учетом отчеств) настолько разнообразны, что из 128 имен «тезками» оказались только 3 (менее 10 %): *Рашид* (4), *Салават* (4), *Венер* (3).

Особенности русского и тюркского именников ярко показывают ментальные предпочтения народа в таком важном процессе как исторически сложившаяся традиция именования человека. Нередко тюркские имена имеют прозрачную внутреннюю форму, понятную носителю языков тюркской семьи, например: *Гузель* – тюрк. ‘красивая’, *Альфия* – тюрк. ‘первый ребенок в семье’, *Расима* – тюрк. ‘привычка’, *Раис* – араб. ‘начальство’ и под. В большинстве своем традиция «понятности» прослеживается и в новых именах типа *Лилия*, *Роза*, *Венера*, *Гранит*, *Булат*, *Лена* и под. Русские имена для носителя в основном являются немотивированными, при этом новые имена, как правило, формируются за счет таких же немотивированных иноязычных имен типа *Анжелика* или производных от старых имен типа *Арина* (Ирина).

Специфичны и предпочтения в именовании детей. Для русских важна прецедентность имени. С одной стороны, следствием этого являются семейные имена, которые даются в честь родственников, поэтому в некоторых семьях на протяжении целого ряда поколений функционирует очень ограниченный круг имен. В этой связи достаточно показательны обстоятельства наречения *Акакия Акакиевича* из «Шинели» М.В. Гоголя. С другой стороны, из реестра имен выбраковываются «ославленные» имена типа *Евдокия* (*Дуня*), *Матрена* (*Матрешка*), *Феврония* (*Хаврония*), *Митрофан* (недоросль *Митрофанушка*), *Евфросиния* (*Фрося* Бурлакова), *Лукерья* (*Лушка* из «Поднятой целины») и под. Для тюркского имени, судя по опросу более 765 человек, мотивацией является семантика имени и его звучность. В частности, весьма популярными из-за своей благозвучности в ряде населенных пунктов Оренбургской области является имя *Лена* (официально фиксируется в ЗАГСах) и *Ленур* / *Ленура*, *Ленар* / *Ленара*. Интересно отметить, что указанные парные мужские / женские имена составляют до 70 % имен новорожденных в одном населенном пункте, несмотря на то, что их семантика жителями однозначно связывается с псевдонимом В.И. Ульянова – *Ленину ура*, *Ленинская армия*, однако имя дается не по идеологическим причинам, а исключительно за эстетичность звучания. Имеются и традиционные семейные имена, мотивация которых значительно отличается от русского имени. Как правило, специфические пристрастия ограничиваются определенной семьей. В частности, нередко имена мужчин (реже женщин) одной семьи относятся к одной родовидовой группе слов (*Гранит* – *Ал-*

мас (с фиксацией оглушения), *Лилия – Роза*, вплоть до их дублетности (*Айнур – Айнура, Венера – Венера*). Возможны и звуковые пристрастия – все имена семьи начинаются на одну букву: родители *Равиля, Рахматула*, дети *Рамиль и Рамиля*. Нередки предпочтения экзотических имен в именовании девочек – от *Джюльетты, Марианны, Магдалены* до *Завгар* (завгаражом).

Функционирование тюркских имен в русскоязычной среде определяет ряд особенностей их изменения. В частности, достаточно обычная до конца 90-х замена имен и особенно отчеств на русские в настоящее время практически не встречается. Оренбуржцы толерантно относятся к любым именам, в том числе самым редким, и хорошо их усваивают. Результаты анкетирования отчетливо показывают позитивное отношение к разнообразию имен как отражению многообразия мира, идентификации человека как личности, возможности прикоснуться к другому языку и культуре. Однако тюркские имена испытывают своеобразное влияние со стороны русского языка, проявляющееся, прежде всего, в возникновении многочисленных вариантов официального имени, что позволяет русскому именнику при весьма ограниченном реестре имен быть весьма многообразным. Как правило, имя тюркского именника «обрастает» русскими суффиксами, например: *Гузелька, Гузелёнок, Гузелёныш, Гузелька, Гузельнька, Гузелюшка, Гузельчик* и под. Такая «русификация» имени позволяет отразить эмоциональное отношение к его носителю.

Однако наиболее значительно процессы интерференции русского и тюркского языков проявляются в прозвищах. Появление прозвищ является результатом стремления человека к мотивированности – установлению причинно-следственных связей в объективной реальности. Отсутствие этимона в антропонимах тюркского именника, а также связи с именуемым лицом становятся причиной преобразования имен в сторону их сближения с другими словами, которые в силу сходства фонетического облика, формы и различных ассоциаций представляются родственными. Произвольность толкования тюркских антропонимов порождает явления народной этимологии, при этом, как показывают наши исследования, процессы возникновения прозвищ на базе славянских и тюркских антропонимов имеют общие черты [Бекасова 2002; 2003].

Следует отметить, что отыменных прозвищ гораздо меньше, чем отфамильных, так как реестр имен и в тюркском и – особенно – в русском именнике более ограничен, чем реестр фамилий. Как правило, в таких прозвищах наблюдается трансформация в другие имена по звуковой ассоциации (*Серый* ← Серик, *Сало* ← Салават) или «перелицовка»

имен на русский лад (*Мирон*←Мерлай, *Максим*←Махмуд). Весьма широко представлены отыменные прозвища ассоциативно-парадоксальной мотивации: *Осьминог*←Омар, *Семиголовый*←Самигулла, *Тугрик*←Динар, *Муха*←Мухтар, *Мурзик*←Мурсалим, *Январь*←Анвар, *Сникерс*←Марсель, *Дин-Дон*←Динара, *Израиль*←Раиль, *Булыч*←Булат, *Газон*←Газис, *Шашлык*←Жаслык, *Зима*, *Зёма*←Азамат, *Ринг*←Ринат, *Отбеливатель*←Асия, *Эльдорадо*←Эльдар и др. В указанных прозвищах обычно соблюдается тождество онимов и прозвищ мужского и женского рода типа *Халва*←Халия, которое в исключительных случаях отсутствует, например: *Зухра*←Зуфар, *Курочка*←Курлай, *Кефир*←Земфира.

Распространены прозвища женщин по личному имени мужа, отца, брата и прозвище сына по отцу, которые образуются путем присоединения русского суффикса к иноязычной основе, например: *Максутиха* (Максут), *Дияниха* (Диян), *Мульчиха* (Мулык) и *Рашидёнок* (Рашид), *Габыч* (Габайдулла) и др. Подобные прозвища – яркое проявление интерференции разных языковых систем, свидетельствующее о восприятии тюркских имен в сознании носителей русского языка как реальности, лишенной статуса «чужого».

Наряду с привычной для русских фамилий трансформацией их в имена-прозвища (типа *Ахмет*←Ахметов, *Абдула*←Абдулин), наблюдается образование прозвищ за счет вычленения созвучной части, которая осмысливается этимологически неверно, например: *Тазик*←*Тазбулатов*, *Шарик*←*Шарафутдинова*, *Муся*←*Мусифуллина*, *Муха*←*Мухамедьянов*, *Мухаобезьнов*←*Мухамедьянов*, *Рассол*←*Рассулов*, *ГАЗ 59*←*Газизов*, *Газик*←*Газизов*, *Коромысло*←*Карамышева*, *Киса*←(*Мурзик*)←*Мурзин*, *Байка*←*Баймурзин* и под.

Особую группу образуют прозвища от формулы личного имени, например: *ФФФ* – Файзулин Ф.Ф., *МЭР* – Меджитов Эльдар Рафкатович; *БИБИГУЛЬ* (*Бигбаева Гульнара*), *АлСу* (*Алла Султановна*), *БулКа* (*Булат Казиев*), *Му-Му* (*Мурзин Мурат*) и др.

В трансформацию формулы именованного могут включаться два члена, парадоксально сохраняющиеся в русифицированном виде, например: *Хасан Хасанович*→*Стакан Стаканыч*), *Мойра Гарисоновна*→*Мойва Гарнизоновна*. Возможен переход фамилии в отчество (*Мурзин Марат* →*Мур Мурыч*) и, наоборот, отчества в фамилию (*Галия Галеевна*→*Галилео Галилей*). Редко наблюдается стяжение в прозвище всех членов официального именованного: *Мага*←*Три Мага*←*Магомед Магомедович Магомедов*.

Современные трансформации тюркского именника и особенно прозвища как яркое проявление языкотворчества, где обычно срабаты-

вают чисто лингвистические механизмы, позволяют наблюдать своеобразный симбиоз языков, в котором русский язык в силу своей «общезительности и переимчивости» в очередной раз представляет креативность на грани исконного и заимствованного.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е.Н. Оренбургский край как источник лексикографических изысканий В.И. Даля // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования. – Киев, 2002.

Бекасова Е.Н. Русские прозвища как отражение ментальности // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: X Конгресс Междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.). Концептосфера русского языка: В 3 т. Т. 3. – СПб., 2003.

© Бекасова Е.Н., 2012

И.А. ВАУЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-21

АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО СЛОВА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация: Экспериментальным путем выявляются особенности восприятия значения стилистически окрашенного слова в соотношении с его нейтральным эквивалентом. Определены факторы, влияющие на актуализацию экспрессивного потенциала слова.

Ключевые слова: восприятие, ассоциативное поле, экспрессивная лексика, языковое сознание.

Экспрессивность лексической единицы в аспекте ее восприятия – сложный феномен, имеющий разные аспекты актуализации, включая узуальные (языковые) и контекстуальные параметры формы и содержания экспрессемы. В самом общем виде экспрессивность можно определить через синоним «выразительность», свойство вербальных знаков вызывать в сознании адресата некое оценочно-эмоциональное «переживание», в том числе эстетическое.

Каждый уровень языковой системы содержит определенный набор факторов выразительности: фонетический (выразительность звуковой оболочки слова), семантический (производные, образные, оценочные значения, а также сема интенсивности как маркер узкого понимания экспрессивности), мотивационный (прозрачная внутренняя форма), грамматический (потенциал морфемной комбинаторики, выразительные возможности словообразования и синтаксиса), стилистический (стилистика маркированность единиц – принадлежность к определенному функциональному стилю). Экспрессивным может стать и нейтральное слово при актуализации его в контексте. Кроме того, в психолингвистическом смысле экспрессивность слова есть факт не только общественного, но и индивидуального сознания. (в частности метод измерения семантического дифференциала Ч. Осгуда показывает, что любое слово в сознании конкретного носителя языка обладает коннотативным ресурсом: ассоциативными параметрами, соответствующими факторам «оценки», «силы», «ориентированной активности»). Вместе с тем ассоциативные эксперименты (свободный и направленный) выявляют существенные различия в квалификации слов языка как экспрессивных, так и нейтральных. В связи с этим воз-

никает проблема исследования экспрессивности, с одной стороны, как психологически реального феномена, с другой стороны, как явления, обусловленного языковым «субстратом».

Рассматривая данную проблему, следует, таким образом, принять во внимание, во-первых, то, что категория экспрессивности (и взаимосвязанные с ней категории эмоциональности, оценочности) являются субъективными (в языковом сознании одних носителей языка слово может быть представлено как экспрессивное, в сознании других – как нейтральное); во-вторых, то, что в процессе развития языка, под влиянием изменений в общественном сознании, слова могут утрачивать изначально свойственные им коннотации и / или приобретать новые, в том числе экспрессивные характеристики.

Для верификации отнесенности слов к разряду экспрессивных (отмеченных как таковых в словарях русского языка) считаем продуктивным использование метода направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ), позволяющего не только установить набор ассоциативных реакций на заданное слово-стимул, но и проследить, какие факторы (аспекты слова) влияют на его восприятие как экспрессивного. Представляется, что сопоставление ассоциативных полей экспрессивного слова и его нейтрального синонима в этом плане особенно показательно.

В качестве слов-стимулов из «Большого толкового словаря синонимов русской речи» мы избрали стилистические синонимы *алкоголик-алкаш* [БТССРП 2008]. Согласно словарю, слово *алкоголик* является нейтральным, *алкаш* – имеет разговорно-сниженную стилистическую окраску [БТССРП: 236-237].

Инструкция, в соответствии с методикой проведения НАЭ, включала ограничения в составе реакций: испытуемым предлагалось охарактеризовать несколькими прилагательными каждое слово пары. Опрос проводился среди филологов (как лиц, предположительно более чувствительных к коннотативному плану лексического значения), студентов и выпускников ИФК и МК УрГПУ преимущественно женского пола (всего в эксперименте приняли участие 25 человек).

Выдвигалась **гипотеза** о том, что 1) стилистически окрашенное слово в соотношении со своим нейтральным эквивалентом имеет специфический спектр ассоциативных реакций; 2) восприятие экспрессивного слова зависит от присущих ему «маркеров» экспрессивности, в данном случае – функционально-стилистических; 3) восприятие экспрессивного слова задано типовыми контекстами его актуализации (последние могут всплывать в сознании как некие «гештальты»); 4) субъективный характер восприятия стилистически окрашенного слова обнаруживается в его ассоциативном поле.

Состав полученных реакций, подвергнутых количественной обработке (с учетом частотности повторяющихся реакций), позволил выделить ядерную и периферийные зоны ассоциативных полей сопоставляемых слов:

Алкоголик (всего 50 ассоциаций).

Ядро: *больной* (7).

Ближняя периферия: *пьющий* (4), *синий* (4), *несчастный* (3), *бедный* (3).

Дальняя периферия: *злой* (2), *тихий* (2), *зависимый* (2), *неадекватный* (2), *безвольный* (2).

Крайняя периферия, единичные реакции: *занудный, надоевший, образцовый, законченный, противный, спившийся, страдающий, разговорчивый, неухоженный, лживый, вонючий, мерзкий, опустившийся, голодный, эгоистичный, безответственный, длинный, ненужный, одинокий, потерянный.*

Алкаш (57)

Ядро: *вонючий* (8).

Ближняя периферия: *грязный* (5), *грубый* (4), *придура[ш]ный* (4), *несчастный* (4).

Дальняя периферия: *противный* (3), *пьющий* (2), *бездомный* (2), *больной* (2), *зависимый* (2), *сопливый* (2).

Крайняя периферия, единичные реакции: *запойный, икающий, хитрый, смазливый, курносый, сизый, гнусный, бомжеватый, безработный, убогий, побитый, глупый, подлый, отъявленный, опустившийся, безвольный, ужасный, уродливый, чертов.*

На втором этапе производилась качественная обработка полученных данных – выделение «ассоциативных доминант» поля [см.: Гридина, Коновалова 2009] по принципу тематической общности реакций разных зон (независимо от их ядерного или периферийного статуса). Такое распределение реакций позволяет представить «акценты» восприятия образов *алкоголика* и *алкаша* и отношение к самому явлению алкоголизма в сознании носителей языка (респондентов-филологов).

Ассоциативная доминанта	Алкоголик	Алкаш
Алкоголизм как болезнь, зависимость, пагубное пристрастие	<i>больной</i> (7), <i>пьющий</i> (4), <i>зависимый</i> (2), <i>неадекватный</i> (2), <i>спившийся</i> , <i>страдающий</i>	<i>пьющий</i> (2), <i>больной</i> (2), <i>зависимый</i> (2), <i>запойный</i>

Отношение к тому, кто страдает алкоголизмом	<i>несчастный (3), бедный (3), надоевший, противный, ненужный, мерзкий</i>	<i>противный (3), гнусный, ужасный</i>
Образ поведения пьющего человека	<i>тихий (2), занудный, разговорчивый</i>	<i>грубый (4)</i>
Черты личности	<i>злой (2), безвольный (2), лживый, опустившийся, эгоистичный, безответственный, одинокий, потерянный</i>	<i>придурочный (4), хитрый, убогий, глупый, подлый, опустившийся, безвольный</i>
Внешний вид	<i>синий (4), неухоженный, воночий, длинный</i>	<i>воночий (8), грязный (5), сопливый (2), икающий, смазливый, курносый, сизый, бомжеватый, побитый, уродливый</i>
Реакции, наведенные типовыми контекстами употребления слов	<i>образцовый, законченный</i>	<i>несчастный (4), отъявленный, чертов</i>
Социальное положение	<i>бедный (3), голодный</i>	<i>бездомный (2), безработный</i>

Сравним соотношение полученных реакций на заданные стимулы в аспекте выраженности их экспрессивной коннотации – с учетом наличия в значениях ассоциатов (прилагательных) сем интенсивности (*экспрессивности* в узком смысле слова), оценочности, образности, мотивированности, функционально-стилистической окраски (см. выделение данных критериев экспрессивного слова О.И. Блиновой, Т.В. Матвеевой и др.).

Ассоциаты	Алкоголик	Алкаш
Реакции констатирующего характера (выявляющие стереотипы –	<i>пьющий (4), зависимый (2) бедный (3),</i>	<i>пьющий (2), зависимый (2), бездомный (2),</i>

типовые пропозиции – восприятия образа алкоголика): денотативные и ситуативные основания оценки	<i>голодный больной (7),</i>	<i>безработный больной (2), побитый</i>
Реакции, выражающие субъективную оценку (коннотативный слой значения): семы личного отношения	<i>неадекватный (2), страдающий, несчастный (3), надоевший, ненужный, занудный, злой (2), безвольный (2), лживый, опустившийся, эгоистичный, безответственный, одинокий, потерянный, спившийся (разг.)</i>	<i>грубый (4), хитрый, убогий, глупый, подлый, опустившийся, безвольный</i>
Ассоциаты с коннотацией стилистической <u>сниженности</u> , выраженной семой <u>интенсивности</u> и <u>негативной</u> оценки	<i>противный, мерзкий, синий (4), вонючий, образцовый, законченный</i>	<i>запойный (разг., сниж.), противный (3), гнусный, ужасный, вонючий (8), грязный (5), бомжеватый, придурочный (4), сопливый (2), икающий, сизый, уродливый, несчастный (4), отъявленный, чертов</i>

Как видно из приведенной таблицы, на оба слова даны оценочные реакции. Но резкость (интенсивность) оценки неодинакова. Если в ассоциативном поле слова *алкоголик* есть такие реакции, которые выражают сочувствие и сострадание (*несчастный, бедный, страдающий*), то *алкаш* безоговорочно осуждается. Если *алкоголик* в восприятии носителей языка представлен как больной и несчастный человек (хотя и осуждаемый), то *алкаш* – это отвратительный и утративший человеческий облик субъект (*тип*).

К экспрессивным реакциям мы отнесли такие, которые не только **называют** определенное качество, но и **выражают** отношение к обозначаемому. Первый тип ассоциатов можно квалифицировать как «*отобъектные*», второй – как «*отсубъектные*» (термины М.Э. Рут).

В ассоциативном поле слова *алкоголик* экспрессивными с этой точки зрения являются прилагательные, выражающие резко отрицательные эмоции в отношении такого человека и его внешнего вида: *противный, мерзкий, вонючий*; разговорно-сниженная характеристика *синий*, основанная на метонимическом переносе (ср. синий нос как признак пьяницы); две иронические реакции, навеянные типowymi контекстами: *законченный, образцовый* (алкоголик).

На стимул *алкаш* было дано существенно больше экспрессивных реакций, среди которых: эмоционально-оценочные прилагательные (*противный, гнусный, ужасный*); характеристики, выражающие отталкивающие черты внешнего облика (*вонючий, грязный, сопливый, икающий, смазливый, уродливый*), метонимическая номинация *сизый* (ср.: синонимы *синий* и *сизый* как характеристики внешности пьющего человека), а также реакции, обусловленные устойчивыми контекстами (сочетаемостью слова с экспрессивными партнерами): *несчастный, отъявленный, чертов* (*алкаш*). Прилагательное *отъявленный* выражает высокую интенсивность признака. Расхожие выражения *алкаш несчастный, алкаш чертов*, как правило, произносятся «в сердцах», «на эмоциях», поэтому мы отнесли их к экспрессивным.

Оба слова в сознании носителей языка воспринимаются как оценочные, что обусловлено спецификой денотата. У слов, обозначающих негативные, осуждаемые с точки зрения общественной морали явления, может возникать эмоционально-оценочный ореол, а характер (интенсивность) выражения оценки и эмоции обуславливает степень экспрессии (выразительности и характеристической силы) соответствующей номинации.

Большой процент негативных эмоциональных реакций на слово *алкаш*, резкость оценки явно свидетельствуют об экспрессивном восприятии этого слова (ср. *вонючий, грязный* и т.п.). При этом отметим, что экспрессив *вонючий* оказался в ядерной зоне поля, *грязный* (как менее интенсивно выражающая оценку реакция) – в зоне ближней периферии.

Психолингвистический эксперимент показал, что стилистически окрашенное слово (*алкаш*) в соотношении со своим нейтральным (в данном случае функционально не ограниченным в употреблении) синонимом (*алкоголик*), действительно, имеет специфический набор ассоциативных реакций: стилистически-сниженных, негативно-оценочных, экспрессивных.

К параметрам экспрессивности слова относятся частотные контексты его оценочной актуализации, о чем свидетельствуют соответствующие синтагматические реакции, полученные в эксперименте.

В целом отметим, что ассоциативные поля рассмотренных слов-синонимов отличаются характером и распределением реакций. В ассоциативном поле слова *алкаш* процент оценочных и экспрессивных реакций существенно выше, они располагаются в ядре или периферийной зоне. Экспрессивные реакции на слово *алкоголик* встречаются чаще в зоне периферии и фиксируются как единичные.

Отметим, однако, что состав ассоциатов на оба заданных стимула содержит прилагательные с семами сниженной оценки и интенсивности, что, безусловно, подтверждает экспрессивный характер лексемы *алкаш* и в то же время «опровергает» нейтральный характер слова *алкоголик* (его словарную квалификацию) в свете психологической реальности показаний языкового сознания.

Таким образом, метод психолингвистического эксперимента является продуктивным способом «диагностики» степени экспрессивности слов и способом верификации словарных данных.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты: Монография. – Томск, 2007.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып.7. – Екатеринбург, 2009.
- Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск, 1986.
- Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке: Монография. Изд. 2-е. – М., 2008.

© Ваулина И.А., 2012

ВОРОБЬЕВА Н.А.

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'27

ББК Ш141.2-72

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В СВЕТЕ КРЕАТИВНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ¹

Аннотация: Исследуется варьирование фразеологизмов в диалектной сфере функционирования как отражение лингвокреативной деятельности носителей современных русских говоров. На материале уральской диалектной фразеологии анализируются основные типы формального и семантического варьирования устойчивых выражений.

Ключевые слова: диалектная фразеология, вариативность и устойчивость, речевая деятельность, сакральные смыслы.

Речевая деятельность носителей современных русских говоров является предметом различного рода междисциплинарных исследований: лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики, социоллингвистики и др. Такой интерес к данной сфере функционирования национального языка связан с проявлением двух основных тенденций в современной диалектной речи: с одной стороны, – она максимально стремится к сохранению языковой (диалектной) традиции, с другой, – активно «впитывает» в себя «языковые инновации», отражающие дух времени (по выражению В.Г. Костомарова, – «вкус эпохи»). Обе эти тенденции находят отражение, в частности, в диалектной фразеологии.

В процессе функционирования состав фразеологической единицы может изменяться в зависимости от сферы функционирования (литературный язык или диалектная речь), от места функционирования (в разных говорах одно и то же выражение может употребляться с разным значением), от специфики самого содержания устойчивого сочетания, которое связано с социокультурными изменениями в обществе, от типа языковой личности и т.д..

Особый интерес представляют диалектные фразеологизмы, поскольку варьирование компонентов в таких языковых единицах зависит от разных факторов:

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

а) от ситуации общения,

б) от круга адресатов (ср., например, невозможность употребления некоторых выражений по отношению к любому адресату: *друг дружке скажут, между своими так говорят-то, это по-городскому и т.д.*),

в) от креативных практик языковой личности, проявляющихся, в числе прочего, и в выборе языковых (фразеологических) единиц, и в характере их употребления (комбинаторики, трансформации и т.п.).

Основной причиной вариантности, по мнению В.П. Жукова, является «раздельнооформленное строение фразеологизма». Любой компонент фразеологической единицы может вступать в «ассоциативные отношения без ущерба для смысла фразеологизма и без нарушения его структуры с другим компонентом» [Жуков 1978: 104].

Традиционно в теории фразеологии выделяют два типа варьирования: формальное и лексическое. Формальное варьирование «обычно не нарушает целостность фразеологизма, не изменяет существенно его семантику. По-видимому, потому, что формальное варьирование компонентов обычно осуществляется при условии семантического параллелизма (разумеется, относительного) заменяемых форм. Более того, при подобном варьировании, особенно в живой речи, тот или иной формант-заменитель как бы впитывает в себя семантические характеристики вытесненного им компонента» [Мокиенко 1989: 31]. К формальному варьированию относят акцентологические и фонетические изменения, которые в большей степени свойственны живой речи и могут быть зафиксированы только в диалектных фразеологических словарях; морфологические (парадигматические и словообразовательные) изменения компонентов фразеологической единицы. В.М. Мокиенко подчеркивает, что «синтаксические варианты в принципе можно трактовать либо как формальные, либо как лексические» [Мокиенко 1989: 30].

Лексическими вариантами, по мнению В.П. Жукова, В.М. Мокиенко и др., являются «словесные видоизменения, происходящие в рамках одной и той же конструкции и не вносящие каких-либо смысловых оттенков в содержание фразеологизма... От фразеологизмов, охваченных явлением вариантности, требуется полная взаимозаменяемость в любых контекстах» [Жуков 1978: 103].

Явление вариантности наблюдается как на уровне одной подсистемы языка (идиомы, употребляемые только в диалектной речи или в литературном языке), так и на нескольких (идиомы, употребляемые как в литературном языке, так и в диалектной речи).

В процессе функционирования фразеологические единицы вступают друг с другом в разные смысловые и формальные отношения.

Во-первых, между идиомами отмечаются **отношения формального варьирования**, когда они тождественны по значению, но компоненты, входящие в состав идиоматических сочетаний, могут отличаться:

- произношением ряда компонентов, входящих в состав фраземы, которые отличаются от литературного варианта, например, *тонцы водить* ‘плясать, играть, праздновать’ [СРДФ 2012: 226]; *не во рте зуба, не во лбе глаза* ‘так говорят о старых людях, которые, по мнению говорящих, одеваются «не по возрасту»’ [СРДФ 2012: 154];

- грамматической формой, например, *делать (сделать) клич* ‘обращаться с призывом, кликать клич’ [СРДФ 2012: 71]. В первом случае употреблен глагол несовершенного вида, во втором – совершенного. *К чертям (черту) на пасаку* ‘очень далеко, не по пути’ [СРДФ 2012: 114]. В первом случае употреблено существительное в форме множественного числа, во втором – в форме единственного числа.

- словообразовательными аффиксами, например, *реветь дурниной (дурнушкой)* ‘громко плакать, рыдать’ [СРДФ 2012: 186]; *ноги (ножки) сбрыкали* ‘сбежал кто-то’ [СРДФ 2012: 161]; *юродивый видит (увидит)* ‘элемент гадательных ритуалов, во время которых пытались предсказать будущее. Считалось, что юродивый может видеть то, что недоступно обычному человеку’ [СРДФ 2012: 186].

Во-вторых, отмечаются отношения **лексического варьирования**, когда происходит замена компонентов фразеологической единицы синонимами или словами одной тематической группы, «обеспечивающими **относительную тождественность образного представления**» [Мокиенко 1989: 32]. Ср., *двора смотреть (глядеть)* ‘смотреть имущество жениха, гостить у жениха перед самой свадьбой’ [СРДФ 2012: 70].

В ряде устойчивых выражений, например, *заливать (залить) за кожу (шкуру) сало* ‘обижать кого-либо’ [СРДФ 2012: 108] наблюдается формальное (употребление разнородных глаголов) и лексическое (употребление синонимов, отличающихся сферой употребления) варьирование одновременно.

Не поминай нас худом-лихом ‘вспоминая, не думай о нас плохо’ [СРГСуд 1996: 560]. В устойчивое сочетание включено наименование демонологического антропоморфного персонажа – *лихо* ‘демон злой судьбы, несчастье’ [РДС 1995: 340]. В идиоме отражена боязнь носителя языка привлечь к себе беду. Ср. зафиксированное во фразеологическом словаре русского литературного языка сочетание *не поминай лихом* ‘вспоминая, не думай плохо о ком-либо’ [ФСРЯ 1987: 339]. По значению и образному представлению указанные идиоматические

единицы тождественны, поэтому можно говорить о процессе лексического варьирования, хотя в состав первой идиомы входит словный компонент – *худом*, который можно рассматривать как обобщающую (семантически более емкую) номинацию всего плохого, включающего и семантику слова *лихо* в составе рассматриваемого оборота ‘нечто, причиняющее беду, зло’.

При этом отмечается, что «... следует проводить различие между фразеологической синонимией и лексической вариантностью. Если при замене одного компонента другим меняется внутренняя форма <фраземы>, то в подобных случаях возникают фразеологические синонимы, а не варианты одной и той же фразеологической единицы; напротив, если замена компонентов не нарушает семантического единства устойчивого выражения и в то же время не приводит к изменению образного представления, то в таких случаях налицо вариантность фразеологизма» [Жуков 1978: 182]. Так, примером фразеологической синонимии являются выражения *сам Бог не в копейку* ‘все нипочем’ [ФСРГС 1983: 13] и *сам черт не брат* ‘все нипочем, все очень легко, ничего не стоит; о чьей-либо крайней независимости, смелости в действиях, поступках, мысли и т.д.’, так как в основу устойчивых сочетаний положены образы, относящиеся к противоположным семантическим полям, при замене одного компонента другим изменится внутренняя форма, несмотря на то, что оба выражения употребляются для характеристики отрицательно оцениваемых качеств человека. Употребление в первой идиоме компонента *Бог* усиливает экспрессивную оценку беспринципного человека, который способен совершать поступки, приносящие вред, зло, не боясь божьего гнева (буквальный смысл прототипного свободного словосочетания может быть прочитан как: «не ценит Бога ни на грош, ни на копейку»). Во вторую идиому в качестве сакрального компонента включено наименование персонажа низшей демонологии *черт*. Человек оказывается сродни нечистой силе и даже превосходит ее по своим неблагоприятным делам. Ср. также: *Бог тихнул* ‘неизвестно зачем, для какой надобности’ [ФСРГС 1983: 13] и *леший меня дернул* ‘не известно зачем, по какой надобности мне, тебе и т.д. (сделать что-либо)’. Следует отметить, что истинно верующими людьми подобные устойчивые сочетания не воспринимаются как варианты, поскольку они принципиально не употребляют² выражения, в состав которых входит наименование нечистой силы, осознавая их

² Это положение было подтверждено в ходе проведенного нами в Богдановичском районе Свердловской области социолингвистического опроса диалектоносителей старшего поколения (от 69 лет и выше).

отрицательный сакральный смысл. «С психологической точки зрения появление подобных вариантов можно объяснить одинаково безотчетным страхом человека перед сверхъестественными силами, как божественными, так и демоническими» [Коновалова, Воробьева 2005: 100].

Таким образом, можно сделать вывод, что употребление фразеологизмов в диалектной речи характеризуется, с одной стороны, устойчивостью, с другой, – вариантностью. Устойчивость проявляется в неизменном лексическом составе, вариантность – в изменениях внешней формы фраземы без изменения внутренней, оба явления зависят от типа языковой личности диалектоносителя и характера его речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М., 1978.

Коновалова Н.И., Воробьева Н.А. Сакральное в национальной языковой идиоматике // *Linguistica juvenis*: сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2005.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М., 1989.

Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т.А. Новичкова. – СПб., 1995.

Словарь русских говоров среднего Урала. Дополнение / Под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 1996.

У народа как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Сост. А.И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1983.

© Воробьева Н.А., 2012

Т.А. ГРИДИНА, ЛИ СЯОДУАНЬ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия;
Хэнань, Китай)*

УДК 811.161.1'37+811.581'37

ББК Ш141.2-33

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ С ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ¹

Аннотация: На материале фразем с темпоральной семантикой выявляются национально-культурные различия в представлении времени в русской и китайской языковых картинах мира. Выделяются идеографические межкультурные универсалии и безэквивалентные символические смыслы русских и китайских фразеологизмов.

Ключевые слова: межязыковые универсалии, этнокультурная специфичность, семантическое поле, фразеологизмы, символика времени.

Известно, что система тематически тождественных номинаций в разных языках имеет свою этнокультурную специфику. Для того, чтобы установить степень их смысловой эквивалентности, необходимо сравнивать не только объем (количество) таких номинаций (их семантическую разработанность и значимость в каждом из языков), но и типовую сочетаемость, метафорические смыслы, фразеологический фон, в котором проявляется национальная специфичность языковых систем.

Номинации времени – языковая универсалия, поскольку нет языков, в которых не было бы обозначения времени как одного из главных измерений бытия. Вместе с тем именно языковое членение этого фрагмента действительности с точки зрения ценностной характеристики «временных» отрезков человеческой жизни – один из важных векторов этнического сознания.

Русский и китайский языки – типологически разные – особенно интересны в плане выявления этнокультурной специфичности. Предметом сопоставительного анализа в данной статье являются фразеологизмы с темпоральной семантикой. Данные фраземы отзеркаливают номинации семантического поля «время» в оценочном ключе. Ср., на-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

пример, *час* – промежуток времени, равный 60 мин. (нейтральная единица измерения времени: *через час начнется лекция, академический час, условиться о часе*), и устойчивые выражения (поговорки, фразеологизмы), в которых эта номинация получает оценочную актуализацию: *час в час* («в **точно назначенное** время, в **установленный срок**»);

- *с часу на час* («в **самое ближайшее** время, в **ближайшие часы**»);
 - *по часам* (в **точно** установленное, в **точно** определенное время);
 - *часы тик* («время наибольшей загруженности в работе транспорта, вообще **наивысшего напряжения**»);

- *звездный час* («час славы»);
 - *битый час* («**очень долго**, о зря потраченном времени»; *ждать битый час*);

- *в добрый час* («выражение **пожелания удачи**, благополучия в чем-л., обычно при начинании какого-л. дела», ср.: «В добрый час, друзья, в добрый час...» – А. Макаревич»);

- *не ровен час* («**вдруг что-то** произойдет, **случится** что-л.»);
 - *час от часу не легче* («о **напастях**, неприятностях, **следующих одна за другой**; чем дальше, тем хуже»);

- *в (через) час по чайной ложке* («**очень медленно и помалу**»);
 - *делу время – потехе час* («о **недопустимости лени**, праздного времяпрепровождения **в ущерб работе**»);

- *счастливые часов не наблюдают* (цитата из «Горе от ума» А.С. Грибоедова, ставшая фраземой, – о том, что влюбленные не замечают времени);

- *свой час* («о **своевременно наступившей / естественной смерти**»: *уйти в свой час*);

- *смертный час* («**время непосредственно перед смертью**, кончиной»);

- *час пробил / настал* («пришло время, **пришла пора** для чего-л.»).

Приведенные выражения со словом *час* показывают, что в сознании русского человека данная единица измерения времени соответствует следующим концептуальным векторам:

- обозначение ситуации **точного** исполнения (*час в час*);
- обозначение **ближайшего ожидаемого** события (*с часу на час*);
- обозначение **радостного** события (*счастливый час*);
- обозначение **наивысшего успеха**, момента наивысшего благоприятствования для чего-л. (*звездный час*);
- обозначение **неотвратимого** события (*час настал*);
- время непосредственно **перед смертью** (*смертный час*);

- **зря потраченное** время (*битый час*);
- время как **быстро** или **медленно** текущее (*часы летят, в час по чайной ложке*);
- **ценность каждого момента** человеческой жизни;
- пожелание **удачи** и *т.п.*

В китайском языке представлены как эквивалентные темпоральные номинации, так и те, что имеют специфические этнокультурные смыслы и способы выражения соответствующих значений. Об этом можно судить по сопоставлению переносных употреблений и буквального перевода входящих в устойчивые словосочетания компонентов с темпоральной семантикой.

Приведем некоторые примеры.

1. *Час в час*: в точно назначенное время, в установленный срок. В составе данного выражения лексема *час* маркирует смысл «точность, своевременное выполнение договоренности о чем-л.». В китайском языке: Как раз. В самый раз = . (точно) . (хорошо).. (точно) . (хорошо). Сама номинация времени в эквивалентном по смыслу сочетании отсутствует, при этом фраза содержит маркеры не только точности, но и положительной оценки своевременности произведенного действия. В русском языке сема положительной оценки представлена имплицитно.

2. *С часу на час*: в самые ближайшие часы. В китайском языке: . (любой) □ (время) = в любое время (что-то может случиться, произойти). Если русское выражение при помощи единиц измерения времени акцентирует идею «скорого наступления какого-то ожидаемого события», то в китайском языке выражена идея неотвратимого течения времени, которое приближает какие-то события, могущие произойти в любой момент. Вместо конкретных номинаций времени, указывающих на сменяющие друг друга интервалы (*с часу на час*) в китайском языке использован гипероним *время*.

3. *Счастливым час*: момент радостного события. В китайском языке: .. (счастливый) □ □ □ (время): радостный момент. Как видим, для выражения эквивалентного русскому выражению смысла в китайском языке вместо гипонима *час* вновь используется гипероним *время*.

4. *Звездный час*: момент высшего подъема, напряжения и испытания. Вершина, расцвет, апогей. Подразумевается чей-л. кратковременный успех. В китайском языке: □. (блестящий) □. (удача) □. (время): время, когда человеку сопутствует удача, успех. Ср. русское *звездный успех*. Экспрессивно-оценочный метафорический компонент, закрепленный в русском словосочетании *звездный час*, выражен в китайском языке оценочным прилагательным *блестящий* (успех). В эквивалент-

ном по смыслу китайском выражении номинация конкретной единицы времени (час) отсутствует вовсе. Вероятно, в отличие от русского языка, данное слово в китайском языке лишено темпоральной метонимической символики (ср. русское *час* как обозначение времени вообще, в данном случае – в значении относительно непродолжительного, обозримого промежутка). В русском языке в образе фразеологизма отражена и символика *звезды*, «являющейся одним из наиболее многозначных символов мировой культуры. Звезда может выступать как знак стремления человека к совершенству, старания превзойти себя, а также как знак успеха и славы (Д.Б. Гудков)» [БФСРЯ 2006].

5. *Час настал*: пришло время, пришла пора для чего-либо. Ср. кит. 时. (время) .. (прийти) = время пришло. В китайском языке, как видно из перевода, представлено более обобщенное, выраженное через гипероним *время*, обозначение определенного срока. Отметим, что и в русском языке выражение *час настал* имеет синонимы (*пришло время, пришла пора*), однако выражение *час настал* обладает коннотацией неотвратимости какого-л. события, зачастую нежелательного и даже опасного для того, кто должен стать его участником. Ср.: *Настал (пробил) час расплаты* и, например, пушкинское «Пора пришла – она влюбилась». Или, например: *Пришло время сбора урожая*. В китайском языке подобная синонимия не наблюдается. Ср. ниже комментарий относительно выражения *битый час* как знаковой единицы временного кода русской культуры.

6. *Смертный час*: . смерть, кончина; . время непосредственно перед смертью, кончиной. В китайском: . (смертный) . (дата) = смертная дата. Как видно из представленных толкований, *смертный час* в русском языке означает окончание отмеренного человеку срока жизни, а буквальный перевод этого выражения с китайского маркирует смерть как свершившееся знаковое событие человеческой жизни (конкретный срок кончины, ср. *дата*). Слово *час* как единица времени не развивает в китайском языке соответствующий русскому символический смысл.

7. *Битый час*: очень долго. Неоправданно долго и безрезультатно. Имеется в виду, что лицом или группой лиц впустую потрачено слишком много времени на осуществление какого-л. действия. Говорится с неодобрением. В китайском языке: .. (целый) .. (один) 一个 (час) = целый час (в течение целого часа, долго). Русская фразема *битый час* содержит идиоматический компонент, отсутствующий в китайском языке («время метафорически уподобляется живому существу, над которым можно совершать различные физические действия). Время, потраченное без пользы, – это как бы убитое время. Образ фразеологизма соот-

носится с временным кодом культуры, где час метонимически может замещать время вообще, употребляться для характеристики практически любого временного промежутка, большего, чем минута, и меньше, чем день. При этом возможно более точное определение времени, воспринимаемого как слишком долгое и потраченное впустую (*битых полтора, битых два часа*). Возможно также, что в современном языковом сознании образ фразеологизма восходит к ежедневному бою старинных часов: ср.: *Час пробил* (Д.Б. Гудков)» [БФСРЯ 2006].

8. *Часы летят*: о времени, которое быстро и незаметно для кого-л. прошло. В китайском: □□ (время) □. (лететь): □□ (время) □. (пройти) . (очень) . (быстро) = время прошло очень быстро. В отличие от русского языка, в китайском языке «снижен» (менее ярко выражен) элемент экспрессии – интенсивности действия (ср. *пролететь – пройти быстро* – о времени). В русском языке лексема *час* используется в обобщенном темпоральном значении, в данном случае форма множественного числа *часы* в сочетании с глаголом усиливает метафорический образ «быстротекущего» («улетающего») времени.

9. *В час по чайной ложке*: очень медленно и помалу. Понемногу и нечасто: очень медленно. Подразумевается, что результат какого-л. действия достигается значительно медленнее, чем следует. Говорится с неодобрением, если темп осуществления действия не устраивает говорящего. «Первоначально фразеологизм представлял собой регламентирующую прием лекарства надпись аптекаря на бутылочках с микстурами. Образ фразеологизма через компонент *час* соотносится с временным кодом культуры, т.е. совокупностью имен, членищих время на отрезки и выражающих отношение человека ко времени. Фразама в русском языке соотносится также с предметно-вещным (посудным) кодом культуры, в данном случае отображает стереотипное представление о чайной ложке как емкости, вмещающей в себя незначительную дозу (порцию) чего-л. В метафоре, лежащей в основе образа, медленное, «растянутое» осуществление какого-л. действия с временными промежутками уподобляется процессу порционного приема лекарства, при котором необходимо соблюдать временной интервал между назначенными врачом дозами. Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т.е. меры, медленного протекания какой-л. ситуации (И.В. Захаренко)» [БФСРЯ 2006].

Для китайского языка метафорическая внутренняя форма русской фраземы, очевидно, неактуальна, и соответствующий смысл выражен буквально – через указание на медленное течение (протекание) действия: ср.: (медленно)... (очень) . (медленно) = очень медленно (мед-

ленно-медленно). Номинации временных отрезков не участвуют в данном случае в выражении общего темпорального значения фраземы (она указывает только на «низкую» скорость протекания действия).

Таким образом, сопоставляемые фраземы с темпоральным значением в русском и китайском языках, обнаруживают национально-культурную специфичность, прежде всего, в способах выражения символики времени: в русской культуре временной код нагружен метонимической и метафорической символикой, в то время как соответствующие фразеологические номинации с темпоральной семантикой в китайском языке тяготеют к использованию обобщающих (гиперонимических) номинаций (*время, дата, пора*) с соответствующими оценочными и ситуативными идентификаторами.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Отв. ред., д.ф.н. В.Н. Телия. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2006. – 784 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «Азъ», 1992.

© Гридина Т.А., 2012

© Ли Сяодуань, 2012

К.И. ДЕМИДОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.4

КУЛЬТУРНО-ДЕФИНИРОВАННЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В СОЗНАНИИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА¹

Аннотация: В статье рассматривается специфика диалектной картины мира, ее уникальность в характере репрезентации в диалектах культурно-дефинированных структур сознания.

Ключевые слова: диалектная картина мира, языковое сознание, мышление диалектоносителя, смысловая структура слова.

В последние десятилетия в лингвистике активно развивается психолингвистическое направление, в центре внимания которого находится исследование познавательного процесса, связанного с порождением, восприятием и пониманием речи. Одним из аспектов этого процесса является определение факторов, влияющих на сознание человека, восприятие им окружающего мира и его составляющих, и характер отражения этих факторов в смысловой структуре слова.

Представления о сходствах и различиях объектов окружающего мира не заданы человеку с момента его появления, они формируются в его психике в процессе приобретения опыта (социального и индивидуального) и «представляют собой результат сложных познавательных операций, а язык служит инструментом и способом фиксации полученных знаний» [Фрумкина 2009].

Исследователю в непосредственном наблюдении дана речь, по ней лингвист может реконструировать язык, особый вид человеческой деятельности. Психолингвисты, как известно, изучают порождение, восприятие и понимание живой речи в режиме реального времени.

Диалектная речь, которая является объектом нашего изучения много лет, имеет свои особенности: она свойственна диалектному обществу определенной территории, существует, в отличие от литера-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

турного языка, только в устной форме, ее реализация зависит от характера коммуникации (прежде всего, от партнеров общения), поэтому в ней диалектологи выделяют три модуса: «свой», «чужой», «промежуточный» (С.М. Белякова, К.И. Демидова). В первом преобладает диалог, режим свободного дискурса, при нем используется в речи местный говор; в модусе «чужой» диалектоносители употребляют в большей степени элементы общенародного, в том числе и литературного языка. В промежуточном модусе наблюдаются элементы местного говора и их эквиваленты, синонимы или варианты из общенародного языка. Примеры промежуточного модуса: *Вошла в избу, смотрю жмурик лежит, по-вашему мертвец // Из города внук приехал, гаража у нас нет, пришлось ставить машину в завозню*. Примеры модуса «свой»: *Капризлива дефка, все не по ней, невозлюбчива значит (Сукс.). Все скажут, што ты необходима, кругом грязнота (Н.-Тавд.)*. Примеры модуса «чужой»: *Мама поднялась на чердак, у нас говорят бельевик, и повесила белье (Ачит.). Веники сушим на чердаке, там они хорошо проветриваются, бабушка говорит, что это сушило, а не чердак (Кр.-Уф.)*.

В повседневном сельском общении наблюдается переключение с диалектной речи на литературно-разговорную (диглоссия) и обратный процесс: возвращение диалектоносителя к родному ему говору (регрессия). Например, *Голова большая, на корчагу похожа, вот и называем большеголового человека этим словом (Тур.)*. *Некуда ты выросла, опять никуда на работу не вышел (Сыс.)*.

Следовательно, речь диалектоносителя – это сложное явление, в котором сочетаются общерусские и диалектные языковые черты.

Исследование диалектной речи, особенно ее лексики, убеждает нас в том, что существуют особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями и диалектным социумом конкретной территории функционирования русского языка, например, территории Урала, обусловленные историческими, психическими, лингвистическими, социолингвистическим и другими причинами. Анализ диалектной лексики, репрезентирующей культурно-дефинированные психологические структуры в сознании диалектоносителей, раскрывает своеобразие познавательного процесса диалектного социума, его членов, особенности восприятия и порождения ими речи.

Психолингвисты изучают ассоциативные процессы, которые происходят в психике человека и отражаются в словесных ассоциациях. Феномен ассоциативная связь определяется культурой социума во всем ее многообразии. С целью изучения словесных ассоциаций проводится ассоциативный эксперимент. В лексикографии последних де-

сятилетий появились словари ассоциативных норм, в одном из приложений ассоциативного словаря болгарского языка («Български норми на словесни асоциации». Редактор Е. Герганов. – София, 1984) показано, насколько самые простые, «конкретные» слова различаются по кругу вызываемых ими ассоциаций в разных культурах. Это ярко проявляется в ассоциативных экспериментах. По результатам экспериментального материала Р.М. Фрумкиной, в русской культуре на словестимул **фрукт** обычно испытываемые называют **яблоко**, а на словестимул **птица** – **воробей**. В американской культуре, по свидетельству того же исследователя, соответственно **апельсин** и **малиновка**.

Культурно-дефинированные психологические структуры есть и в сознании русского социума, проживающего на разной территории функционирования языка. И это также ярко проявляется в ассоциативных экспериментах, проводимых нами с привлечением диалектоносителей разных уральских территорий. Характер ассоциативных экспериментов и их результаты описаны нами в нашей монографии «Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения» [Демидова 2011].

Есть и другой метод исследования культурно-дефинированных структур в сознании диалектоносителей: через анализ семантической структуры лексических единиц, функционирующих в разных формах национального языка и отражающих особенности менталитета диалектного сообщества и его членов, так как менталитет, ментальность определяются как восприятие окружающего пространства диалектным социумом в категориях и формах местной разновидности русского языка, сформировавшейся в условиях сельской жизни, ее культуры и неодинаковых условиях проживания социумов одного и того же этноса. Этот метод дает возможность не только констатировать сам факт наличия культурно-дефинированных структур в смысловой структуре слова, но и выявить факторы, связанные с особенностями речемыслительной деятельности носителей языка. С этой целью рассмотрим особенности восприятия окружающего пространства диалектным социумом через анализ смысловой структуры слов, репрезентирующих результаты познавательного процесса в уральских говорах.

В условиях сельской жизни диалектное сообщество при номинации тех или других концептов выбирало и выбирает, как правило, те мотивировочные признаки концепта, которые говорят о практической значимости для сельского жителя обозначаемого. Например, в говорах Красноуфимского, Ачитского районов Свердловской области целые группы слов отражают этот принцип номинации: **курятник**, **крольчатник**, **пчельник**, **корóвник**, **овчárня** и другие (в смысловой струк-

туре этих слов основной компонент – «помещение для тех, кто назван производящим словом»: **коровник** для коров, **овчарня** – для овец и т.д.). Почти повсеместно на Урале используется слово **забела** для обозначения сметаны, сливок или молока, которыми «забеливают» борщ или щи. В Красноуфимском районе словом **держалка** именуют перила лестницы на крыльце.

Подобный материал содержит ценностную информацию: **что** диалектное сообщество выделяет, определяет и оценивает в концептах окружающей концептосферы. Это дает возможность расширить и углубить наши представления о характере мыслительных и номинативных процессов, происходящих как в сознании диалектоносителей, так и при их вербализации в лексике говора.

Диалектное сообщество и его членов характеризует образное восприятие окружающего мира, его составляющих. Поэтому в процессе номинирования носители того или иного говора, в том числе и уральского региона, использовали и используют метафорические модели разных типов. С позиции когнитивной лингвистики, метафора рассматривается как ментальная операция, которая объединяет два ментальных пространства мышления и создает возможность использования в процессе номинирования, концептуализации компоненты сферы источника для концептуализации компонентов другой понятийной сферы. Выбор того или иного образа в основном связан с мироощущением, миропониманием номинаторов, в рассматриваемом случае диалектного сообщества, живущего примерно в одинаковых условиях, что и обуславливает выбор при номинировании тех или иных образов. Новые знания познавались и познаются через известные реалии, окружающие социум в повседневной жизни, их образы. Эту особенность мышления диалектоносителей можно рассматривать не только как способ восприятия мира, но и как основу мыслительного процесса и структурирования мира, средство воздействия на психику и эмоциональный мир адресата. Например, *Невеста-то неткошиха-непрямиха, одно слово лентяйка (Махн.). Какой он невыворотной, с крыши снег не уберет (Махн.). Такого кто не знат, неробь ужасный (Сл.-Тур.)* и др.

Диалектоносители в процессе номинирования использовали и используют для постижения, представления и оценки действительности разные типы метафорических моделей, наиболее частотной является антропоморфная модель (в ее основе лежит окружающий человека мир вещей и предметов, поэтому для диалектоносителей вещное восприятие концептов более ярко проявляется, чем у носителей литературного языка (вещная модель рассматривается нами как разновид-

ность антропоморфной модели). Например, печенье-хворост в некоторых говорах Урала именуется словом **кудри**; ватрушка с загнутыми краями и начинкой из картофеля или моркови – словом **калитка**; словом **корчага** номинируют большеголового человека и т.д. Антропоморфный код свидетельствует о связи человека с внешним миром, о его ценностной ориентации в мире. Причем на разной территории Урала сознание диалектоносителей выбирало неодинаковые ассоциативные образы, поэтому и репрезентация их в смысловой структуре слова неодинаковая. Например, лес, растущий по берегам рек, озер, номинируется неодинаково в разных говорах Урала: **бережина** (Полев., Алап., Тур., Камен. и др.), **водоохранка** (Ивд.), (Арт., Байк.), **заборка** (С.-Зап.).

Диалектоносители и диалектные сообщества воспринимают себя в единстве с природой, и это мироощущение проявляется в активном использовании при номинировании зооморфной и фитоморфной моделей. Например, словом **бурундук** номинируют местного, коренного жителя (Ивд.), на другой территории Урала этим же словом называется деревянная скамейка, прикрепленная к стене для поддержания чего-либо (Сл.-Тур.). Словом **роща** называют людей одного возраста (Тур., Ирб.), тем же словом номинируют озимую пшеницу (Н.-Серг.) и т.п.

Особенностью диалектного познавательного процесса является наглядно-образное, чувственное (сенсорное, обонятельное, зрительное), эмоциональное восприятие мира. Это определяет и характер репрезентации в семантической структуре слова результатов этого процесса. Поэтому на территории Урала крапиву называют словами **ожог** (Ивд.), **ожига** (Камен.) по ее свойству обжигать открытые места тела человека; лапти с высокими бортами для охотников, которым приходится ходить и по болотам, именуют в некоторых говорах Урала словом **шептуны**, мотивировочным признаком этой номинации является легкий звук, который они создают при ходьбе по болоту (номинаторы использовали образ шепчущего человека).

Конкретность мышления диалектоносителей во многом определяет в процессе познания и номинирования прозрачность внутренней формы и выбор мотивировочных признаков слов, связанных с миропониманием и мироощущением территориально ограниченного социума.

Анализ особенностей восприятия окружающего мира диалектным социумом с психолингвистических позиций важен, так как он дает материал о том, **что** диалектное сообщество выделяет, **как** и **почему** определяет и использует для номинации концептов окружающей кон-

цептосферы, то есть, каковы факторы, которые обуславливают региональные особенности способов языковой концептуализации и категоризации объективной действительности.

Культурно-дефинированные психологические структуры в сознании диалектоносителей проявляются и в эмоционально-экспрессивном компоненте смысловой структуры слова, с помощью которого выражается отношение к номинируемому, особого рода оценочность. Диалектное сообщество не только познает окружающий мир, но и оценивает его с точки зрения значимости его для удовлетворения своих потребностей, поэтому, по словам В.А. Масловой, языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия этноса [Маслова 2001]. В этом отношении весьма значимым является отношение сельского жителя к труду.

Понимая важность сельскохозяйственного труда в своей жизни, диалектоносители характеризуют период напряженного сельского труда и необходимого отдыха от него словоформами: **без отхода** – «не отходя от работы» (Кр.-Уф.), **без передыху** – «не имея возможности передохнуть» (Ирб.), **бесперемежку** – «не перемежая работу и отдых» (Ниж.Уф.). В этих языковых единицах отражен и длительный опыт крестьянской жизни, и понимание важности для социума и для себя лично сельскохозяйственного труда, обеспечивающего его жизнь.

Специфика ДЯКМ связана с тем, что в ней проявляются общие черты мировидения диалектных сообществ, обусловленные условиями их жизни в сельской местности, жители которой воспитаны в рамках определенной, сельской, культуры, обладают целостной «наивной» «картиной мира, и отличные черты. Как отмечалось выше, при всем несомненном сходстве русских говоров каждый диалект представляет собой «уникальный путь освоения действительности» [Радченко, Закуткина 2004]. И эта уникальность, прежде всего, проявляется в характере репрезентации в диалектах культурно-дефинированных структур сознания (см. примеры выше: **без отхода**, **без передыху**, **бесперемежку** и другие).

Таким образом, ДЯКМ можно представить как один из вариантов национального образа мира, отраженных в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций.

Диалектная лексика, вербализующая культурно-дефинированные психологические компоненты сознания диалектоносителей, показывает особенности познавательного процесса, осуществляемого в психике диалектоносителей и репрезентируемого в лексике говоров, характер порождения и восприятия речи.

ЛИТЕРАТУРА

Белякова С.М. Образ времени в диалектной языковой картине мира: Монография. – Тюмень, 2005.

Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: Монография. – Екатеринбург, 2011.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира в жизнедеятельности как идиотнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учебное пособие. – М., 2009.

© Демидова К.И., 2012

К.Г. ЕРОФЕЕВ

(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)

УДК 81'373.2
ББК Ш103

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КРЕАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: Анализируется антропонимический состав прозвищных наименований одной территории как проявление креативной практики языковой личности. Рассматриваются различные основания для классификации прозвищ по форме, структуре и мотивирующей основе.

Ключевые слова: антропонимия, языковая личность, прозвища, коммуникация.

Ономастическое пространство – «комплекс собственных имен всех разрядов, употребляемых данным народом в данный период» [Подольская 1978: 104]. Одной из языковых единиц этого комплекса является прозвище, представляющее собой результат креативной практики языковой личности.

Результаты полевых работ, проведенных в селе Дмитриевка Бугурусланского района Оренбургской области, позволяют наметить следующие особенности лингвокреативного процесса образования прозвищ. Все собранные прозвищные наименования можно классифицировать, учитывая их форму и основу, от которой они образованы.

Наиболее интересную группу, с нашей точки зрения, составляют прозвища, для классификации которых в качестве основания принимается их мотивация. Данную группу составляют 23 % прозвищ от их общего количества. Рассмотрим соответствующие группы таких прозвищ.

1. Чаще всего выбор прозвищ мотивируется внешним обликом человека (2 %): *Сивый* (мужчина) – имеет светлый цвет волос, *Тополь пирамидальный* (мужчина) – высокого роста, *Ушан* (мужчина) – большие уши, *Стрекоза* (женщина) – делала яркий макияж, *Лимонад* (мужчина) – телосложение похоже на фигурную бутылку лимонада, *Бабка капуста* (женщина) – даже летом носила пуховую шаль и валенки (во времена обязательной трудовой повинности таким образом спасалась от работы, уверяя, что неизлечимо больна).

2. Вторая группа представлена прозвищами, связанными с родом деятельности человека (3 %): *Чик-чирик* (женщина) – занимается разведением птиц, *Мэр* (мужчина) – глава сельского совета, *Президентша* (женщина) – жена *Мэра*, *Мэриха* (женщина) – любовница *Мэра*, *Ученый* (юноша) – учитель физики, недавно окончивший университет, *Танька-Базариха* (женщина) – торгует на рынке семечками, *Пилюля* (женщина) – врач-педиатр (прописывает всем, независимо от заболевания, витаминные капсулы – пилюли).

3. Третью группу составляют прозвища, данные по признаку сходства человека с животным – могут обосновываться и внешней похожестью человека и животного, и однотипностью «проявлений» поведенческого характера: *Кис-кис* (юноша) – лицо напоминает мордочку котенка, *Карп* (мужчина) – спокойный, уравновешенный, никогда не совершает опрометчивых поступков, *Мишка-Пес* (мужчина) – работает водителем председателя сельского совета, верный словно пес, *Кулик* (мужчина) – от «каждый кулик свое болото хвалит» (переехал из Азербайджана и постоянно говорит о том, что там жить хорошо), *Юлька-Оса* (девушка) – красивая, с гибкой талией.

4. Мотивацией четвертой группы прозвищ является отличительный признак личности, особенностей ее характера, наклонностей (2 %): *Философ* (мужчина) – дает много обещаний, но ничего не выполняет, *Читака* (женщина) – читает много книг, выписывает редкие газеты и журналы, *Сачок* (мужчина) – избегает общественных работ, *Фриц* (мужчина) – обладает плохим, скверным характером, *Скачок* (девушка) – занимается спортом, дальше всех прыгает, быстро бегает.

5. Пятая группа состоит из прозвищ, представляющих собой имена известных людей. Такие прозвища строятся на сходстве внешности или поведения кого-либо с тем, чье имя используется в качестве прозвища (7 %): *Кличко* (два брата) – занимаются боксом, участвуют в соревнованиях, *Суворов* (мужчина) – рассказывает, что во время службы в армии участвовал в переходе через Альпы, *Бах* (мужчина) – пишет музыку и считает себя гениальным композитором, *Колумб* (мужчина) – ходит в дальние плавания, *Галкин* (юноша) – заводит романы с женщинами в возрасте, пользуется их благосклонностью, *Шумахер* (мужчина) – очень быстро ездит на машине, что часто приводит к авариям, *Арина* (девушка) – мечтает стать телеведущей, похожей на Арину Шарапову.

6. В шестую группу входят прозвища, образованные от имен литературных героев (2 %): *Иван-дурак* (мужчина) – ведет себя развязно, но при этом остается всегда выигрыше, *Коробочка* (женщина) – не выбрасывает старые вещи, уверяя, что они обязательно пригодятся в

хозяйстве, *Вий* (юноша) – пугает на улице допоздна загулявшихся девушек, *Чучело* (девушка) – поведение похоже на поведение героини повести Железникова, *Шариков* (мужчина) – отсталое умственное развитие.

7. Седьмую группу составляют прозвища, основанные на сходстве людей с киногероями (5 %): *Зорро* (мужчина) – носит черную шляпу, *Универсальный солдат* (мужчина) – служил в Чечне по контракту, *Каменская* (женщина) – работает в комиссии по делам несовершеннолетних, *Мэйсон* (мужчина) – внешне похож на героя фильма «Санта-Барбара», *Джек Потрошитель* (мужчина) – отбывал наказание за убийство жены, *Коломбо* (мужчина) – курит трубку.

8. Прозвища восьмой группы мотивированы наличием физических недостатков (3 %): *Бриллиантовая нога* (женщина) – хромая, *Косой* (мужчина) – страдает косоглазием, *Сапун* (мужчина) – постоянно сопит, *Лилька-ухо* (девушка) – одно ухо заметно больше другого, *Большой нос* (женщина) – нос картошкой.

9. Прозвища, мотивировка которых связана с ситуацией, произошедшей с человеком в детстве, составляют девятую группу (4 %): *Мент* (мужчина) – говорил, что станет милиционером, *Бомжара* (мужчина) – в детстве любил играть роль бомжа, *Бычок* (юноша) – когда учился в школе, плохо отвечал у доски – учитель биологии, как только он выходил отвечать, говорил, что начинает рассказывать сказку про белого бычка, *Кочка* (женщина) – приходила в школу в грязной одежде, объясняя это тем, что споткнулась о кочку около школы и упала в грязь, *Хвост* (мужчина) – никто из ребят не хотел с ним играть, а он просил взять его с собой, *Пилька* (женщина) – в детстве не могла выговорить слово «шпилька».

10. Десятая группа состоит из прозвищ, в основу которых положено название какого-либо географического объекта (2 %): *Дед-Башка* (мужчина) – всем говорит, что приехал из Башкирии, хотя на самом деле всю жизнь прожил в соседней деревне, *Анька-Буз* (женщина) – собирается уехать на заработки в г. Бузулук, *Шихан* (мужчина) – приехал из села Ромашкино Курманаевского района, где расположена известная гора Шихан, *Сибирь-баба* (женщина) – уезжала на заработки в Сибирь, *Сер-Кир* (мужчина) – по имени Сергей, при ссорах с женой говорил, что уедет жить в Киргизию.

11. В данной группе представлены прозвища, которые дали сами себе сами их носители (2 %): *Сивка-Бурка* (мужчина) – при желании что-либо получить приговаривал: «Сивка-Бурка, встань передо мной!», *Пьяница* (мужчина) – говорил подругам, что пьяница, чтобы проверить их любовь к себе, *Коришун* (мужчина) – на медицинской комиссии уве-

рял, что обладает идеальным зрением, как у коршуна, *Мишка-бык* (мужчина) – называл себя быком, считая, что такой же сильный и напористый.

12. Двенадцатая группа представлена прозвищами, в основу которых положены строки из песен (1 %): *Погода в доме* (мужчина) – любимая песня «Погода в доме», уверяет, что «погода» в доме зависит от количества детей – чем их больше, тем лучше; *Катюша* (женщина) – проводив мужа на войну, каждый день пела песню «Катюша»; *Нат-Сам* (девушка) – по имени Наталья, постоянно напевает песню «Самый, самый человек дорогой...».

Таким образом, проанализировав антропонимический состав прозвищных наименований села Дмитриевка Бугурусланского района Оренбургской области, мы пришли к выводу о том, что видовое разнообразие прозвищ велико. Это дает возможность классифицировать их по самым многочисленным признакам.

Форма и мотивация приведенных прозвищ показывают, что такие языковые единицы антропонимической системы ономастического пространства как прозвища являются результатом креативной практики языковой личности, неотъемлемой частью современной коммуникации. Как и во все времена, прозвища продолжают функционировать. В речи они помогают избежать тавтоименности, позволяют быстро отличить одного человека от другого, понять о ком идет речь.

ЛИТЕРАТУРА

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.

© Ерофеев К.Г., 2012

О.П. ЕФИМОВА

*(Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Россия)*

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.2-7

ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОКНИ

Аннотация: Описываются этапы изменения значения термина *кокни*, приводятся примеры лексических единиц, используемых современными кокни в качестве языковой игры.

Ключевые слова: кокни, стандартный английский язык, диалект, сленг, языковая игра.

Существует несколько вариантов английского языка, наиболее широко известными являются стандартный (британский) английский и кокни, расположенные в противоположных концах лингвистического континуума в Лондоне.

Стандартный английский язык – тот диалект английского языка, грамматика, синтаксис, морфология, сленг и лексика которого является наиболее широко принятыми и понятыми, причем и в социальном отношении, и в географическом. Главное различие между стандартными и нестандартными вариантами заключается в различном уровне социальной приемлемости, предоставленной им, и в том факте, что нестандартные варианты экстенсивно не шифруются [Milroy & Milroy 199: 6].

В XVII Лондон стал выступать в качестве политического и коммерческого центра страны, а Лондонский английский вскоре стал стандартным языком книгопечатания и вскоре был распространен в самые отдаленные районы страны [Matthews 1972: 203-4]. Это было также время, когда речь лондонского Вэст-Энда (или высших классов, живущих там) начала все более отождествляться со стандартным английским, тогда как Ист-Энд (бедные части города) отождествлялся с кокни.

Следует отметить, что в Лондон съезжались люди со всей страны, а поэтому язык, который был сформирован в результате смешения, мог быть только гибридом.

Роль Лондона и его речь становились более релевантными в течение XVII-XVIII веков, и, к тому же, в конце XVI века в Лондоне проживали 250000 человек, то есть Лондон представлял собой примерно десятую часть всего населения Англии и Уэльса [Matthews 1972: 203].

Под понятием *кокни* в настоящее время подразумевают вариант английского языка, употребляемого в Ист-Энде в Лондоне. Это не соответствует в точности ни одному району или подведомственному подразделению, а в область распределения примерно входят следующие ареалы: Олдгейт (Aldgate), Бетнал Грин (Bethnal Green), Бау (Bow), Лаймхаус (Limehouse), Майл Энд (Mile End), Олд Форд (Old Ford), Попла (Poplar), Ратклифф (Ratcliff), Шоредотч (Shoreditch), Спиталфилд (Spitalfield), Степни (Stepney), Уоппинг (Wapping) и Уайтчепел (Whitechapel). В целом они принадлежат трем районам: Сити (City), Хакни (Hackney) и Тауэр Хэмлетс (Tower Hamlets). Тем не менее, согласно наиболее традиционному определению, истинным кокни является любой человек, кто родился под звук колокола церкви святой Марии-ле-Бау, Чипсайд.

Этимологически слово *кокни* означает «петушиное яйцо», исходя из *sockene* (родительный падеж от “*sock*” – старого петуха) (ст. англ. *Сосс*, *кок*), плюс *ey* (ст. англ. *æg*; ср. англ. *ey*; ср. нем. *Ei*, «яйцо»). Это был средневековый термин, относящийся к маленькому, деформированному яйцу, предположительно отложенному петухом. Впервые мы встречаем этот термин в произведении Уильяма Лэнгленда «Пахарь» (William Langland *Plowman*) (1362).

Очень скоро термин стал применяться в значении «побаловать ребенка» или «маменькин сынок» (ср. англ. *socket* «баловать»).

В начале XVI века, соотечественники начали применять термин к людям, которые родились и выросли в городах и поэтому считались более слабыми. В XVII термин *кокни* стал использоваться как выражение пренебрежения и презрения, во всяком случае, уже к XVII веку, он употреблялся только в отношении к лондонцам: «*Sockney* или *Sockny*, применяемые только к тем, кто родился под звуки *Vow*-колокола, то есть в лондонском Сити...» (Джон Миншу *Ductor в linguas*: руководство в языках, 1617).

В течение XVII-го века, значение слова изменилось в целом, теперь под понятие попадали только те, кто родился под звуки *Vow*-колоколов. Укоризненная фраза «наш лондонский кокни» (1611) использовалась для указания на любого человека, не проявляющего интереса к жизни за пределами английской столицы.

В следующем веке значение термина снова изменилось. Теперь *кокни* называли не только носителя диалекта, но и сам диалект, то есть произошел процесс, который мы могли бы назвать расширением значения. Томас Шеридан говорил «о двух различных моделях произношения, преобладающих в одной части города, но отличных друг от друга: *кокни* и так называемое вежливое произношение. Одно из них

вошло в моду и преобладало над другим» (Т. Sheridan *A Course of Lectures on Elocution*: 1762).

В конце XVII века Джона Уолкер в работе *A Critical Pronouncing Dictionary* (1791) выделяет четыре основных недостатка лондонцев:

- 1) s произносится невнятно после st;
- 2) произносится [w] вместо [v] и наоборот;
- 3) [h] не произносится после [w];
- 4) [h] не произносится, где он должен быть и наоборот.

В начале XIX века (1824 г.) сэр Роберт Пиил формирует первые полицейские отряды, располагавшиеся на улице Бау в Лондоне. В то время их называли Bow Street Runners, Peelers, Boobies (Robert – Bob). Кокни – кодовый язык, изобретенный кокни, для того, чтобы разговаривать на виду у полиции, чтобы те не понимали говорящих. Вместо самого слова использовались фразы, рифмующиеся с ним. Таким образом, например, слово ‘stairs’ становилось ‘apples and pears’, вместо ‘phone’ использовалось ‘dog and bone’, а вместо ‘word’ – ‘dicky bird’.

Как отмечает И. Гепп, в начале XX века кокни распространяется за пределы традиционных границ Ист-Энда, и не только в другие части Лондона, но даже и в соседние округа. (E. Gepp *An Essex Dialect Dictionary*; 1923) [Gepp 1923: 150-51]. Уже в 1938 году Уильям Мэтьюз писал: «Диалект кокни в настоящее время весьма разнообразен, по многим причинам. Лондон слишком велик и население слишком смешанное для любой единой системы произношения, а такие социальные сферы, как образование, дали много модификаций, и даже характерные звуки» [Matthews 1972: 76].

В XX веке степень распространения кокни заметна по всей Юго-Восточной Англии, этому способствуют такие факторы, как социальный класс, род занятий, образование, населенный пункт, и т.д.

В настоящее время все большее развитие стал получать рифмованный сленг (Cockney Rhyming Slang). Носители языка выделяют 3 вида кокни: 1) classic – классический – широко используемый и признаваемый со времен Роберта Пиила; 2) modern – современный – те лексические единицы, который сочиняют и вводят в употребление современные носители; 3) mockney – фальшивый кокни – видоизмененный кокни, подражание кокни человеком из среднего или верхнего среднего класса в Англии. Современный сленг кокни, который разрабатывается сегодня, стремится рифмовать слова с именами знаменитостей и известных людей: Al Capone – telephone, Alan Minter – printer, Calvin Klein – wine, Conan Doyle – boil, Condoleezza Rice – price, Barack Obama – farmer (charmer, pyjamas), Brad Pitt – fit, Britney Spears – ears

(beers, tears), Bruce Lee – key, George Bush – mush, Jackie Chan – plan (can). Существует малое количество новых кокни-сленговых выражений, которые не следуют этой тенденции: lah-di-dah – cigar, street fighter – lighter, red rose – nose.

Большинство лексических единиц, используемых современными кокни, не носят исторического характера, а используются в качестве языковой игры. Главной коммуникативной задачей говорящего, использующего языковую игру, является намеренное отстранение от слова, словесная рефлексия и в сознании адресанта, и в сознании адресата речи. Ритмизация речи, в свою очередь, помогает достигать эффекта обыгрывания посредством фонетического сходства опорного слова и деривата.

С системно-языковой точки зрения, языковая игра рассматривается как аномалия – «явление, которое нарушает какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [Булыгина 1997: 437], «запрограммированное языковой игрой отклонение от стереотипа восприятия, образования и использования языковых единиц» [Гридина 1996: 9].

Подведя итог нашему исследованию, можно сделать вывод, что за 700 лет истории произошли изменения не только в значении термина *кокни*, но и в области распространения, а также сферах использования. Можно выделить следующие этапы развития: 1. Этап I (XIV век): «деформированное, уродливое яйцо», понятие применимо к жителям Лондона; 2. Этап II (конец XIV – XV века): избалованный, испорченный ребенок, понятие применимо к жителям бедных районов города; 3. Этап III (XVI век): любой городской житель любого города (в отличие от соотечественников); 4. Этап IV (XVII век): лондонец (в частности, родившийся под звуки Vow-колокола); 5. Этап V (XVIII век): лондонцы и их диалект, рифмованный сленг.

Этапы I-IV представляют собой сужение понятия, ограничение смысла этого слова, частично или полностью, этапы IV-V – наоборот, расширение, так как сохраняется предыдущее значение, но вводятся новые возможные интерпретации слова в семантически связанных областях. Кроме того, стоит отметить, что этапы IV-V также представляют собой изменение в области применения этого термина, а именно в связи с развитием этно- и социолингвистики. Из анализа появления лексических единиц также можно сделать вывод, что предназначение диалекта поменялось: из тайного, кодового языка развилось в обычную игру слов, причем носители диалекта могут сами «придумывать» новые значения словам и вводить их в употребление.

ЛИТЕРАТУРА

Mathwes W. (1972), *Cockney Past and Present*. – London and Boston: Routledge & Kegan Paul.

Milroy J. & Milroy L. (1993), (eds.), *Real English. The Grammar of English Dialects in the British Isles*. – London: Longman.

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.: *Языковая концептуализация мира*. – М., 1997.

Гридина Т.А. *Языковая игра: Стереотип и творчество: Монография*. – Екатеринбург, 1996.

© Ефимова О.П., 2012

Т.А. ЗУЕВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-31

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН СЛОВА «ДРУГ» В СВЕТЕ ПОКАЗАНИЙ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

Аннотация: Исследуется проблема «считываемости» значения паремий носителями языка. Экспериментальным путем выявляется характер восприятия современными носителями языка традиционных образных смыслов паремий о друге.

Ключевые слова: традиционная народная культура, паремия, показания языкового сознания, психолингвистический эксперимент.

В последние годы повышается интерес к изучению паремиологического состава языка в психолингвистическом аспекте, что во многом обусловлено общей антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований, акцентирующих внимание на отражении человеческого фактора в языке.

Являясь культурно маркированными языковыми знаками, пословицы и поговорки в стереотипной форме транслируют установки традиционной народной культуры, определяют ценностную систему координат этноса, которой он руководствуется в своей практической и нравственной деятельности.

Экспериментальные методики, обращенные к показаниям языкового сознания современных носителей, позволяют выявить степень «считываемости» заключенных в образном основании пословиц и поговорок культурных смыслов.

Проблема «считываемости» значения паремий носителями языка возникает в связи с тем, что оно образно и представляет собой сложный сплав обыденного (профанного) представления той или иной жизненной ситуации, на основе, которого путем типизации, обобщения, формируются определенные ценностные (прагматические) установки этноса.

В рамках данной статьи с помощью экспериментальной методики выявляется степень восприятия традиционных образных смыслов (культурного фона) паремий о друге современными носителями языка.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

Для выявления психологической реальности значения паремиологического фона слова «друг» был проведен эксперимент с использованием методики прямого толкования значения исследуемых пословиц среди студентов-филологов и студентов-культурологов (в возрасте от 17 до 23 лет). Всего в эксперименте приняло участие 50 человек. В качестве стимулов респондентам было предложено 8 пословиц со словом «друг», при отборе которых учитывались следующие факторы:

- 1) степень прозрачности образного основания (внутренней формы) паремии;
- 2) частотность употребления паремии.

Испытуемым предлагалось объяснить смысл данных пословиц.

При постановке психолингвистического эксперимента мы выдвинули гипотезу о том, что «считываемость» паремиологического фона слова «друг» зависит от ряда факторов: от значения паремии, от частотности ее употребления, от уровня языковой компетенции испытуемых, поэтому транслируемое русскими паремиями традиционное представление о друге своеобразно преломляется в языковом сознании современных носителей языка, что позволяет проследить динамику его восприятия.

В процессе обработки результатов эксперимента последовательно выявлялось, насколько точно респонденты интерпретируют образные смыслы, составляющие содержание конкретной паремии, а также прослеживалась динамика восприятия данных паремий современными носителями языка.

Продемонстрируем полученные результаты на конкретных примерах.

Дерево живет корнями, а человек – друзьями – «друзья, подобно корням дерева, подпитывают, дают опору в жизни, делают жизнь человека насыщенной и интересной».

Культурный смысл данной пословицы «считали» практически все испытуемые (46 человек из 50): *Подобно тому, как корни питают дерево, любовь и забота друзей придает силы человеку, благодаря друзьям жизнь приобретает смысл, становится интересной; Данная пословица подчеркивает важную роль друзей в жизни каждого человека: человек живет по-настоящему только тогда, когда у него много друзей; Друзья питают человека, дают поддержку, придают смысл его жизни.*

Четверо респондентов «не считали» паремиологического фона слова «друг», репрезентируемого данной пословицей, и слишком общо истолковали ее образный смысл: *У всех должны быть друзья (2 реакции); Человек не может без друзей; Друзья нужны всем.*

Легче друга потерять, чем найти – «в данной пословице отмечается хрупкость дружбы, поэтому человек должен дорожить другом и относиться к нему бережно и с уважением».

Заложенный в данной пословице образный смысл в целом правильно интерпретирован подавляющим большинством респондентов (48 человек из 50): *Найти друга очень трудно, его нужно беречь, чтобы не потерять из-за какой-нибудь мелкой ссоры или ничтожного пустяка; Потерять друга можно легко, но нужно много потрудиться, чтобы его найти; Одно неверное слово и у тебя нет друга, а для того, чтобы найти друзей, нужно много потрудиться; Настоящая дружба из ряда ценных и редких вещей, поэтому ею нужно дорожить; Друзья на дороге не валяются.*

Два респондента не согласились с суждением, заключенным в данной пословице, обозначив свою позицию по этому поводу, что, очевидно, обусловлено особенностями их личностного восприятия ассоциативного потенциала слова «друг»: *Не согласна, потому что, если друг действительно настоящий, то он тебя простит; Если ты нашел настоящего друга, то он примет тебя таким, какой ты есть, и все тебе простит.*

Всеякий избирает друга по своему нраву – «каждый выбирает друга самостоятельно в соответствии со своими интересами, жизненными установками, нравственным ориентирами».

Паремиологический фон слова «друг», транслируемый данной пословицей, «считали» 45 респондентов: *Друзья – люди, которые смотрят в одну сторону, у них много общего; Трудно существовать людям с противоположными взглядами и характерами, когда много общего, это большой плюс для дружбы; Друг – отражение твоей души, твоих принципов; Без точек пересечения нет дружбы.*

Пять человек не согласились с содержанием пословицы и интерпретировали его по-иному: *Противоположности притягиваются (4 реакции); Бывает, что совершенно разные люди дружат, прекрасно дополняя друг друга. Данные реакции отражают неоднозначное и противоречивое представление о друге и о дружбе, существующее в языковом сознании носителей русского языка. Такое понимание дружбы и всего окружающего мира, характерное для русской ментальности, отражено во многих русских пословицах [Маслова 2004]: *На частую дружбу часом раздружьё; Дружба до порога; Скатерть со стола, дружба сплыла; Приятелей много, да друга нет; Противоположности притягиваются; Бойся друга, как врага.**

Недруг подкакивает, а друг спорит – «искренность, правда – важнейшие атрибуты дружбы, настоящий друг прямо укажет тебе на твои недостатки, ошибки, в отличие от друга мнимого».

Заложенный в данной пословице образный смысл в целом правильно интерпретирован подавляющим большинством респондентов (47 человек из 50): *Друг за правду, даже горькую; Друг может дать верный совет, сказать в лицо, если ты не прав; Друг не во всем соглашается с тобой, он скажет тебе даже самую горькую правду; Друг скажет правду и уберезет от ошибок.*

Трое испытуемых при ответе исказили смысл данной пословицы: *Друг – искуситель, он может подтолкнуть к опасности; С другом спорить нельзя, это приводит к потере взаимопонимания; Настоящий друг всегда вступится за своего друга и поддержит его.*

Вероятно, это обусловлено сложностью паремиологического фона слова «друг» и неоднозначностью его восприятия современными носителями языка.

Приятелей много, а друга нет – «в значении паремии подчеркивается принципиальное различие между понятиями «друг» и «приятель». Друг – человек близкий по духу, ему можно поведать о самом сокровенном, с приятелем связывают менее близкие отношения: общая сфера деятельности, увлечения».

Паремиологический фон слова «друг», транслируемый данной пословицей, «считали» все респонденты: *С приятелем связывают общие интересы, а друг – человек родственной души; Приятелями можно обзавестись на вечеринках, это лайтовые отношения, друг – человек близкий, родной; Друзья – это родственные души, а приятель просто сосед по жизни; С приятелями просто общаешься, тусуешься на дискотеке, а друг – человек близкий по духу. Ему можно довериться во всем; Приятель – это не друг, друг готов отдать последнее.*

В ходе эксперимента выявились следующие актуальные для современных носителей языка паремиологические смыслы слова «друг»: друг – человек близкий по духу, ему можно довериться, на него можно положиться в трудную минуту.

Плохой друг, что тень: в солнечный день не отвяжется, в ненастный – не найдешь – «настоящий друг тот, кто делит с тобой не только радость, успех, но и горе, невзгоды, в отличие от друга мнимого».

Заложенный в этой пословице образный смысл в целом правильно охарактеризован большинством респондентов (40 человек из 50): *Плохие друзья с тобой, когда ты успешен, но в трудную минуту их не оказывается рядом; Такого человека, который с тобой только в радости, нельзя назвать другом; Не друг, а пассажир, в общем, в трудную минуту он тебя бросит.* Однако десять испытуемых не смогли верно интерпретировать смысл этой пословицы: *Здесь имеется в виду дружба по расчету; Хороший друг не тень, а продолжение тебя; Человек*

может быть навязчивым и совершенно бесполезным, никогда не выручит; Такого человека нельзя назвать плохим другом, это просто зануда; Нет идеальных друзей и т.п.

Трудности со «считыванием» паремиологического фона слова «друг», транслируемого данной пословицей, возникли у респондентов потому, что внутренняя форма паремии осложнена повышенной образностью, экспрессивностью, ее интерпретация предполагает достаточно высокий уровень языковой компетенции, кроме того, его понимание усложняет относительно редкое употребление данной пословицы в речи.

Друг познается в беде – «прочность истинность дружеских отношений проверяется в тяжелых испытаниях, жизненных трудностях».

Паремиологический фон слова «друг», репрезентируемый предложенной пословицей, «считали» все респонденты: *Настоящий друг придет на помощь в беде; Беда – катализатор дружеских отношений; Друг – человек, который поддержит тебя в трудную минуту; Настоящий друг в любой ситуации придет к тебе на помощь; Друг не оставит в беде, придет на помощь.*

Информативная нагруженность слова «друг» достаточно легко «считывается» испытуемыми, так как эта пословица обладает прозрачной внутренней формой и довольно активно употребляется в речи современных носителей языка.

Сапог лаптю не дружка – «дружба предполагает не только духовную близость, общность интересов, но и одинаковое социальное положение».

Эксперимент показал, что паремиологический фон слова «друг», передаваемый данной пословицей, в полной мере не представлен в языковом сознании всех респондентов: *Дружба между людьми с разными вкусами невозможна; Друзья должны иметь похожие привычки, вкусы; Разные люди не могут дружить; Если два человека имеют разные привычки, они не подружатся; Друг тот, кто имеет похожие с тобой вкусы, люди с разными характерами и вкусами не смогут подружиться.*

Это во многом обусловлено тем, что он (паремиологический фон) репрезентирован посредством артефактных образов, метафорическая нагруженность которых в контексте пословицы, транслирующей установки традиционной народной культуры, оказывается не актуальной для языкового сознания современных носителей языка.

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать следующие выводы:

- паремиологический фон слова «друг» в большинстве своем осознается носителями современного языка, причем «считываемость» его отличается разной степенью глубины и зависит от ряда факторов: от «прозрачности» значения паремии, от частотности ее употребления, от наличия ее в активном словарном запасе респондентов, от уровня языковой компетенции испытуемых;
- транслируемое русскими паремиями традиционное представление о друге своеобразно преломляется в языковом сознании современных носителей языка, что позволяет проследить динамику его восприятия. Появление новых общественных реалий, смена жизненных приоритетов способствуют утрате прежних актуальных смыслов в восприятии данного слова и развитию иных интерпретаций, о чем свидетельствует интерпретация образного основания пословицы *Сапог лаптю не дружка*;
- респонденты, в целом правильно передавая содержание пословиц, включают в интерпретирующую часть современные реалии (*пассажир, катализатор, дискотека*), элементы молодежного жаргона (*тусоваться, лайтовые отношения*), что также свидетельствует о динамике восприятия паремиологического фона слова «друг».

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978-1980.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2004.

© Зуева Т.А., 2012

КИРИЛОВА И.В.

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'22
ББК Ш141.2-32

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «НЕЧИСТАЯ СИЛА»¹

Аннотация. Исследуются стилистические синонимы семантического поля «Нечистая сила», выявляется их специфика в составе фразеологических сочетаний и особенности функционирования в речи носителей современных русских говоров.

Ключевые слова: лингвокультурология, демонологема, стилистические синонимы, десакрализация, речевая деятельность.

Функциональная характеристика семантического поля «Нечистая сила» позволяет выявить характер системных отношений составляющих его единиц. Стилистическая синонимия подразумевает отношения, основанные на стилистических различиях при условии тождества или близости понятийной стороны значения слов [Евгеньева 1972: 143].

Специфика стилистических синонимов заключается в том, что практически все они относятся к разряду бранных и имеют соответствующую помету в словаре: *бранное, в бранных выражениях, бранное слово*. Кроме того, самые частотные синонимичные ряды образуют демонологемы, обозначающие черта и лешего. Данное явление обусловлено рядом причин. С одной стороны, процесс синонимии тесно связан с идиоматикой в системе языка – существует множество фразеологизмов, в которых употребляются названия именно этих мифологических персонажей, например, *черт дернул, черт попутал, черт поберет, иди к лешему (черту), на кой черт (леший), какого черта (лешего)* и т.п., с другой стороны, – важную роль играет звуковая оболочка слова: как правило, это короткие, одно- или двусложные номинации. Кроме того, стилистические синонимы имеют однотипные контексты употребления.

Спецификой функционирования демонологем во фразеологических сочетаниях является утрата сакрального компонента значения. Изначально такие выражения обладали сакральной семантикой и воспринимались, по замечанию В.М. Мокиенко, как послылы к какому-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

либо мифологическому персонажу, олицетворяющему зло, губительное начало. Но на современном этапе функционирования подобные выражения десакрализируются, их многослойная семантическая структура осмысливается в свете современных социокультурных стереотипов как профанная [см. об этом: Коновалова 2007].

Рассмотрим синонимический ряд демонологемы *черт*. В русских народных говорах мы находим следующие наименования данного мифологического персонажа:

Грец – бранно ‘дьявол, злой дух, черт’ [СРНГ, т. 7: 135]. Ср. *Грец вас возьми – Черт вас возьми. Грец его знает – Черт его знает. Ну вас к грецам – Ну вас к чертям. Грец меня дернул – Черт меня дернул. Сам грец не разберется – Сам черт не разберется* [там же].

Гын – бранно ‘черт’ [СРНГ, т. 7: 252]. Ср. *Гын да тебя возьми – Черт тебя возьми* [там же].

Деймон – бранно ‘демон, черт’. *Экой деймон!* [СРНГ, т. 7: 336].

Доброхот – бранно ‘черт, дьявол’. *У, доброхот тебя возьми! – Черт тебя возьми!* [СРНГ, т. 8: 79].

Егрец – бранно ‘черт’ [СРНГ, т. 8: 318].

Задавны – бранно ‘нечистая сила, черти’ [СРНГ, т. 10: 42]. Ср. *На задавны! – Иди к черту. На все задавны! – Ко всем чертям* [там же].

Извод – бранно ‘черт, дьявол’ [СРНГ, т. 12: 108]. Ср. *Извод с тобой! – Черт с тобой! Извод ты возьми! – Черт тебя возьми. К изводу ты! – К черту тебя* [там же].

Лехман – бранно ‘черт, дьявол’. *Лехман тебя задери! – Черт тебя задери!* [СРНГ, т. 17: 29].

Лютра – бранно ‘черт, дьявол’. *Лютра тебя изми! – Черт тебя изми!* [СРНГ, т. 17: 249].

Мордуй – бранно ‘черт, ляд’. *Мордуй ты побери! – Черт ты побери!* [СРНГ, т. 18: 260].

Омег – ‘нечистый дух, черт, дьявол’. *Омег тебя неси! – Черт тебя неси!* [СРНГ, т. 23: 198].

Отяпа, отяпый – бранно ‘нечистая сила, черт’ [СРНГ, т. 24: 19].

Памжа – бранно ‘нечистая сила, черт’. *Ну тебя к памже – Ну тебя к черту!* [СРНГ, т. 24: 184].

Планида – бранно ‘нечистая сила, черт’. *Во планида, душит гусенят!* [СРНГ, т. 27: 80-81].

Внутренняя форма некоторых представленных стилистических синонимов затемнена (например, *гын, грец*). В отношении демонологем с прозрачной внутренней формой можно отметить частое использование в качестве мотиваторов лексических единиц, обладающих не-

гативным значением в современном языке. Ср. *лю́тра* ← лютый ‘злой, жестокий, беспощадный’ [МАС, т. 2: 211], *морду́й* ← мордовать ‘бить, мучить, истязать’ [МАС, т. 2: 299], *извод* ← изводить ‘погубить, измучить, истязать’ [МАС, т. 1: 639].

Синонимичный ряд демонологемы *леший* образуют следующие номинации: *ле́мор* – ‘леший’ в бранных выражениях: *Ну те к лемору!* – *Ну те к лешему!* [СРНГ, т. 16: 350].

Лад, ляд – бранно ‘леший’: *Лад тя возьми!* – *Леший тя возьми!* [СРНГ, т. 16: 227].

Ла́ман – ‘леший’ в бранных выражениях: *Ламан тя возьми!* – *Леший тя возьми!* *Ламан его принес!* – *Леший его принес!* [СРНГ, т. 16: 252].

Ле́сман – бранно ‘леший’ [СРНГ, т. 16: 372].

Леша́к ‘леший’ [СРНГ, т. 17: 30]. Ср. *Бранное слово: У ты, лешак!* *Лешак, подвинься! Где (куда, зачем и т. п.) тебя (вас, его и т. п.) лешак носил (несет, понес, унес и т. п.), лешаки околачивали. Где тебя лешаки-те околачивали? Иди (пошел, ну тебя и т. п.) к лешаку (к лешакам) – выражение пренебрежения к кому-, чему-либо, пожелания избавиться, отделаться от кого-, чего-нибудь. Ну те к лешаку. Пошел ты к лешакам. Какого лешака? – Какого черта? Какого лешака тебе надо? Лешак его знает – никто не знает. Лешак знает, куда я его положила. Лешак вас разберет – никто не разберет. Лешак тебя (вас, его и т. п.) унеси (понеси, возьми, побери, заberi), лешак бы тебя (вас, его и т. п.) взял, унес – выражение негодования, досады. Лешак тебя унеси. Лешаки перенесли; лешак принес (несет, привел) – о том, чей приход нестати. Лешак его принес – пьяный. На какой лешак – зачем, к чему. Бабы, на какой оне мне лешак. Послать к лешаку – прогнать кого-нибудь, упоминая лешего. Да пошли его к лешаку. Чтоб тебя лешак забрал – выражение недоброго пожелания при возмущении, досаде [там же]).*

Лешман – бранно ‘леший’ [СРНГ, т. 17: 34].

Некоторые демонологемы в своем семантическом значении соотносятся и с лешим, и с чертом. Например, *ле́ман* – бранно ‘черт, леший’. *Леман тебя возьми!* *Пошел к леману!* *Леман с ним / Ну тебя к леману!* [СРНГ, т. 16: 346].

Лешманогий – бранно ‘леший, черт’ [СРНГ, т. 17: 34].

Обана́к, обана́т – бранно ‘черт, леший’ [СРНГ, т. 21: 347-348].

Па́мха – бранно ‘черт, леший’ [СРНГ, т. 24: 187].

Таким образом, специфика стилистических синонимов в группе названий нечистой силы заключается в их способности выражать одинаковую (или близкую) оценку, как правило, отрицательную, в их

употреблении в составе тождественных фразеологических сочетаний и в утрате этими сочетаниями сакрального компонента.

Десакрализованные фраземы, в состав которых входит название нечистой силы, имеют одинаковые стилистические пометы в словарях, а в речи диалектоносителей выступают (за некоторыми исключениями) в качестве экспресsem.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Языки русской культуры, 1995.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: Монография. – Екатеринбург, 2007.

Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. – 1994. – № 1/2.

Синонимы русского языка и их особенности / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1972.

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – М.; Л., 1965-1998. – Вып. 1-36.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – Т. 1-4.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1977.

© Кирилова И.В., 2012

Э.Х. КОВАЛЬСКА

*(Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш100.3

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ: ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Аннотация: Статья представляет собой социолингвистическое исследование многоязычия в смешанных семьях. Делается попытка выявить факторы, определяющие предпочтения билингвов в выборе языка общения в разных речевых ситуациях.

Ключевые слова: многоязычие, языковая ситуация, толерантность, межкультурная коммуникация.

В настоящее время во всех странах мира широко распространено многоязычие. Оно является неотъемлемой частью жизни современного человека, так как это требование современного общества. Многоязычие предоставляет человеку огромные возможности для общения, сохранения и развития культур. Языковая панорама современного мира – это не просто мозаика трех или пяти тысяч языков. География языков, география народов мира и политическая карта мира тесно взаимосвязаны. Социально-политическая карта мира преломляется в социальном статусе языков. Языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования, по авторитету в своей стране и за ее пределами. Интенсивные и долговременные контакты народов приводят к двуязычию и многоязычию.

«Способность овладевать несколькими языками, – пишет М.М. Фомин, – есть особого рода способность индивида. Усвоение двух, трех и более языков есть средство выхода в поликультурное пространство. Полилингвизм есть термин, по существу адекватный поликультурности» [Фомин 1998: 112]. Тот же автор утверждает, что «...на современном этапе развития мирового общества многоязычие приобретает особую актуальность в контексте широко известного исследования Р. Ладо «Лингвистика поверх границ культур», в котором выдвигается тезис о необходимости научного лингвистического анализа изучаемого языка параллельно с родным, сопоставления элементов культуры, внеязыковых реалий, получающих отражение в языковом знаке. Владение несколькими языками (многоязычие) не только рас-

пространенное, но и естественное явление, особенно в нашей многонациональной стране» [там же].

В толковом словаре русского языка термин «полиглот» объясняется следующим образом: «Человек, знающий много языков» [Ожегов 2004: 713]. Автор данного словаря предлагает также несколько синонимов слова «полилингвизм»: *многоязычность, многоязычие, мультиязычность, полиглотство*.

В работе У. Вайнрайха находим следующее утверждение: «Многоязычие, несомненно, представляет собой явление не только значительное, но и достаточно обычное и распространенное, принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие – как нечто исключительное. У этого, в высшей степени идеализированного, взгляда есть ряд источников. Другая черта многоязычия, которую легко представить в виде переменной, – это степень владения каждым данным языком у одного и того же говорящего. Совершенно свободное и всестороннее владение двумя языками, конечно, очень сильно отличается от усвоения лишь начатков второго языка; но опять-таки трудность задачи, стоящей перед человеком, и характер его неудач при дублировании одноязычных норм каждого из языков (в отличие от «размеров» этих неудач) в обоих случаях сходны» [Вайнрайх 1972: 25-60].

Исследование термина «многоязычие» подтолкнуло меня к проведению опроса среди студентов СВФУ (всего – 50 человек). В опросе приняли участие студенты из смешанных семей. Цель исследования: выяснить языковую ситуацию в смешанных семьях.

Вопросы были следующими: национальность ваших родителей, на каком языке вы разговариваете с матерью, отцом, родственниками, друзьями, испытываете ли трудности в изучении других языков, умеете ли вы общаться, читать и писать свободно на родном (родных) языках, интересуетесь ли генеалогическим древом вашей семьи, на каком языке больше всего слов вы читаете в минуту.

Анализ ответов на вопрос «Национальность ваших родителей» приводит к следующему заключению: огромное многообразие народов нашей страны играет большую роль в генеалогическом древе каждого из нас. Родители респондентов имеют кровные связи с несколькими национальностями. Большее количество студентов – из семей, где один из родителей якутской национальности.

Есть семьи, где родители достаточно «уникальных» национальностей, к примеру – якутка и азербайджанец, якутка и бурят, долганка и якут, якутка и киргиз, якутка и монгол, финка и якут, татарка и якут, юкагирка и узбек, бурятка и кореец, гречанка и украинец, бурятка и

азербайджанец, сахалярка (мать – якутка, отец – русский) и дагестанский ногаец, эвенка и украинец, русская и татар, бурятка и эвенк. Безусловно, все эти семьи являются интересными в плане изучения поставленной проблемы.

На вопрос «Испытываете ли трудности в изучении других языков?» 44 студента ответили, что не испытывают никаких трудностей. Для них изучение другого языка не является психологическим барьером, не вызывает дискомфорта. Только 6 студентов испытывают некоторые трудности в овладении другими языками.

На вопрос «На каком языке больше всего слов вы читаете в минуту?» большинство ответило, что быстрее всего и больше всего слов они читают на русском языке, 1 студент читает 99 слов на юкагирском языке (из узбекско-юкагирской семьи).

Далее, на вопрос «Умеете ли вы писать, читать, общаться на родном (родных) языках?» были даны следующие ответы: 26 студентов не обладают вышеперечисленными умениями и навыками, т.е. они не знают языков своих родителей, общаются, читают и пишут только на русском языке, 7 студентов ответили, что владеют своими родными языками, т.е. языками матери и отца, 1 студент ответил, что родным языком считает якутский, несмотря на то, что мама – бурятка, а отец – эвенк. 16 студентов ответили, что умеют общаться по-русски и на одном из родных языков, т.е. на одном из языков родителей. Были и такие ответы: «на якутском читаю, но свободно не говорю» (из семьи, где отец – якут, мать – эвенка), «с мамой общаюсь по-якутски, знаю только несколько слов по-эвенски» (из якутско-эвенской семьи), «да, умею писать и читать на эвенкийском языке, общаюсь не очень хорошо» (из якутско-эвенкийской семьи), «владею якутским языком, но киргизский язык не знаю, так как со мной не общались». Из ответов респондентов можно сделать следующий вывод: причиной незнания языков родителей в смешанных семьях является отсутствие общения родителей со своими детьми на родном языке. А в тех семьях, где родители с детства общались со своими детьми на своих родных языках, сохранено трехязычие в его первоисточниках. Например, я сама из смешанной семьи: мать-якутка, отец-поляк, у меня трехязычие с рождения. С мамой общаюсь только по-якутски, с отцом – по-польски и с раннего детства знаю русский. Это мой родной приобретенный язык, потому что мать с отцом разговаривают на русском. Благодаря родителям с детства свободно читаю, пишу и общаюсь на трех языках. Считаю это моим духовным внутренним богатством. Теперь изучаю и другие языки. И мне не мешает совершенно мое языковое пространство, а, наоборот,

помогает усваивать, анализировать, сопоставлять и сравнивать другие языки.

Билингвизм, многоязычие, языковая ситуация в смешанных семьях – темы актуальные и в то же время недостаточно исследованные. Они востребованы нашим обществом и требуют пути решения в нестандартных ситуациях не только в одной стране, но и во всем мире. Проблемы многоязычия и поликультурности многогранны, и они должны решаться комплексно. Каждая смешанная семья – это не цифра, это жизнь конкретной семьи, связанной с культурой и политикой той или иной страны. Понятия – языковое пространство, межкультурная коммуникация, сосуществование культур в смешанных семьях, лингвистическая толерантность, развитие мультиязыковой личности – являются, безусловно, весьма интересными и многогранными в научных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М., 1972.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: «Мир и образование», 2004.
- Фомин М.М.* Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия). – М., 1998.
- Многоязычие в поликультурном обществе: сборник научных трудов / Рос.гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Якутск, 2005.
- Проблемы двуязычия (многоязычия) в современном социокультурном пространстве: Материалы науч.-практ. конф. – Якутск, 2007.

© Ковальска Э.Х., 2012

Н.И. КОНОВАЛОВА, ЯН КЭ

(Уральский государственный педагогический университет,

г. Екатеринбург, Россия;

Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли КНР,

г. Гуанчжоу, Китай)

УДК 811.161.1'+811.581

ББК Ш141.2-31

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ¹

Аннотация: Исследуются паремии русского и китайского языков, выявляются универсальные и этноспецифичные способы выражения семантики параллельных мотивов в национальных языковых картинах мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, образные аналогии, межязыковые универсалии, национально-культурная специфика языковых единиц.

Одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики является исследование языковой картины мира и отдельных ее фрагментов, т.е. представлений о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа. Идея В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, превращающей язык в зеркало мира, получает интенсивное развитие в изучении национальной ментальности и форм ее воплощения.

Наиболее укоренными в народной культуре являются паремии, сочетающие в себе языковые и бытовые стереотипы наивного мифологического сознания. Изучение паремий как явления национальной культуры не случайно начиналось в рамках этнографических и культурологических изысканий, связанных с описанием народного быта и верований. Данный лингвокультурный феномен фиксирует стереотипы сознания, которые определяют национально-культурные эталоны поведенческих реакций. Это дает возможность включить паремии в ряд «языковых форм, ... исполненных намеков на отжившую старину, о которой сама история немного сохранила преданий, <на тот> период создания и раскрития народных эпосов, когда и обычаи, и заклитие являются уже во вторичной форме, заимствуя из предшествующей эпохи развития мифов и поклонений две силы: чудесное и обрядность» [Буслаев 1854: 3-4, 46]. Быт современной деревни в какой-то степени

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

еще хранит «культурную память» о мифосимволической основе традиционного ритуала и обряда, в городской же культуре эта связь чудесного и обрядности обнаруживается, пожалуй, лишь в некоторых бытовых поведенческих стереотипах, регламентированных приметам: *посидеть на дорожку, нельзя возвращаться с полпути, постучать по дереву, чтоб не сглазить, плюнуть через левое плечо* и т.п. Трудно в связи с вышесказанным переоценить важность лингвокультурологического комментария языковой идиоматики (в широком смысле этого понятия) – устойчивых формул, фразеологических единиц, примет, пословиц, поговорок и пр.

Традиционно содержания паремий позволяет выделить их основные семантические доминанты. Паремии связаны с наблюдениями над внешностью человека и его поведенческими реакциями, с традиционными обрядами и ритуалами, с народным календарем природы, с повседневным бытом, с различными видами хозяйственной деятельности, социальных отношений и др. Языковые знаки выступают вербальным кодом категоризации, транслирующим в том числе и национально-культурные стереотипы сознания.

Для фольклорных традиций любой традиционной культуры характерно обыгрывание семантики параллельных мотивов, когда «... сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием. Точно сплетающиеся вариации одной и той же музыкальной темы, взаимно суггестивные» [Веселовский 1898: 21]. Рассматривая природу данного феномена, А.Н. Веселовский приходит к выводу о его психологическом основании. Такой параллелизм восходит к эпохе олицетворения сверхъестественных сил, наделения их человеческими качествами и признаками, понятными и, следовательно, такими, на которые можно воздействовать. Основания этой связи предписывались «... глубоко коренящемуся в народе верованию, что повсюду в природе распространена одна высшая сила, везде действующая с одинаковыми правами, и что те душевные движения, которые человек сознает в себе, присутствуют и в окружающей природе» [Буслаев 1848: 65-66].

В лингвокультурологическом плане значимым представляется выявление способов языкового выражения идеи «всеобщей сопричастности». Сопоставительный анализ паремий в разных языках, в том числе типологически неродственных, значим для понимания их смыслового наполнения, в частности, для определения образной аналогии, лежащей в основе сопоставления, мифосимволической и этнокультурной основы сравнения и т.п.

Чаще всего идея символической партиципации представлена посредством метафорического параллелизма, устанавливающего отношения подобия «между объектами одной категории и между представителями разных классов» [Арутюнова 1998: 277]. Как в русской, так и в китайской афористике устанавливаются соответствия между микро- и макрокосмом (человеком и явлениями природы). Ср., например, устойчивую формулу обращения к корове в русских заговорах: *Стой горой, а дой рекой* (т.е. стой спокойно, неподвижно, как гора и давай молока много, как много в реке воды). □□□□□□□□□□□□□□ – буквально: *конь свистит при встрече Бо Лэ (□□), человек плачет при появлении радости* (Бо Лэ – большой знаток лошадей периода Чуньцю – «Весны и осени»). Ср. также название обряда излечения немоты *добыть языка на колокольне* и ассоциативно связанного с ним предмета, с помощью которого производится действие: когда у человека *отнимается язык*, то обливают водой *колокольный язык* и поят этой водой больного [Даль 1994: 179]. Здесь, по замечанию В.В. Виноградова, мы «... имеем дело не с чисто словесными метафорами, а с отголосками «мифологического мышления» ... Здесь дело не в языковых метаморфозах, а в способе восприятия мира» [Виноградов 1976: 412]. В традиционной русской культуре есть целые тексты, построенные на метафорическом параллелизме [Коновалова 2007]. Например: *Безымянному персту имени нет, у камня плоду нет, в угле зелени нет, в ухе жабе места боле нет* (заговор от ушной боли) // *От камня плоду нет, от угля трава не растет, в мертвом теле души нет, тебе, чирею, вереду, гнойнику, пупышу, на белом теле места нет* (заговор от нарыва).

Интерпретация заключенной в устойчивых языковых формулах информации осуществляется на основе существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и т.п. пресуппозиций. В этой связи можно говорить о том, что более просты для декодирования выражения, имеющие межъязыковые метафорические эквиваленты:

□□□□□□□□□□ – *Легче увидеть самого Янь Уан, чем справиться с чертенком = Трудно справиться с теми слугами, которые обижают, пользуясь властью своего хозяина* (под чертенком здесь имеется в виду слуга Янь Уан. Янь Лоу Уан (□□□), или Янь Уан, Батюшка Янь Уан – дух, управляющий адом в предании буддизма. Ср.: *Не так страшен черт, как его малютки* – современный вариант выражения *не так страшен черт, как его малюют*.

..... – *Нет леса без кривого дерева, нет человека без недостатков. Ср.: Солнце не без пятен – человек не без изъяна.*

...□□□□ , ...□□□□ – *Весна – решающее время года, а утро решающее время суток. Ср.: Год задается весной, а день утром.*

..... – *Трудно нарисовать кости дракона; трудно узнать, что на сердце человека. Ср.: Есть сердце да закрыто дверцей; Чужая душа – потемки.*

Содержательная основа метафорического параллелизма во многом определяется типизированными сочетаниями знаков в высказывании. Эти сочетания могут отражать логические, предметно-понятийные, ассоциативные, системно-языковые и т.п. основания их комбинирования. При этом «уподобление может нарушать границы естественных родов, но оно обычно придерживается границ общности, указывая на те признаки, которые послужили основанием сравнения» [Арутюнова 1998: 277].

В обеих лингвокультурах можно выделить следующие виды метафорического параллелизма:

1. Сопоставление однородных предметов, понятий и явлений объективной действительности: *Если сосульки долгие, то весна длинная.* Прилагательные *долгий* и *длинный* синонимизируются в обоих значениях ('срок' и 'размер' на основе семы 'протяженность'), а в данном случае они выступают в ассоциативной связке причинно-следственного типа, что является одним из традиционных приемов эмпирических («житейских») умозаключений.

....., – *Нет горя, которое нельзя было бы вынести – есть счастье, которое нельзя себе представить.*

.....□□□□□□□□ – *Ученики Кун-цзы □□, т.е. Конфуция не способны ругаться, а ученики Цзэн-цзы □□ не способны драться* (Кун-цзы (Конфуций) – первый в истории Китая философ и педагог. Он выдвинул собственное теоретическое построение относительно этики и общественно-политической жизни. Цзэн-цзы – его ученик, наследник его учения. Основой их учения является этика).

.....□□□□□□ – *Чиновники покрывают друг друга, а простые – простых, и батюшка Гуань (□□□), покрывает своих Пучжоуцев – своих земляков* (батюшка Гуань, т.е. Гуань Юнь – известный генерал времени троецарства, который славился своим прямым характером. Его уважали за это и за справедливость).

2. Сопоставление неоднородных предметов, понятий и явлений объективной действительности: *Если после работы не снимают кос с косников (орудия косьбы), куры нестись не будут.* Магическая партиципация выражается здесь соотношением двух сакральных

символов: *коса* – символ смерти, конца, *яйцо* – символ зарождения, начала.

Ср. также: *Плохой друг как тень: когда солнце – он рядом, когда хмуро – исчезает; Красна птица пером, человек – умом; Голова без ума – фонарь без свечи; Бездонную бочку не наполнишь – жадное брюхо не накормишь.*

..... – *Дождь не может идти весь год, человек не может быть бедным всю жизнь.*

.....□□□□□□ – *Бывает время, когда Хуанхэ становится прозрачной, и в твоей жизни будет счастливое время (из-за того, что в бассейне нижнего течения Хуанхэ много глины и песка, вода в ней всегда мутная и непрозрачная, и цвет воды всегда желтый).*

3. Сопоставление явлений реальной и нереальной действительности на основе какого-либо условного признака, не отражающего (или весьма опосредованно отражающего) сущностные свойства объектов сопоставления: *Иголки найти в доме воткнутые, сломанные – к порче, вреду, уроку ('сглазу')*. Острые предметы, в том числе иголки, – атрибут колдовских манипуляций, а *порча, вред, урок* – результат этих манипуляций. Тем самым данная примета представляет собой экспликацию сакрального прецедента, связанного с магикоритуальной ситуацией колдовства, когда «насылание порчи» осуществляется воздействием на символические эквиваленты человека – объекта магии – острыми предметами. Считалось, например, что можно *изурочить* (сглазить) человека посредством прокалывания иглками его изображения, разрезания предметов его одежды, листа бумаги с написанным на нем именем объекта магических манипуляций и т.п.

Сажая хлебы в печь, подымай подол, приговаривая: «Подымайся выше!» [Тугул.]. В этом случае магическую функцию выполняет акциональное подобие.

□□□□□□□□ – *В небе есть рай, а на земле есть Сучжоу и Ханчжоу* (Сучжоу и Ханчжоу – древние китайские южные города, прославленные своей красотой, история которых насчитывает более двух тысяч лет, самые благодатные и пригодные места для проживания).

В последнем примере в качестве компонентов метафорического параллелизма выступают топонимы, что характерно как для китайской, так и для русской лингвокультур. Топонимы не просто географические термины, они несут богатую национально-культурную информацию и особенно трудны для интерпретации носителями иной культуры, так как в подобных случаях для адекватного восприятия всего того, что скрывается за географическим названием, недостаточно

чисто географических познаний – необходимо также и знание истории данной страны.

Большое количество пословиц и поговорок, содержащих названия гор и рек в китайском языке – непосредственное отражение особого значения культа природы, в особенности культа гор, рек и земли в китайской традиционной культуре. В древнем Китае широко был развит культ природы, причем роль гор и рек была одинаково велика и в государственной имперской религии, и в народных культах. Некоторые названия китайских гор (Тайшань, Хуашань, Суншань, Хэншань, Хуаншань, Эмэйшан, Лушань) и рек (Хуанхэ, Янцзы) воспринимаются далеко не только как географические названия, они культурно значимы, символичны, хранят важную культурную информацию. Так, наличие множества пословиц и поговорок, содержащих в себе название горы Тайшань, обуславливается важной ролью Тайшань в китайской истории и культуре. В Китае принято называть Тайшань первой горой, Поднебесной. Она считается главой пяти из наиболее прославленных в Китае гор. По древней хронике великий мудрец Конфуций когда-то поднимался на Тайшань, и китайские императоры разных династий посещали Тайшань, чтобы совершать жертвоприношение. Тайшань является одним из четырех наиболее почитаемых у буддистов гор Китая. Распространение буддизма, строительство и процветание храмов прибавили славы этой горе. Архитектура, статуи, сакральная утварь, предметы богослужения и церемониалов, музыка, живопись демонстрируют сущность и содержание вероисповедальной культуры: – *Гора Тайшань – святая святых*. В качестве примеров можно привести также следующие пословицы и поговорки: – *В наступлении отважен, как тигр, в обороне непоколебим, как гора Тайшань*; ..□□□□□ – *Дружной работой можно Тайшань свернуть*.

Янцзы – крупнейшая река Китая, ее называют золотой транспортно-магистралью. Районы в бассейне среднего и нижнего течения Янцзы отличаются теплым и влажным климатом, обилием дождей и плодородными почвами, что создает идеальные условия для развития сельского хозяйства. Все это обуславливает ее неповторимую роль в жизни китайского народа. Этим и объясняется частотное употребление ее образа в китайских пословицах и поговорках. □□□□□□□□□□□□□□ – *Новое поколение приходит на смену старому, как волны Янцзы сменяют друг друга*; □□□□□□□□□□□□□□ – *Как последующая волна Янцзы всегда выше предыдущей, сын лучше своего отца*; □□□□□□□□□□□□□□ – *Как из малой волны Янцзы вырастает большая, так из юношей вырастают герои*.

Широкая популярность топонимов – названий гор и рек в китайских пословицах и поговорках обуславливается древним культом гор и рек в данной культуре, а редкое упоминание подобных топонимов в русской идиоматике – отсутствием такого культа в традиционной русской культуре.

Таким образом, значимость лингвокультурологического анализа русских и китайских паремий объясняется потребностью в выявлении межъязыковых универсалий и национальной специфики отдельных фрагментов языковых систем, особенностей национальных менталитетов и традиций духовной культуры контактирующих народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1998.
- Буслав Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. – М., 1848.
- Буслав Ф.И.* Русские пословицы и поговорки. – М., 1854.
- Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Журнал министерства народного просвещения. – Ч. XXXVI. – 1898 (№4). – СПб., 1898.
- Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы. – М., 1976.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3 т. – М., 1993.
- Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: Монография. – Екатеринбург, 2007.
- □□ □□□□□□□□ □□□□□□, 1980.

© Коновалова Н.И., 2012

© Ян Кэ, 2012

Г.М. КУРБАНГАЛЕЕВА

*(Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия)*

УДК 811.161.1*28
ББК Ш141.2-5

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКИХ ГОВОРОВ БАШКИРИИ¹

Аннотация: Описываются тенденции функционирования диалектных систем русских говоров на полиэтнической территории Башкирии. Предлагается анализ лексико-семантических изменений, обусловленных такими тенденциями, как проницаемость, открытость, отсутствие строгой нормативности диасистем.

Ключевые слова: диалектная лексика, русские говоры, литературный язык, новообразования.

Лексический материал современных русских говоров Башкирии является ценным источником для выявления тех тенденций и закономерностей, которые определяют и обуславливают социальные особенности формирования и функционирования современных диалектных систем.

Экспансия русского литературного языка осуществляется за счет ограничения функций других форм общенационального языка, например, территориальных диалектов, которые могут подвергнуться частичным изменениям и даже нивелировке, но в основном сохраняются и продолжают функционировать. При этом перестраивается их система, сужается социальная база, ограничиваются функции, утрачиваются первичные яркие особенности, диалект иногда преобразуется в полудиалект, региолект или же полностью нивелируется.

Таким образом, перед современными исследователями стоит задача – изучить закономерности, вызывающие подобные изменения. Правда, существует ошибочное, с нашей точки зрения, мнение о том, что территориальные диалекты разрушаются, полностью исчезают, «нисходят до роли рудиментов прежних эпох и утрачивают активность

¹ Данная статья написана при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

в общем ансамбле форм существования языка» [Гросс 1970: 7]. С этим мнением трудно согласиться, прежде всего, потому, что диалекты продолжают существовать и функционировать и в национальный период, несмотря на ряд произошедших существенных изменений. И в XX-XXI вв. территориальные диалекты продолжают оставаться основным средством повседневно-обиходного общения для сельского населения в пределах определенной территории, а в условиях полиэтнической среды превращаются даже в своего рода койне.

В настоящее время русские говоры утрачивают свое единство, расслаиваются на три структурно-функциональных типа: архаический, промежуточный и передовой – тип говора, близкий к литературному языку. Каждый из этих типов имеет свой социальный субстрат – своих носителей и свою сферу преимущественного использования (например, в бытовой сфере – архаический или промежуточный тип, в официальной – промежуточный или передовой). Неоднородность территориальных диалектов проявляется и в том, что они уже не представляют собственно диалектных разновидностей: в них имеется ряд характерных форм литературного языка и просторечия, а также – элементы профессионально-технического и делового стилей, остатки «художественного» стиля, каковым является фольклорная лексика. Все это находится в закономерном соотношении с собственно диалектными лексемами.

Республика Башкортостан – полиэтничный регион, в котором русские – один из трех наиболее многочисленных (наряду с башкирами и татарами) народов. Согласно переписи 2002 г. численность русских в республике составила 1 490 715 чел. (36,32 % всего населения).

Русские говоры Башкирии переселенческие и, согласно данным З.П. Здобновой, на территории Башкирии бытуют те же основные структуры говоров, которые характерны для исконно славянской территории. В северной части республики сосредоточены говоры северного типа (28 н.п.); на территории южной части в 34 н.п. выдержана структура южного наречия; преобладают в численном отношении говоры среднерусского типа, акающие (51 н.п.) и окающие (60 н.п.) [Здобнова 2001].

Лексика русских диалектов на территории Башкирии формировалась в результате сложного взаимодействия различных типов русских говоров с языками и территориальными диалектами тюркских и финно-угорских народов, населяющих регион.

Лексическая система русских говоров Башкортостана, как и диасистема русских говоров в целом, характеризуется таким свойством, как проницаемость. Проникновение в систему новых элементов из литера-

турного языка или других диалектных систем и языков должно было бы вести к изменению адаптирующей системы, утраты ее устойчивости, однако этого не происходит, так как новые для системы элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для данной системы, порождая ее повышенную вариативность.

В лексике говора, таким образом, могут долгое время сосуществовать свое и чужое, старое и новое, исконное и заимствованное.

Словарный состав современных русских говоров Башкортостана сохраняет сходство с лексикой родственных говоров. Здесь продолжают жить слова, которые были характерны для материнских говоров: северных – *ковиш / ковишок, хват, сковородник, квашня, озимь / озимя, боронить, брезговать, петь песни* и южных – *корец, рагач, емки, чепельник, дежа, зелень / зелена, скородить, гребовать, играть песни*. Однако «тесные и постоянные языковые контакты представителей разных наречий в полидиалектных структурах приводят к тому, что намечается ослабление противопоставленности соответственных явлений, поскольку происходит проникновение некоторых северных диалектных черт в говоры южного типа и, наоборот, южных – в северные» [Здобнова 2001: 61]. В одной ЧДС сосуществуют противоположные члены соответственного явления, в принципе взаимоисключающие друг друга; более того, зачастую в южнорусские говоры Башкортостана проникают северные лексемы, вытесняя собой южные соответствия, например, северные *зыбка* как в прямом значении ‘детская колыбель, подвешиваемая к потолку на шесте (реже на пружине)’, так и в производном ‘коляска мотоцикла’ [СРГБ 1997: 158] и *баять* ‘рассказывать’: *А по вечерам скаски байали* [СРГБ 1997: 37] распространены повсеместно.

Обратный процесс – вытеснение северных лексем южными – также наблюдается, но гораздо реже. Так, З.П. Добнова среди южных слов, прочно утвердившихся в севернорусских говорах Башкирии, называет следующие: *зипун, люлька, пахать, погода* в значении ‘хорошая погода’ [Здобнова 2001: 61]. В этом ряду можно также назвать, например, *гребовать* ‘брезговать’: *Ты не гребуй, фсё тут своё чистойо* [СРГБ 1997: 95], *брехать* ‘лаять (о собаке)’: *Выт’ка што-ть собака бреш’т* [СРГБ 1997: 53], *гутарить* ‘разговаривать, беседовать, говорить, рассказывать’: *Старухи собралис’ гутарит’*. *Шабриха гутарила, што децки костюмчики привезли* [СРГБ 1997: 103], но в основном подобные явления встречаются спорадически.

Неравномерность изменений, происходящих в диалектной лексике, стремление к сохранению старых форм, проявляется и в том, что в современных русских говорах Башкирии имеется значительное количество слов, восходящих к более ранним лексическим пластам русско-

го языка, в том числе к древнерусским: *балакирь* ‘горшок’, *братыня* ‘емкость для разноса пива’, *выя* ‘шея’, *днесь* ‘сегодня’, *бердыш* ‘большой широкий топор’, *брезг* ‘рассвет’: *На брезгу умер* (ср. лит. *брезжить*), *оболокать* ‘надевать верхнюю одежду’: *Ты чё ни обълокаш шубу-ту?* (Бир: Г). Бир: Калинин; Стерлит: Пр., *письмена* ‘буквы’: *Пис'мена йа знайу* (Бир:Кам), *пёрст* ‘любой палец руки’: *У иво на пёрст нет стыда!* (Гаф: А). Калт: Л. || Большой палец руки (Бир: Ем); Дюр: К., *руда* ‘кровь’: *Диржу рукой рану, а руда так и свиш'шит!* (Ал: А), *сретенье* ‘встреча’: *Ф сретен'йе йему выходила кажний рас* (Бир: Петр). Бир: Коян; Куш: А., *татъ* ‘вор’: *Тат' один занемок, тък и прътянул ноги прямъ у дороги* (Ал: Мак). Бир: Бик., *шуйца*. ‘левая рука’: *Левуйу руку шуйца нъзывам* (Бир: Пит). Бир: Баз, Петр; Куш: А; Стерлит: Пр.

С другой стороны, в русской диалектной лексике Башкирии, наряду с архаичными элементами, встречаются и новообразования, проникшие в результате заимствования либо из литературного языка, либо из других языков и говоров.

Заимствования из литературного языка участвуют в образовании подсистемы передового слоя говора, близкого к нему, например: **новность** (новость): *Новнъсти какийъ, новъвъ што?* (Бир: Калинин). **Сосетка**, **послушъй** – **новнъс'ть** **кака**: *Дар'йа замуш выходит* (Бир: Баз). *Йа ходила за водой, новнъс' слыхала. Ты не знаи?* (Куш: А). Бир: Петр, Сим.; **обош** (овоши): *Моркофка с'вёкла, картошка – обош фся наша збрьглас'* (Игл: З); **паларич** (паралич): *Пъларич' – болез'ня такайа. Руки, ноги отнимайтца. Ударил йево пъларич'-от* (Бир: Ос). *Кума уш другой гот ф пълриче лежыт* (Бак: К). Бир: Баз, Сим.; **палталоны** (пantalоны, штаны): *Пълталоны кружэвны таки носили мы* (Арх: А); **пензия** (пенсия): *Йа утроботълъс' ф колхозе, пълучайу восем' пиддисят пен'зийу* (Бир: Сим). *Тол'къ десът' рублей пълучайу, нь хотели пен'зийу-тъ дават'* (Бир: Пит). Бак: К; Бир: Ос, Петр; Куш: А.; **роганизм** (организм): *Роганизм мой был тогда крепкый* (Иш: П); **рушлак** (дуршлаг): *Можнъ пял'мени клас'т' в рушлак, рушлаки пръдайут* (Гаф: Т). *Рушлак висит на гвоз'де* (Дув: О). *В рушлаке воды ни принесяш* (Бир: Петр). Стерлит: Пр.; **соше** и **сошейка** (шоссе): *Афтобузы йедут пъ сашэ* (Стерлит: Пр); **тажэрка** (этажерка): *Муш-та мой хорошый был плотник: тажэрки, стул'йа, столы дельл* (Уф: Яр). *Тажэрки были в ызбах* (Уф: П) и др.

Интерес представляют неологизмы, созданные диалектоносителями на основе литературных слов: **скотоврач** (ветеринар): *Ветенар, или скътоврач которы нъзывайут, у нас вот был ветенар, дъ сплыл* (Куш: А). *Корова зъхворала, к скътоврачу надъ сходит'* (Бир: Пит), в

том же знач. *Скотный врач; фотографист* (фотограф): *Фьтърграфист снимат на картъч'ки* (Бир: Петр), в том же знач. *Съемщик*.

Говоря о таком качестве диалектных систем, как повышенная проницаемость, следует отметить способность легко включать в свой состав новые элементы, пришедшие из других систем. Эта тенденция связана с открытостью диасистем и отсутствием в них строгой нормативности, свойственной литературному языку и запрещающей необоснованное вхождение в систему новых элементов. В результате проницаемости диалектных систем происходит проникновение новых элементов, но это не ведет к интенсивному изменению системы, так как не происходит прямого вытеснения старого элемента, а наблюдается длительный период сосуществования старого и нового, диалектные системы не дают примеров быстрого перехода от старого к новому. Возможность длительного сосуществования старых и новых вариантов – одна из важных особенностей диалектных лексических систем.

ЛИТЕРАТУРА

Гросс Р.О. О соотношении языка и нации // Иностранные языки в школе. – 1970. – № 3.

Диалектологическая практика. Учебное пособие. / Сост. И.С. Лутовинова, М.А. Тарасова. – СПб., 2002.

Здобнова З.П. Диалектологический атлас русских говоров на территории Башкирии // Лингвоэтногеография. – Л., 1983.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. – Уфа, 2001.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М., 1989.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1-4 – Уфа, 1997-2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1-41 (издание продолжается). – М.-Л.: Наука. 1965 – 2007

© Курбангалеева Г.М., 2012

И.В. ЛАВКОВА

(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-31

ЛЕКСЕМЫ *СОБОРНОСТЬ* И *КОЛЛЕКТИВ* В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация: Анализируются изменения в сознании носителей современного русского языка, связанные с осмыслением семантического объема понятий, обозначаемых собственно русскими и заимствованными лексемами.

Ключевые слова: собственно русская лексика, заимствования, семантический объем понятия, *соборность*, *коллектив*.

Язык любого народа – это его историческая память, воплощенная в слове. Тысячелетняя духовная культура, жизнь русского народа отразилась в русском языке, в его устной и письменной формах. Однако в настоящее время в нашей речи появилось большое количество иноязычных слов. Явление заимствования в нашем языке не ново. XVIII век прошел под знаком преклонения перед немецким языком, затем французским языком, а в XX и XXI веке мы говорим о засилье английских слов. С одной стороны, процесс заимствований обогащает словарный запас современного русского языка, а с другой – иноязычная лексика вытесняет исконно русские слова, то есть происходит эффект «размывания» ментальных границ русского языка, например, *уважение* заменяется *респектабельностью*, *терпение* – *толерантностью*, *любовь* – *сексом*. Рассмотрим более подробно одну из таких лексических пар – *соборность* – *коллектив*.

Соборность – понятие, которое было введено русским философом А.С. Хомяковым: «Одно это слово содержит в себе целое исповедание веры. Соборность – единство органическое, живое начало, которого есть Божественная благодать взаимной любви» [цит. по: Губский 2003: 101]. Основным принцип Православной Церкви, писал Д.А. Хомяков, состоит не в повиновении внешней власти, а в соборности. В русской религиозной философии *соборность* понимается как «душа Православия» [Булгаков 1991: 145]. Первоначально данное понятие выводилось из принципа соборности Церкви. *Соборность* в христианской традиции понимается как церковное единение христиан в любви, вере и жизни. Христианская Церковь изначально строилась на принципах иерархического подчинения младших старшим. В дальнейшем

Христианская церковь распространялась и группировалась вокруг местных епископов, которые постоянно общались между собой, часто собирались для рукоположения новых епископов и для решения возникающих острых вопросов и проблем. Сакральный прообраз соборности – Троица. Поэтому соборность, основываясь на утверждении «Ты еси», в равной мере противостоит индивидуализму «я» и коллективизму, утверждающему безличное «мы».

В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указывается, что *соборность* образовано от заимствованного из церковнославянского языка слова *собор* (первонач. ‘собрание (духовенства)’), в конечном счете – калька греч. Συναγωγή), соотносимого с древнерусским *сбор* [Фасмер 1964-1973: 638]. В «Старославянском словаре (по рукописям X-XI вв.)» понятие *съборъ* имеет следующие значения: 1) ‘собрание’ (Да поидемъ оубо вьси на место вашемъ съборъ.); а) ‘общество’; б) ‘братство’; 2) ‘синод епископов’; 3) ‘синедрион’; 4) ‘синагога’. В древнерусском языке, судя по словарю XI-XVII вв., слова *сбор* и *собор* выступают как дублеты.

Первые попытки дифференцировать значения пары *собор/сбор* были предприняты в XVIII веке, при переходе от Средневековья к Новому времени. Затем в XIX-XX веках понятие *соборность* использовалось не только представителями религиозного сознания, но и эстетикой символизма в качестве одной из центральных системообразующих категорий. Однако *соборность* в истолковании символистов кардинально отличалась от *соборности* православной. Для В. Иванова понятие *соборности* связано с традициями тамплиерства, масонства, розенкрейцерства. Религиозный вектор советской литературы, направляемый доктриной коллективизма и верой «противоположной христианской» [Есаулов 1991: 176], определяется третьим этапом трансформации.

Словари этого периода дают разные определения понятия *соборность*. Так, в «Голковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *соборность* восходит к слову *собор* (*съборъ*) со значением ‘собрание, заседание чинов, от земли или от духовенства, для совету и решения важных дел’ (Государь царь и святой патриарх на соборъ съ бояры приговорили.) Как правило, указывает В.И. Даль, *съборъ* проводил соборянинъ или соборникъ, т.е. священник соборной церкви, отсюда *Вселенский съборъ, т.е. епископов, Поместный съборъ, т.е. духовенства земли или области, Чёрный съборъ, т.е. из одних монахов* [Даль 2000: 567].

В «Голковом словаре русского языка» Н.Ю. Шведовой *соборность* (книжная, церковная формы) – ‘публичное, общественное участие в чем-нибудь’, ‘обсуждение’ [Шведова 2008: 769]. Синонимами слова *собор-*

ность является слова *единство, общность*. Наряду с понятием *соборность* появился его гипероним – *коллектив* [Александрова 1975: 254].

Н.Ю. Шведова в «Толковом словаре русского языка» указывает на происхождение слова *коллектив* – от латинского *collectivus* ‘*сборный*’. *Коллектив* – ‘*группа людей, объединенных общими делами, общей работой*’ *коллектив* – ‘*относительно компактная социальная группа, объединяющая людей, занятых решением конкретной общественной задачи*’ (*коллектив трудовой, учебный, военный, спортивный*) [Шведова 2008: 654].

Синонимами слова *коллектив* являются слова: *набор, ячейка, команда, общественность, группа, товарищество, состав* [Александрова 1975: 112]. В «Философском энциклопедическом словаре» слово *коллектив* сравнимо со старорусским термином *собор* [Губский 2003: 458]. Понятие же *коллектив* возникло на основе слова *соборность*, но уже не с прямым значением ‘*собрание духовенства*’, а со значением ‘*собрание людей*’.

Таким образом, понятие *соборность* трактуется значительно шире, охватывая весь уклад жизни, комплекс морально-этических норм внутри сообщества.

Нами был проведен социологический опрос в трех группах. Задача опроса – проследить за изменениями понятийного объема исконно русских слов. I группа – учащиеся 10-11 классов ГУ ОШИ «Губернаторского многопрофильного лицея-интерната для одаренных детей Оренбуржья» г. Оренбурга. II группа – учащиеся V курса (специальность – учитель начальных классов) «Бузулукского педагогического колледжа» г. Бузулук. III группа – учителя русского языка и литературы Оренбургской области (Светлинский, Красногвардейский, Тюльганский, Сакмарский, Оренбургский, Соль-Илецкий районы). Респондентам необходимо было дать определение предложенным словам, указать стиль и частотность употребления данной лексической единицы в речи.

57 участников анкетирования (39,3 %) считают, что *соборность* – ‘*сообщность людей, группа*’. 32 респондента (22 %) отмечают, что указанное слово связано с церковью и дают такое определение – ‘*признак христианской церкви*’. 41 человек из участников анкетирования (28,3 %) не указали значения слова. Важно отметить, что при выборе стиля, к которому относится слово, у участников возникли затруднения: 69 респондентов (47,5 %) не смогли определить стиль. Остальные участники опроса отнесли слово *соборность* к официально-деловому и научному стилям. Все респонденты указали, что не употребляют данное слово в речи. 125 опрошенных (86,2 %) считают что *коллектив* – ‘*группа людей, объединенных общим интересом и делом*’. 14 участни-

ков отметили, что *коллектив* – ‘ячейка общества’. Все участники опроса отмечают, что слово *коллектив* можно использовать в разных стилях, а также то, что они активно и часто используют данную лексическую единицу. Таким образом, 73 респондента (50,3 %) различают *соборность* и *коллектив*, однако 38 % (41 респондент) относят их к разряду синонимов, выделяют в них дифференцирующий признак – ‘объединение людей’.

Осваивая и присваивая иноязычную лексику, мы присваиваем чужой строй мысли, не свойственный нашему народу, теряем исконно русскую лексику, а значит, и свои традиции, менталитет. В настоящее время в связи с активным употреблением заимствования *корпоративный* (реже – *корпоратив*) намечается вытеснение понятия *коллективный* (*коллектив*), при этом носители языка отчетливо различают значения слов.

Однако в настоящее время важно не только утверждать одно из важнейших качество богатого русского языка – его «семантическую избыточность» (А. Мартине), но и сохранить «духовное наследие родного русского языка и культуры живой русской речи» [Меньшенина 2009: 43-44].

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка // Под редакцией Л.А. Чешко. – М, 1975.

Булгаков С.Н. Православие. – М., 1991.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 2000.

Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск, 1995.

Меньшенина С.В. Слово и его духовно-нравственный потенциал // Альманах «Глинские чтения». – 2009. – Январь–июнь.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов // Под ред. Н.Ю. Шведовой, Л.В. Куркина, Л.П. Крысина. – М., 2008.

Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 25. – М., 2000.

Фасмер М.А. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. // Под редакцией Б.А. Ларина. – Т. 4. – М., 1964-1973.

Философский энциклопедический словарь // Под редакцией Е.Ф. Губского. – М., 2003.

© Лавкова И.В., 2012

М.А. МЕЛИХОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-31

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА СЛАВЯНИЗМАМИ

Аннотация: Описывается процесс метафоризации как универсальный способ пополнения словарного запаса национального языка. Анализируются тенденции, связанные с активизацией процесса метафорических преобразований славянизмов.

Ключевые слова: активный и пассивный словарный запас, семантические процессы в лексике, метафоризация.

Язык как система находится в постоянном движении, развитии, и самым подвижным уровнем языка является лексика. Словарный состав русского языка в процессе своего исторического развития непрерывно меняется, отражая все изменения, происходящие в жизни общества. При этом некоторые слова уходят из употребления или меняют свое значение, а некоторые, наоборот, расширяют сферу своего употребления. С этим связаны понятия активного и пассивного словарного запаса. В частности к пассивному словарному запасу принадлежит и большинство славянизмов – слов, пришедших в русский язык из богослужебных текстов, написанных на старославянском языке. Считается, что случаи, когда устаревшее слово, вышедшее из активного употребления, вновь возвращается из пассивного в активный лексический запас, чрезвычайно редки и возможны лишь в особых случаях. Но, несмотря на это, многие славянизмы, которые в период складывания национального русского языка сокращали свою употребительность, активно используются в современном русском языке, и произошло это благодаря действию метафорического переноса. Этим преобразованиям под действием процесса метафоризации славянизмы подверглись в XVIII в., и в современном русском языке мы можем наблюдать следствия этих изменений.

В донациональный период развития русского языка славянизмы активно использовались в книжной, письменной речи, и только к концу XVII в. они начинают выходить из активного употребления. Корен-

ные изменения, происходившие в XVIII в во всех сферах жизни русского общества, вкпе с внутриязыковыми тенденциями, идущими из прошлых процессов в развитии языковой системы, серьезным образом повлияли на словарный состав складывающегося языка русской нации. Для этого времени характерны как обогащение словарного состава языка за счет иноязычной лексики, так и сокращение его при выходе из употребления слов с южнославянскими по своему происхождению элементами. В сфере активного словарного запаса происходят семантические процессы сужения или расширения значений слов, а также переосмысления уже существующих значений. Из всех семантических процессов, характерных для того времени, можно особо выделить процесс метафоризации славянизмов, который «включал» их в активный словарный состав языка, несмотря на общую тенденцию к сокращению и даже выходу из употребления славянизмов. Метафоризация является универсальным средством пополнения языкового инвентаря – как лексического, так и грамматического.

Само обращение к метафоре, по мнению С.С. Гусева, изучавшего роль метафоры в науке и научной картине мира [Гусев 1984: 34], объясняется не интеллектуальным бессилием человека, а тем, что она способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности, образов или символов. Другими словами, метафора способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. Метафора является одним из основных приемов познания объектов действительности, их наименования. Р. Хофман – автор ряда исследований о метафоре – писал: «Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [Хофман 1985: 327].

Если фокусом метафоры является не существительное конкретно-го значения, а глагол, прилагательное или абстрактное производное (признаковая метафора), то лежащее в основе метафоры свойство уже не имплицуруется словом, а прямо им обозначается. Метафора в этом случае в основном работает на значение слова, которое мало чем отличается от соответствующего понятия. Именно такие метафоричные значения развиваются у славянизмов в XVIII веке. В кругу славянизмов «метафоризация служит в основном формированию новых отвлеченных значений, относящихся к области духовной, творческой деятельности человека, общественной деятельности, в меньшей мере (для славянизмов) она является средством формирования характеризующих значений» [Копорская 1988: 5].

Процесс метафоризации славянизмов был одним из самых частотных способов образования новых отвлеченных значений в старославянском и церковнославянском языках. Славянизмы, которые функционировали в русском литературном языке нового времени, имели разветвленную сеть метафорических значений, и именно поэтому они обладали большим потенциалом для дальнейшего существования и развития в рамках активного словарного состава языка. Также довольно значительное количество славянизмов получает новые метафорические значения. Примером может служить семантическое развитие слова *гражданин*. В старославянском языке оно имело прямое номинативное значение «*житель города («града»), горожанин*». Такие значения отмечаются в «Словаре русского языка XI-XVII вв.»: «*член городской общины; горожанин*»; в «Полном церковно-славянском словаре Григория Дьяченко»: «*городской житель, обыватель*»; в «Словаре русского языка XVIII века»: «*житель города, горожанин*». *Зависть и ненависть, тѣж самыя и между крестьянами, какия бывают между гражданами; но как крестьяне чистосердечнѣ городских жителей, то сии пороки скорѣе в них примѣтны бывают.* (Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки).

В XVIII веке происходит резкое сокращение употребительности слова *гражданин* в номинативном значении. Чаще оно начинает употребляться в образном расширительном значении: от указания на принадлежность лица к городской общине до принадлежности к какому-либо обществу или государству. В «Словаре русского языка XVIII века» у слова *гражданин* отмечено следующее метафорическое расширение значения: «*член общества, народа, состоящего под одним общим управлением, подчиненного общему для всех закону*». *Собрание граждан именуется народом* (Радищев). Из данного примера мы видим, что слово *гражданин* обозначает не просто жителей города, а объединяет в себе всех лиц, являющихся жителями государства. При этом в XVIII в. данная лексема, употребляемая преимущественно в переносном значении, перестает восприниматься говорящими как старославянизм, несущий дополнительную стилистическую окраску, становится стилистически нейтральной и входит в активный словарный запас, что отмечается в «Словаре русского языка XVIII века» специальной пометой «*Слав. → Нейтр.*».

В современном русском языке, судя по данным «Голковского словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, слово продолжает употребляться в переносном значении «*лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся*

его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей). При этом именно синтезирующий характер процесса метафоризации помог слову расширить свое употребление; на сегодняшний день, несмотря на общую тенденцию к сокращению употребительности славянизмов, лексема *гражданин* продолжает существовать в русском языке, входит в активный словарный запас и не воспринимается говорящими как нечто чужеродное и несвойственное для языковой системы.

Самой распространенной тенденцией для славянизмов, развивших метафорическое значение, является постепенное угасание прямого значения и актуализация и дальнейшая эволюция метафорического значения. Например, слово *иго* имело в донациональный период развития русского языка множество прямых номинативных значений: 1. *То, чем связывают, скрепляют что-л.; узда.* 2. *Хомут, ярмо.* 3. *Шея.* 4. *Ноша, поклажа* (по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.»). Но уже в это время в библейских текстах оно использовалось в переносном значении «*бремя, ноша забот, обязанностей, непосланных выше*». Например: *Рече господь: иго мое помазано есть и бремя мое льгко, что ли блаженнее доброхвальна уста носити.* (Изборник Святослава 1076 г.) В «Словаре русского языка XVIII века» сохраняется исходное прямое значение «*ярмо*», которое вытесняется новым значением «*бремя, тяжесть*». При этом произошло вытеснение прямого значения переносным, при этом слово в новом значении также теряет стилистический статус славянизма и становится в современном русском языке стилистически нейтральным. Именно свойство механизмов метафоры сопоставлять, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира, абстрактных терминов и понятий.

Итогом процесса метафоризации, изживающим метафору, является категории языковой семантики – признаковые значения, при этом метафора в современном русском языке как бы «стирается», то есть не ощущается говорящими как нечто необычное, выходящее за рамки прямых номинативных значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.
Гусев С.С. Наука и метафора. – Л., 1984.
Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 1899.

Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. – М., 1988.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-27. – М., 1975-2006.

Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1984-2009.

Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2001.

Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science. – In: The ubiquity of metaphor. – Amsterdam, 1985.

© Мелихова М.А., 2012

О.Ю. НИКОЛЕНКО

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-31

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА РОДСТВА

Аннотация: Исследуются различные ипостаси и языковая репрезентация феномена родства, определяются задачи по изучению данного феномена с точки зрения антропоцентрической лингвистики.

Ключевые слова: терминология, лексика родства, концепт, метафора, представления, синкретизм.

В силу своей многоплановости феномен родства в разных аспектах может быть объектом изучения разных наук: биологии (генетики), социологии, юриспруденции, генеалогии, этнографии, психологии, культурологии, лингвистики и даже математической логики.

Феномен родства имеет сложную природу: биологическая основа кровного родства и социальная природа родства брачного в современном обществе дополняются юридическим, духовным и ритуальным компонентами, закрепляющими «не-родство» (не кровное и не брачное) в статусе родства. Кроме того, биологическая и социальная природа родства и брака понимается разными народами различно, в соответствии со сформировавшейся этнокультурной спецификой (полигамия и моногамия, групповой брак, родовая община, нуклеарная семья и т.д.). Но не только структура общества и характер родственных связей и отношений как таковые, но и «их культурное осмысление, их ритуальное оформление, их содержание и оценка, их место в том, что принято называть традиционной картиной мира» [Толстая 2009: 7], являются индивидуальными для каждой общественной формации.

Таким образом, можно выделить несколько уровней родства, определяемых разными факторами:

- кровное родство – связь между людьми, обусловленная общностью происхождения одного лица от другого (прямая линия) или нескольких лиц от общего предка (боковая линия); это «эталонное» родство, заданное природой;
- брачное родство, или свойство – отношения близости, возникающие в результате брачной связи; это социальное родство, определяемое принятой в обществе формой брака;

- юридическое родство – приравненные к кровному родству отношения между неродственными людьми, закрепленные юридически (усыновление); определяется общественной нормой права;
- духовное родство – приравненные к кровному родству отношения, возникшие в результате церковного обряда крещения; определяется церковью;
- ритуальное родство – отношения, возникшие вследствие ритуала (родство по пище, молочное родство, побратимство, братство по кораблю и т. д.); определяется социальной группой;
- психологическое родство – сближение или отдаление родственных / неродственных людей на основе их личностных отношений (приближение и отдаление родства, шуточное родство и т. д.); определяется отдельным человеком, его.

Формирование такой сложной структуры происходило постепенно. Первичное представление о родстве, вероятно, носило синкретический характер и являлось одним из способов объяснения мира. Это первопонятие родства охватывало не только отношения человека с другими людьми, но с природой, с Космосом, о чем свидетельствуют мифы. Последовательное наполнение лексической группы родства отражает процесс формирования у человека отдельных ментальных категорий, в том числе и категории «его» («я», «личности», «персональности»). В основе терминологии кровного родства лежит осознание объективной биологической связи между объектами, которое происходит постепенно. Так, мать ребенка всегда была известна в силу естественных причин, в отличие от отца, потому формирование термина *мать* происходило, вероятно, быстрее. Однако на формирование термина могло оказывать воздействие не только разнотемповое осознание биологического родства, но и осознание социальной функции особи – биологического родственника. Например, в определенную эпоху социальная функция матери классифицировала ее по отношению к ребенку наравне с ее сестрами – тетками ребенка. Поэтому мать и сестра матери назывались в ту эпоху одинаково. Таким образом, биологическое родство связано с родством социальным, определяемым, в первую очередь, формой брака (Л.Г. Морган, Р. Лоуи, У. Риверс, А.М. Золотарёв). Наиболее древней формой является групповой смешанный брак, прямым следствием чего была невыясненность отцовства. В таких условиях отцами особи на полных правах могли считаться как собственно возможный биологический отец, так и все его братья, даже все отцы отцов, а потому они назывались общим для класса старших мужчин классифицирующим термином. С возникновением малой индивидуальной

семьи и более четким осознанием личного родства складывается описательная система, в которой разные лица называются индивидуальными терминами. Так, термином *отец* в славянских языках называют только кровного родителя, хотя в материальном отношении слово *отец* является продолжением древнего названия представителя класса старших мужчин. Действующая в современных индоевропейских языках, в том числе и в русском, описательная система родства разграничивает то, что не было существенно в древности. В дальнейшем с развитием различных общественных институтов формируются и другие виды социального родства, в разной степени и в разных направлениях отступающие от прототипической модели кровного родства, которая служит для них эталоном. Современное понимание родства дополняется субъективным осознанием личного родства: на первый план выходит родство духовное, психологическая близость, но не биологическое родство или свойство, установленное современным институтом брака.

Именно сложность и длительность формирования структуры самого феномена родства, сочетающего элементы объективные, заданные природой, и субъективные, устанавливаемые обществом и человеком, служит причиной многочисленных споров между исследователями родства об объеме предмета изучения и подходах (Н.А. Добронравин, Г.В. Дзибель). В частности это касается этнографических исследований, занимающихся *системами родства* у разных народов. Непонимание возникает вследствие того, что при оперировании одними и теми же элементами формальной оболочки (терминами родства и сопряженными с ними лексическими единицами) исследователи феномена родства в содержательном отношении опираются на разные стороны этого явления. Появилась необходимость разграничить объекты исследования (в том числе и терминологически) в лингвистическом, культурологическом и этнографическом смыслах (Н.А. Добронравин, А.А. Бурькин; Г.Р. Добрава). Отдельного внимания заслуживает и терминология на основе лексики родства других гуманитарных наук: социологии, демографии, психологии, правда, каждая из которых имеет свой объем и набор дифференциальных признаков. Развитие научно-естественного знания привело к изменению представления о природном родстве, например, возникла дифференциация *генетическая (биологическая) мать – суррогатная мать – мать*. Таким образом, каждая научная область, изучающая феномен родства, вырабатывает свой подход и свою систему описания, что приводит к дифференциации знаний о родстве.

Но в то же время назрела необходимость описания концепта родства в его языковой репрезентации с учетом развития понимания род-

ства в отдельных областях человеческого знания и его синтетического представления в сознании носителя языка. Именно такое синтетическое представление является основой для современного понимания феномена родства. Именно такое синтетическое представление и является концептом родства в сознании всех русскоговорящих, выступает ядерной частью общего знания о феномене родства.

Первое, лежащее на поверхности и достаточно успешно разработанное, традиционное лингвистическое направление – изучение языковых единиц и форм выражения феномена родства в их семантическом, этимологическом, функциональном смысле, выявление структурных, словообразовательных связей между ними, исследование устойчивых сочетаний и т. д. Однако известно, что на основе одних и тех же языковых фактов можно прийти к разным выводам. Так, при анализе индоевропейских праформ терминов родства количественная недостаточность терминов, называющих родственников со стороны женщины, породила мысль, что индоевропейцы не знали матриархата, но обращение к внеязыковым фактам позволило объяснить именно существованием матриархата «многочисленные сдвиги в древнейших пластах основного словарного фонда индоевропейских языков, в частности в родственной терминологии» [Исаченко 1984: 96]. Комплексность подхода принципиально поддержал О.Н. Трубачев в своем фундаментальном исследовании истории славянских терминов родства [Трубачев 1959].

В первую очередь изучение языковой репрезентации феномена родства должно опираться на этнокультурные исследования систем родства. Процесс взаимодействия исследований по лексическому наполнению категории родства (как лингвистическая деятельность) и исследований фактов истории общественно-социального развития (как экстралингвистическая деятельность) двусторонний: исследование лексики дает материал и доказательства для исследований социально-исторических процессов общества и наоборот. В связи с этим особенно актуальной представляется мысль о переходе языкознания от системноцентризма к антропоцентризму. Безусловно, необходимо большее внимание к человеческому фактору в языкознании, а исследования по системной организации языка должны сопровождаться культурологическими, социологическими, когнитивными, психологическими изысканиями.

Можно определить некоторые задачи по изучению феномена родства с точки зрения антропоцентрической лингвистики.

Когнитивное направление связано с изучением и описанием структуры ментально-языкового концепта «родство» в его слоистой структуре. Сопоставительное изучение терминологии родства и языко-

вой репрезентации концепта «родство» в разных языках должно привести, по мнению исследователей данного направления, к пониманию общего и частного в осознании феномена родства разными народами и, вследствие этого, уточнить структуру национального концепта. Это обближает сопоставительные исследования с этнолингвистическими.

Этнолингвистическое направление связано с описанием триады: языковые формы (вся лексика и фразеология, относящаяся к родству), фольклорные формы (мотивы и сюжеты, связанные с отношениями родства, их состав и структура, их символика и функции) и ритуальные формы (обряды установления родства или изменения родственных отношений, их типология и функции), на основании которых должна быть реконструирована общая семантика, символика и аксиология родства [Толстая 2009: 9].

Представление о родстве, или концепт родства, в языковом сознании является неким универсальной кодом, формулой, моделью, синтетическим знанием, экстраполирующимся на все области жизни. Это проявляется в переносе представлений о родстве (метафорах родства) на различные явления и объекты действительности и на типы отношений: например, в терминологии – *языковое родство, родство гармонии в музыке (родство тональностей)*; в политическом дискурсе – *батька Лукашенко, СССР – «старший брат»* и т.д.. Отдельные имена родства становятся базой для метафорической семантической деривации (*отец* «основатель», *дед* «старослужащий», *мама-папа* «разъемы» и т.д.). Вероятно, именно в изучении этих метафор кроется один из возможных путей решения вопроса о смысловом наполнении концепта.

Однако сам концепт родства и родственных отношений в целом и в своих значимых частях часто предстает как метафора, например, *род, семья* (как одна из форм реализации родства) – *человеческий организм (своя кровь – «родня», голова-глава семьи, колено – горизонтальный срез родственников, степень родства, др.-рус. кость «род, племя», др.-рус. мизинец – «младший сын»)* и *род, семья – растение (корни родства, ветви генеалогического древа, семя – «потомство», отпрыск – «ребенок», племя, племянник – генетически родственное слову плод)*. Как отмечает С.М. Толстая, связь понятий родства с этими двумя лексическими сферами (соматизмы и фитонимы) не случайна, она отражает в первом случае антропоцентризм традиционной картины мира, выражающей социальные понятия на языке человеческого тела; во втором – «биологизм», обращение к растительному (вегетативному) коду для обозначения социальных отношений [Толстая 2009: 11].

Таким образом, древнее синкретическое представление о родстве как одном из законов мироустройства находит отражение и в универ-

сальной метафоре родства и в метафорическом представлении о самом родстве.

Лингвистическое изучение эволюции концепта родства от древнейшей синкретической формы до современного универсального синтетического знания должно выявить динамику содержательной и формальной стороны языковых фактов, лингвистическая интерпретация которых должна сопровождаться внелингвистическим комментарием.

ЛИТЕРАТУРА

Бурькин А.А. Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства? // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 5. – СПб., 2000.

Доброва Г.Р. Основные современные лингвистические и психолингвистические подходы к изучению терминов родства // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вып. 1 // scilance.com/library/book/39321.

Добронравин Н.А. Родство как оболочка и поиск скрытых смыслов (от политологии до лингвистики и права) // Антропологический форум. № 14. Онлайн. // www.anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/dobronravyn.pdf.

Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. – СПб., 2001.

Исаченко А.В. Индоевропейская и славянская терминология родства // Isačenko A.V. Opera selecta. – München, 1984.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. – М., 2009.

Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 1959.

© Николенко О.Ю., 2012

Л.Г. ПОПОВА

*(Московский гуманитарный педагогический институт,
г. Мичуринск, Россия)*

УДК 81'37
ББК Ш103

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СЛОВ

Аннотация: В рамках изучения проблемы соотношения языка и культуры рассматривается проявление лингвокреативной деятельности социума, проявляющейся в пословичном фонде немецкого языка.

Ключевые слова: язык и культура, лингвокреативная деятельность, пословицы, языковая ситуация.

Понятие «языковая ситуация» применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это состояние социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования [Кругосвет. Электронный ресурс]. Беря во внимание современную языковую ситуацию, например, Германии, можно в рамках статьи поразмышлять о возможности соотнесения языковой ситуации и лингвокреативной деятельности человека.

Как отмечает З.К. Сабитова, живое слово обязательно является чьим-то, тем более, культурно нагруженное слово. Оно несет отпечаток своего «автора», его видения, духа. Источником лингвокреативной энергии этих единиц является «дух народа». Значит, изучение языковых единиц, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности позволит решить важнейшую и нелегкую задачу «возвращения человека в лингвистику на подобающее ему место» [Сабитова. Электронный ресурс].

Рассмотрим самые древние возможности проявления лингвокреативной деятельности человека в виде немецких пословиц, сравним возможности их применения в современной жизни Германии. Но вначале следует упомянуть замечание Н.Ф. Алефиренко об образах, передаваемых фразеологическими единицами языка. Лингвист пишет, что образ – это целостное, но неполное представление некоторого объекта, образ является систематизированным образованием. Это не фотография действительности, а отражение представления некоего субъекта об определенном феномене действительности. Для образа характерна

различная интерпретация в зависимости от социокультурного контекста [Алефиренко 2010].

Проанализируем и выясним набор образов, которыми располагают современные немецкие пословицы при оценке роли матери и отца в жизни человека.

В немецких пословицах в одинаковой мере прославляются и высоко ценятся материнская любовь, материнская доброта и сердечность. Ср.: *Mutterliebe ist immer neu. Mutterliebe altert nicht.*

Das Mutterherz ist immer bei den Kindern.

И материнская любовь, и доброта приобретают образ вечности (immer), акцентируя их постоянство. Что касается приемных матерей, то в немецком языке в виде пословицы отражается мнение о невозможности найти замену матери:

Eine Mutter kann man verlieren, aber nicht finden.

И данная пословица демонстрирует присутствие образа вечности.

О похожих чертах матери и дочери говорится в немецких пословицах. Ср.:

Wie die Mutter, so die Tochter.

Пословица подчеркивает наличие образа преемственности поколений, когда говорят о дочери, а вспоминают ее мать.

В немецком языке существуют пословицы, характеризующие отца. Как и в случае с матерью, в немецких пословицах говорится о любви отца к детям, о существующей преемственности между отцом и сыновьями, например:

Jeder Vater lobt sein Kind.

Wie der Vater, so der Sohn.

Des Vaters Schritte sind des Sohnes Tritte.

Следовательно, в немецких пословицах при характеристике родителей мы встречаемся с отражением образа вечной любви, преемственности поколений, где представлена ассоциация следов и шагов от одного поколения к другому, образа кровного родства матери и детей, их кровной связи.

И в этой связи может возникнуть вопрос о том, как сочетается этот ряд образов и лингвокреативная деятельность носителей языка. Вероятнее всего, и образ шагов, и образ следов для передачи значения преемственности поколения первоначально принадлежал какому-нибудь определенному человеку. И данная языковая находка оказалась весьма удачной, она прижилась в языке и осталась в культурной памяти пословичного фонда языка.

Поэтому можно сказать о том, что связь между культурной памятью слов и лингвокреативной деятельностью людей существует, так

как оба эти понятия связывает культура, находящая свою постоянную связь с языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. – М., 2010.
Сабитова З.К. Лингвокреативная энергия единиц языка и культуры. –
Электронный ресурс: <http://www.proza.ru/2009/12/19/156>.
Энциклопедия Кругосвет. – Электронный ресурс: <http://www.krugosvet.ru/node/39415?page=0,3>.

© Попова Л.Г., 2012

А.Е. СЕМЕНОВ

(Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия)

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-21

КОНЦЕПТ «НЕБО» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ: МЕТОДИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация: Исследуются языковые средства объективации концепта *небо* на материале лексических и фразеологических единиц с учетом их частотности, развития семантики, сочетаемостной валентности и контекстов употребления.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле концепта, национальная картина мира, русское языковое сознание.

В последние десятилетия лингвистическая наука активно развивается в рамках новой научной парадигмы, получившей название когнитивной. Возникновение лингвокогнитологии привело к широкому использованию в лингвистических исследованиях термина *концепт*. Проблема изучения художественного и текстового концептов рассматривается в работах многих современных лингвистов (М.Р. Проскуряков, В.В. Красных, И.А. Тарасова, Л.В. Миллер).

Несмотря на приоритетное внимание современного гуманитарного знания к проблемам когниции и повышенный интерес к анализу концептов через их языковую реализацию, системнообобщающих работ, посвященных анализу концептосферы «Небо», в русистике достаточно мало. Это определяет актуальность избранной темы.

Исследование языковых средств объективации концепта «Небо» проводилось нами в единстве плана языкового выражения и содержательной интерпретации: как со стороны лексической репрезентации, так и со стороны семантического преломления. Характер языковой эксплицированности концепта рассматривался на материале лексических единиц различного категориального статуса (существительные, глаголы, прилагательные, наречия), денотаты которых содержат соответствующие концептуальные признаки. Кроме этого, материалом для исследования послужили фразеологические единицы русского языка.

При анализе ядра концепта определение ключевой лексемы осуществлялось на основе различных критериев, включая частотность употребления, степень абстрактности значения, общеизвестность и др. Анализ этимологических источников позволил проследить процесс

развития и становления современного семантического наполнения ключевой лексемы и уточнить его состав.

Выявленные ядерные и периферийные семантические компоненты составили основу для построения лексико-фразеологического поля ключевой лексемы концепта «Небо», поиска и группировки его номинативных реализаций в виде лексем, их синонимов, антонимов, фразеологических единиц. Дальнейшее выявление семантических признаков концепта проводилось путем анализа лексической сочетаемости экспликантов концепта и контекстов их употребления.

К ядерной части лексико-фразеологического поля концепта «Небо» были отнесены лексические единицы, употребляемые в прямом значении, обладающие высокой частотностью, наиболее общие по значению, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных ограничений и с минимальной зависимостью от контекста употребления.

Проанализировав терминологию, можно сделать однозначный вывод о том, что в большинстве источников понятие *небо* понимается как пространство над Землей (в данном случае – наименование небесного тела – планеты) или поверхностью любого другого астрономического объекта. В целом небом обычно называют панораму, открывающуюся при взгляде с поверхности Земли (или другого астрономического объекта) в направлении космоса.

Национальную картину мира можно понять через ключевые слова языка. Это значит, что в определенных словах могут отражаться некоторые особенности самобытной культуры народа. Анна Вежицкая пишет о том, что «значения слов разных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях), что они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества (или языковой общности), и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры».

Для того чтобы определить, является ли слово одним из ключевых слов некоторой культуры, необходимо установить, что данное слово общепотребительно, часто используется в какой-то одной семантической сфере, часто встречается в пословицах, изречениях, в названиях книг и т. д. К числу таких ключевых слов в русском языке, несомненно, можно отнести слово *небо*.

Небо в большинстве языков является одновременно обозначением мира облаков и созвездий, места пребывания богов либо Бога и его «небесного войска» и одновременно местом свободного проживания избранных умерших людей. Это понятие «смешивает» метеорологические, астрономо-астрологические и теологические наблюдения и раз-

мышления с идеями возникновения космоса. Мифы о сотворении мира в большинстве древних культур рассказывают о доисторическом единстве неба и земли либо в смешанной форме типа Хаоса, либо в виде полового объединения Небесной женщины с Земным мужчиной, много позже вышедших друг из друга для создания места для воздуха и людей. Небо было главным объектом религиозного наблюдения, потому что сверху летает свет, дарующий жизнь. Оно часто являлось символическим выражением самого божества.

Часто *небо* рассматривалось как прочный купол (твердыня), где обитают боги созвездий, наблюдающие сверху за людьми, чтобы всякий раз в зависимости от их поведения насыпать плодотворный дождь, облака, засуху либо молнию. В Библии оно олицетворяется с божественным тронном, на который возвращается Христос после своего воскресения. Библия представляет это так: небо, подразделенное на ярусы (евр. Шамайим, множественное число), смыкающиеся куполами над земным шаром. На ярусах обитают различные иерархии ангелов, о чем писал Дионисий Ареопагит (ок. 500 г. н.э.).

Понятие *небеса* (как дериват лексемы *небо*) в Западной Европе, хотя часто и заменяется земными атрибутами, которые остаются очевидными, но при этом признается, что познанная на Земле красота дана свыше и, прежде всего, является потусторонней конечной целью земных скитальцев.

Представления о Небе, их роль и значение для различных социальных и религиозных групп менялись с течением времени, и многие из них сегодня уже не являются актуальными. Однако изучение соответствующих концептов невозможно без учета исторически сложившихся взглядов, поскольку они до сих пор влияют на повседневную жизнь через суеверия, легенды, религиозные верования, сказки, мифы и т.д.

В мировой мифологии антропоморфические представления выразились в том, что Бог создал мир, различные части вселенной, из нижней части – Землю, а из верхней – Небо. Это привело к выделению трех сфер – земной, небесной и подземной. Представление о верхнем и нижнем мирах в мифологической модели легло в основу семантической оппозиции «вверх – низ», сюда относятся все мифы о верхней и нижней сторонах вещи, явления, поступка. У славян оппозиция «вверх – низ» была связана с мифом, повествующим о борьбе Перуна (живущего сверху – на небе, на вершине Мирового дерева) и Велеса (обитателя нижнего мира, «скотьего бога», стада которого – души умерших). Данная оппозиция нашла отражение в целом ряде фразеологизмов: *опуститься с неба на землю, витать в облаках*.

Следует отметить, что в русском языке некоторые фразеологизмы, включающие слова *земля* и *небо*, являются синонимичными: так, в значении «внезапно, неожиданно появиться» употребляются выражения *как будто, словно, точно из-под земли вырасти* и *как с неба свалиться*. Последнее имеет еще два значения: «не понимает того, что очевидно, что понятно всем»; «неожиданно получен, найден». В значении «бесследно, неожиданно исчезнуть, пропасть, потеряться» используются устойчивые выражения *как сквозь землю провалиться* и *растают в небе*, однако последнее не применимо к человеку. Фразеологизм *терять почву под ногами* семантически сближается с выражением *остаться под открытым небом*: в обоих случаях значение связано с неустойчивостью положения человека. Выражения *достать с неба звезду* и *достать из-под земли* объединены общим значением «добыть что-то ценой любых усилий; сделать невозможное».

Для русского языкового сознания, как уже говорилось, характерно противопоставление земли небу как жизни обыденной, материальной – жизни духовной, запредельной. «Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба», – писал Л. Толстой.

Противопоставление земли небу отражается в антонимических отношениях некоторых фразеологизмов: *витать в облаках – твердо стоять на земле (на ногах)*; *быть на седьмом небе (от счастья) – опускаться с неба на землю*; *небесная любовь – земная любовь*; *небесные (высокие) чувства – приземленные чувства*; *смотреть на звезды – смотреть под ноги, в землю*.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.

Захарова Г.А. Понятие «фрейм-концепт» в современной когнитивной лингвистике // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: материалы Междунар. науч. конф. 30 сент. – 2 окт. 2004 г. – Астрахань, 2004.

Красавский Е.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград, 2001.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность: Монография. – М., 1998.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2.

© Семенов А.Е., 2012

М.А. ХАРЛАМОВА, Н.С. САФОНОВА

(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия)

УДК 811.161.1'28
ББК Ш141.2-5

МУЖУ СЕСТРА ЗОЛОВУШКА (О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ В ГОВОРАХ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ)

Аннотация: Исследуется вербализация одного из базовых концептов русской языковой картины мира (концепта *женщина*) сквозь призму процесса номинации в говорах позднего заселения. Учитываются показания языкового сознания, зафиксированные в метатекстах и отражающие рефлексии носителей говоров над используемыми номинациями.

Ключевые слова: концепт, лексико-семантическая группа, термины родства, языковая картина мира.

Одним из ключевых концептов любой культуры является концепт ЖЕНЩИНА. Он представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителя социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основе ролей, выполняемых женщиной в обществе. Образ женщины представляется неотъемлемой частью русской языковой картины мира и непосредственно связан с базовыми концептами ДОМ, СЕМЬЯ, присущими любой культуре.

Являясь говорами позднего заселения, говоры Среднего Прииртышья представляют собой сложную разнородную структуру, определяемую особенностями освоения и заселения региона [Садретдинова 1999, Харламова 2007]. В центре нашего внимания – вербализация концепта ЖЕНЩИНА сквозь призму процесса номинации в говорах Среднего Прииртышья.

Лексико-семантическая группа *родства* является объектом пристального внимания лингвистов, так как она обладает рядом качеств, которые позволяют считать ее одним из самых удобных объектов для анализа: во-первых, это древность происхождения, во-вторых, строгая системность и построение по принципу терминологических полей.

О.Н. Трубочёв и В.В. Колесов подробно описали термины родства в этимологическом аспекте. О.Н. Трубочёв выдвинул идею изначальности «идеологии рода» у славян [Трубочёв 2002]. Издавна особая роль на Руси отводилась женщине. Она занималась домом, хозяйством, семьей, детьми, на плечах женщины лежало соблюдение обрядов и обычаев. Значимость роли женщины, матери, хранительницы до-

машнего очага подтверждается более ранним возникновением наименований родства по женской линии. Это объясняется и тем, что для славян чрезвычайно важным было определить пределы *своих* (именно женским было пространство *дома*; *дом* всегда *свой*). Мужские наименования родственников подстраивались под ряд женских. Так, например, слово *свёкр* – только производное от *свекры*, довольно позднее у славян, как объясняет В.В. Колесов [Колесов 2000: 36]. К тому же древнее происхождение таких наименований, как *золовка* и *свекровь*, подтверждается их принадлежностью к грамматическому склонению имен существительных на **ŭ* (**svьkry*, **zьly*) [Фасмер 1987: 2, 103; Фасмер 1987: 3,572].

Древность происхождения наименований женщины и важность ее роли в идеологии славян подчеркивается и релевантностью этой группы в современных говорах, бытующих на территории Среднего Прииртышья.

Совокупность номинаций терминов родства по *женской линии*, полученная в ходе анализа, оказалось возможным разделить на три лексико-семантические группы. Первую группу условно можно назвать номинациями *родственных отношений*, вторую – составили наименования *родственно-социальных отношений* и третью – *социальных отношений*. В лексико-семантической группе *родственно-социальные отношения* вычленяется подгруппа *некровное родство*. Эта группа имеет наиболее пестрый состав. Функционирование данных лексем в говорах Среднего Прииртышья включает их в парадигму номинаций *свойства*, то есть родства не кровного, а «приобретенного», присвоенного в результате социального взаимодействия.

В группе *некровное родство (свойство)* находит отражение такое явление, как интерференция. Интерференция – частичное освоение говором (или языком) языковой единицы и включение ее в уже имеющиеся смысловые отношения [Баранникова 1972: 88] Так, в эстонско-русском говоре функционируют лексемы *минеас* 'сноха' и *мегеemia* 'свекровь'. Данные языковые единицы употребляются носителями говора наряду с общерусскими *сноха*, *свекровь* в разговоре с интервьюером как реакция на вопрос:

Минеас? минеас эта снаха // (г. Тара, Тарский р-н, Блум М.П., жен., 70 лет, 4 кл., рус.-эстон., 2007);

Мегеemia / мать мужа // (г. Тара, Тарский р-н, Блум М.П., жен., 70 лет, 4 кл., рус.-эстон., 2007).

Но при разговоре между собой, в своей семье, с родственниками (*свое* пространство) носители говора пользуются данными единицами, не прибегая к толкованию, интерпретации. Полагаем, что это свиде-

тельствует, во-первых, о психологическом и соответственно языковом разграничении *своего* (где употребляется *минеас, мегеемя*) и *чужого* (где функционирует *сноха, свекровь*) пространства, а во-вторых – о рефлексии диалектоносителя по поводу недостаточной освоенности эстонских лексем окружающими русскими старожильческими говорами. Большое значение поэтому приобретает наличие метатекста: без толкования носителя говора была бы невозможна коммуникация. Пояснительные слова реципиента имеют ценность и для лексикографа.

Следует обратить внимание на своеобразные цепи словообразования и стилистическую окраску суффиксов в группе *некровное родство*. Выстраиваются следующие словообразовательные цепочки: *жена, жёначка жёнушка; свекровь, свекровка, свекровушка, свекруха; золовка, золовушка*. Кроме того, группу разнообразит и наличие грамматических вариантов: *свекровь – свекрова*.

Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов выполняет часто экспрессивную функцию, как и в литературном языке, однако в исследуемых говорах роль суффиксов может быть иной: они часто не несут никакой коннотации, и лексемы, в состав которых входят данные суффиксы, оказываются нейтральными. Так, суффикс *-к-* не имеет пренебрежительной окраски в номинациях *свекровка, золовка* (ср. помета *прост.* в [Словарь 4:40]) в следующих диалектных высказываниях:

Роботала на-складе // как бомбили / усё летал / хотел фсё мост разбомбил // то-я ни-уходила // со-свёкром / со-свекровью / с-золовкой фсё ходим // (с. Орловка, Марьяновский р-н, Фролова (Ярмышенкова) А.Д., 87 лет, новосел., 2005);

А-што патирали / палавина патирали // калека зделалась / три залофки... никто замуш ни-взял / ни-сасватал / никаво // (д. Муромцево, Муромцевский р-н, Желтякова М.И., 90 лет, старожил., 2003);

У-миня иконы мален'киш ес'ть // верую нимнога в-бога // у-миня свикрофка саишына мать верила / я нимнога тожы верую // (д. Воскресенка, Калачинск. р-н, Кадермас Г.У., жен., 63 г., рус.-укр., 2004);

Мы дружыли с-парнем / он гаварит што / а-ужэ свикрофка мая гаварит эта-жэ па-закону // ((г. Тара, Тарский р-н, Блум М.П., жен., 70 лет, 4 кл., рус.-эстон., 2007);

Дак молодой картошки поткапать пойдёт свикроўка // (с. Придорожное, Нижне-Омский р-н, Пилипенко М., жен., 72 г., рус.-укр., 2002).

У суффикса *-ушк-* в русском языке можно выявить несколько значений: 1) уменьшительно-ласкательное, 2) ироническое, 3) пренебрежительное. Однако некоторые диалектные высказывания не дают возможности четко выявить коннотативные смыслы суффикса в исследуемых говорах:

А-ужэ питнацыть лет пириехали мы асталася была свекровушка и-свекровушкина систра ну-с-члавек пять-ли ишэь была // (с. Седельниково, Седельник. р-н, Груздева Е.С.(Крюкова), 88 л., новосел., (?), 2005);

Я свякровушку захранила / потом миня аставили с-рябёнком беременну // Мне зделали апирацию // (д. Сыщиково, Седельниковский р-н, Фомина А.В., 87 л., (?), смеш., 2006);

Мне вос'мис'т второй год идёт // Моя золушка мому мужу систра тожа в-Омским живёт // а-муж мой умер-уж // (д. Красный Яр, Большереченский р-н, Бубнова Т.Г., 82 г., (?), старожил., 1996);

Задумал брацы я жаница / сибэ жонушку нашо // (д. Лебединка, Седельниковский р-н, Азарова Н.И., 71 г., (?), рус.-белорус., 2004).

Явно одобрительная оценка передается с помощью суффикса *-чек-* и смыслом всего высказывания в целом:

Ана у-миня два сына / счичяс / на-нифтизаводи работаит и дви^е дочирц <...> а дети маи сваих жоначек ни-разу ани ни-слыхали што ани ни-матиряца нет / (с. Крутинка, Крутинский р-н, Куянова Ф.С., 84 г., 4 кл., старожил., 2006).

У суффикса *-ух-*, как известно, в литературном языке отмечается пренебрежительное значение, в нашем материале затруднительно определить его семантику:

[А к теще на блины ездили на Масленицу?] – *Не-не мы не-из'дили ву-мине свекруха там ў-диревни жыла // (с. Большой Атмас, Черлакский р-н, Сильченко Л.Т., жен., 76 л., (?), рус.-укр., 2004).*

В ряду с общерусским *свекровь* наименование *свекрова* может быть нейтральным (*И-свикрова мая ужы старин'кая была* – с. Атирка, Тарский р-н, Белоножкина В.С., 84 г., рус.-белорус., 2003; *Ну-а-свяхрова была / две залофки была // и-жыли ничаво жыли / так пражыли жысь //* – с. Атирка, Тарский р-н, Белоножкина В.С., 84 г., рус.-белорус., 2003) или иметь пренебрежительную (даже осудительно-пренебрежительную) окраску в наших говорах: *Я замуш и-шла и-малинову вот-тады ужы прышла а-свяхрова была пьяница // (с. Седельниково, Седельниковский р-н, Ковалева Л.Г., 78 л., 2 кл., рус.-белорус., 2005).*

Большую часть рассматриваемой группы некровного родства составляет в нашем материале нейтральная лексика. Входящие в нее слова, как правило, не имеют коннотативных аффиксов, как и в литературном языке:

Вот Новикавы ани работали / муш и-жэна // с'лифкадделение // вот ани слифки делали // (с. Иванов Мыс, Тевризский р-н, Горляковская М.И., 76 л., 4 кл., старожил., 2006);

Там нет работы // жэна учытьльница // (д. Никольское, Тевризский р-н, Фомина Е.Г., 87 л., 4 кл., старожил., 2006);

Приехала / мальчик у-миня ни-бегал / приехала ужэ бегаит / с-сверкровоушай // А-зять чё? // Свякрофь дома / фсё помогла свьякрофь // (д. Сыщиково, Седельниковский р-н, Фомина А.В., 87 л., (?), новосел., 2004).

Кроме лексем, этот фрагмент диалектной картины мира объективируется в исследуемых говорах через описательные конструкции – *жынкин мать и мому мужу сестра*:

Жынкин мать ужэ не-саабражайэт // (с. Шипицыно, Большереченский р-н, Пирогов И.И., 76 лет, 7 кл., старожил., 1999);

Мне вос'мис'т второй уод идёт // Моя золоушка мому мужу сестра тожа в-омским живёт // а-муж мой умер-уж // (д. Красный Яр, Большереченский район, Бубнова Т.Г., 82 г., (?), старожил., 1996).

Жынкин мать – наименование образовано с помощью притяжательного прилагательного с суффиксом *-ин-* и единицей кровного родства (*мать*). Хотя и использовано для обозначения лица женского пола, но имеет в нашем материале мужской грамматический род.

Мужу сестра – древняя форма беспредложного управления (Д.п.), где *сестра* – акцентный вариант литературного *сестра*. Анализируемое цельное наименование употребляется в контексте наряду с эквивалентом *золоушка* в качестве метатекстового толкования значения данной лексемы.

Особый интерес представляют наименования, актуализирующие связь концептов ЖЕНЩИНА и ВРЕМЯ. Сема 'время' или 'возраст' может содержаться в самой номинативной единице (выражено лексически) – *старуха, старушка, баба / бабан'ка, жєнцина*:

Мы тут двое са-старухай сидим / там двое са-старухай сидят // (с. Муромцево, Муромцевский р-н, Змейкова И.П., 84 г., 4 кл., старожил., 2004); Ну-например жынкин брат маёй-ўот жынки старушки брат радной // (с. Кам-Курск, Муромцевский р-н, Лободенко Д.И., муж., 72 г., (?), рус.укр., 2004);

Он мужык и-жєн'щина и-їета и-доч'ка у-їих и-ани работайит // (д. Семёновка, Калачинский р-н, Хохлова З.М., 72г., рус.-белорус., 2004);

Кат-та пашли в-лес / бабан'ка с-нами / у-ней ноги бал'ны были / тиха шла //... Он прибёг / кричит где бабан'ка / а-мы спужались / да-иму и-гаварим // а-бабан'ка ни-вилела сказывать што ана ф-потпали сидит // ((?), Зимина Т.И., 82 г., (?), старожил., 1994).

Эта сема может содержаться и в сопутствующих специальных языковых единицах – *старая, первая, вторая, другая* – в таких случаях фиксируется «порядок следования» жен. В следующем контексте наблюдается согласование прилагательных с основной единицей *жена, сноха, дочь* и придание ей дополнительного смысла *времени*:

Сын адин / он с-первай жыной разашолся / уехали / жынился сын на-другой / девачья у-ней была / сколкэ ей / читьре годэ // (д. Курляно-Дубовка, Тарский район, Шталь А.Я, жен., 65 л., (?), рус.-латыш., 2002);

А-вы знаете / сын стал са-фтарой снахою у-германии жыть / так-ани привозют и-псылают такие пач'ки / краски фсякие // (д. Лапино, Таврический р-н, Гордиенко М.А., жен., 75 л., (?), рус.-укр., 2004);

Адин сын уухал в-германию / но-тол'ка в-уос'ти ани не-пришжали / вот // он с-старой жэной разашолся / а-на-фтарой жэ-нился / немка / уухал в-Германию // (д. Лапино, Таврический р-н, Гордиенко М.А., жен., 75 л., (?), рус.-укр., 2004).

Слово *супруга* выступает лексическим вариантом *жены* и входит, таким образом, в группу *некровного родства*. Но в смешанных говорах в употреблении данной лексемы есть особенности: в окончании тв.п. ед.ч. использовано *-эй*, а не *-ой* (как в литературном языке):

С-супругэй с-эдново техникъмэ // (с. Цветочное, Русско-Полянский р-н, Гофман Р.В., муж., 73 г., рус.-укр., (?), 2003).

Актуализация семы 'время / возраст' при наименовании лиц женского пола указывает на важность признака *старость / молодость* в концепте ЖЕНЩИНА. Когда мужчина называет свою жену *бабушкой*, *бабкой* это, прежде всего, связано со сменой социальных ролей (из *молоденькой* женщина превращается в *старуху / старушку*). При этом происходит еще и наложение семейных функций: *мать* становится *бабушкой*, хотя это одно и то же лицо:

А тигерь хто-ш...старушка стала-вот // Еицё / слава Богу / пака памалкваш / ничё / никаво ни-панимаеш / сын фсё сам / чё ни-магу зделать / тол'ка када сыну... // (с. Муромцево, Муромцевский р-н, Змейкова И.П., 84 года, 4 кл., старожил., 2004);

[Вы с женой живете?] *З-бапкай дваём //* (с. Кам-Курск, Муромцевский р-н, Галсбергер А., муж., 66 л., (?), рус.-нем., 2005);

По-старикофски шоб красивей была...ну бапка пришла-бы но-ана далико тяпаит картошку / (с. Кам-Курск, Муромцевский р-н, Галсбергер А., муж., 66 л., (?), рус.-нем., 2005);

Систра тожэ старая ужэ белая фся-ужэ / тожы ей ни-везёт / (с. Кам-Курск, Муромцевский р-н, Галсбергер А., муж., 66 л., (?), рус.-нем., 2005);

[Бабушка не болеет?] *Нет бабушка слава Богу спасибо Богу / Бабушка мая //* (с. Кам-Курск, Муромцевский р-н, Галсбергер А., муж., 66 л., (?), рус.-нем., 2005);

Я-ужэ не Артём у-нас и-радас'ть кагда у-миня радас'ть мама пришла у-тибя мая доч'ка пришла твая бабушка пришла у-миня

радас'ть я кричю ура // (г. Тара, Тарский р-н, Блум М.П., жен., 71 г., 4 кл., рус.-эстон., 2007);

С-Арлофской губернии но-бабышка малин'ка бабушку привезли анищё бабушка ўот маи бабышка Авдоти Ивановна мамина мать / анна // (с. Крутинка, Крутинский р-н, Баранова Г.И., 66 л., (?), новосел., 2006).

Изменение социального статуса женщины последовательно отражено в номинациях: *невеста* становится *женой*, затем *матерью*, а позже – *бабушкой*. Таким образом, манифестируется цикл жизни женщины, именно поэтому признак *старость* / *молодость* входит в околядерную зону исследуемого концепта, дополняя релевантные и входящие в ядро признаки концепта, такие как *семейность*, *способность к деторождению*, *продолжению рода*, *привязанность к семье* *умение уживаться с большой семьей родственников*. Эти признаки объективируются терминами кровного родства *дочь*, *сын*, *внук*, *внучка* и т.п. и их диалектными вариантами и синонимами (предмет дальнейшего исследования).

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.

Говоры Среднего Прииртышья: хрестоматия / Авт.-сост. М.А. Харламова. – Омск, 2011.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб., 2000.

Садретдинова Г.А. История заселения русскими Западной Сибири в связи с изучением сибирских старожильческих говоров // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. – Омск, 1999.

Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Т. 4. – М., 1984.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. – М., 2002.

Харламова М.А. Современное диалектное членение говоров Среднего Прииртышья // Диалектологическая практика: программа и методические указания к проведению диалектологической практики (для студентов II курса очного отделения филологического факультета) / Сост.: М.А. Харламова, Л.С. Зинковская. – Омск, 2007.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2, 3. – М., 1986.

© Сафонова Н.С., 2012

© Харламова М.А., 2012

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беглова Елнна Ивановна – д. филол. н., профессор Стерлитамакской государственной педагогической академия им. Зайнаб Бишевой, г. Стерлитамак, Россия.

E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Бекасова Елена Николаевна – д. филол. н., профессор Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.

E-mail: bekasova@mail.ru

Белякова Светлана Михайловна – д. филол. н., профессор Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия.

E-mail: omniamea@freemail.ru

Ваулина Ирина Александровна – аспирант Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irinkakakakaka@mail.ru

Вепрева Ирина Трофимовна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Воробьева Наталья Александровна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Гоголина Татьяна Владимировна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: gogolintv@yandex.ru

Голованова Елена Иосифовна – д. филол. н., профессор Челябинского государственного университета, г. Челябинск, Россия.

E-mail: ligol@csu.ru

Гридина Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Демидова Калерия Ивановна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

Ерофеев Константин Геннадиевич – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.

E-mail: Kostya.erofeev@mail.ru

Ефимова Оксана Павловна – аспирант Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.

E-mail: opuyefimova@gmail.com

Зуева Татьяна Алексеевна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: zuyeva@mail.ru

Калужникова Татьяна Ивановна – д. искусствоведения, профессор Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tkalugnikova@mail.ru

Ян Ке – к. филол. н., профессор Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли КНР, г. Гуанчжоу, Китай.

E-mail: mashayang1963@yahoo.com.cn

Кирилова Ирина Владимировна – к. филол. н., старший преподаватель Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irishakuz@yandex.ru

Ковальска Эва Хаарчаана Адамовна Станиславовна – студентка Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амурсова, г. Якутск, Россия.

E-mail: qaarcaana@mail.ru

Кондрашина Анна Александровна – учитель русского языка и литературы МКОУ СОШ № 25, аспирант Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил, Россия.
E-mail: November-81@yandex.ru

Коновалова Надежда Ильинична – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: sakralist@mail.ru

Купина Наталия Александровна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Курбангалеева Гузель Мансуровна – к. филол. н., доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия.
E-mail: dialina2002@mail.ru

Кусова Маргарита Львовна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: mlkusova@mail.ru

Лавкова Ирина Владимировна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.
E-mail: lavkovaira@mail.ru

Лаврова Наталия Александровна – к. филол. н., доцент Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия.
E-mail: lavruscha@gmail.com

Лаппо Марина Александровна – к. филол. н., доцент Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия.
E-mail: lappo2000@mail.ru

Ли Сюодуань – студентка Уральского государственного педагогического университета, провинция Хэнань, Китай.
E-mail: li.xiaoduan@yandex.ru

Мелихова Мария Александровна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.

E-mail: melichowa@mail.ru

Михайлова Ольга Алексеевна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: oamih@yandex.ru

Моргунова Людмила Александровна – аспирант Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: netta1821@mail.ru

Муль Ирина Леонидовна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.

E-mail: mul.alex@mail.ru

Николенко Ольга Юрьевна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия

E-mail: nikolenkoolga@mail.ru

Олешков Михаил Юрьевич – д. филол. н., профессор Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил, Россия.

E-mail: oleshkov@ Rambler.ru

Попова Лариса Георгиевна – д. филол. н., профессор Московского гуманитарного педагогического института, г. Мичуринск, Россия.

E-mail: larageorg@inbox.ru

Попова Татьяна Витальевна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: popovatv@mail.ru

Пятова Елена Александровна – магистр филологии, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МОУ «Троицкая СОШ №5», г. Талица, Россия.

E-mail: pyatovae@mail.ru

Руденко Юлия Анатольевна – к. пед. н., доцент Южноукраинского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Одесса, Украина.

E-mail: rudenkoj@gmail.com

Рут Мария Эдуардовна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: fasmer@yandex.ru

Сафонова Наталья Сергеевна – магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.

E-mail: nasa1104@mail.ru

Семенов Александр Евгеньевич – к. филол. н., доцент Челябинского государственного университета, г. Челябинск, Россия.

E-mail: semenov_ae@inbox.ru

Тонкова Елена Георгиевна – к. филол. н., старший преподаватель Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: eltonkova@yandex.ru

Тюлькина Наталья Владимировна – студентка Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия.

Упоров Артем Андреевич – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: uartyom@yandex.ru

Фомина Юлия Сергеевна – к. филол. н., доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия.

E-mail: ufom@mail.ru

Харламова Марина Александровна – к. филол. н., доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.

E-mail: khr-spb@mail.ru

Чиршева Галина Николаевна – д. филол. н., профессор Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.

E-mail: chirsheva@mail.ru

Шапор Ирина Петровна – аспирант Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия.

E-mail: nekotyana@mail.ru

Шпильман Марина Владимировна – к. филол. н., доцент Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия.

E-mail: s.m.v@mail.ru

SUMMARY

CHILDREN'S SPEECH AS SPACE OF LANGUAGE CREATIVE IDEA

Gridina Tatiana. Language «reality» as the fact of children's consciousness

Annotation: Typical manifestations of spontaneous and conscious playing activity of a child are analyzed in the article, also a typology of game innovations of children's speech is suggested. The author advances an idea of necessity of working out of principles of interpretation of children's innovations, which would be adequate to reality of language consciousness of the child.

Keywords: creativity in language activity, associative potential of a word, an innovation of children's speech, language consciousness of a child.

Kupina Natalia. Units of a creative text in children's speech

Annotation: The author investigates creative speech activity of a child which involves it in a process of collective creativity. The special attention is given to the aesthetic and communicative pragmatic importance of children's language innovations, some kinds and functions of units of a creative text in children's speech are revealed.

Keywords: creative speech activity, criterions of creativity, language creativity.

Kusova Margarita. Parametrisation in speech of children of primary preschool age

Annotation: Methods of a designation of signs of subjects and signs of actions in a primary ontogenesis are analyzed in article, because these lexical units are evidence of booming and specifying linguistic view of the world of a child.

Keywords: children's speech, linguistic view of the world, diary written records, an initial vocabulary.

Shapor Irina. Specificity of a representation of dynamic propositions in children's speech

Annotation: Syntax of children's speech from the point of view of modeling of a structure and semantics of an elementary simple sentence is

investigated. Changes of means of expression of spatial relations by children in connection with their cognitive development are analyzed.

Keywords: spontaneous children's speech, static and dynamic propositions, an elementary simple sentence.

Morgunova Ludmila. Innovations of perception of speech as a manifestation of creativity in language activity of a child

Annotation: Features of mechanisms of meaning's formation in children's speech are considered. The special attention is given to one of kinds of linguocreative activity of a child which is revealed in motivational reflexion when children interpret unknown words.

Keywords: creativity in language activity, children's speech, word creation, motivational reflexion, a process of speech intellect.

Kaluzhnikova Tatiana. The intonational meaning of echoisms in children's spontaneous singing

Annotation: Echoisms is considered as a complex form of sound dialogue including audio and paralinguistic means (mimicry, gestures, motions, etc.). Kinds of children's echoisms and sequence in mastering of types of sound imitations in an ontogenesis are revealed.

Keywords: echoism, figurative intonations, vocalizations, sound symbolism, ontogenesis.

Chirsheva Galina. Interlanguage innovations in speech of American Russian children

Annotation: The most typical structural and pragmatical features of innovations in speech of bilingual children are investigated. Transformation of units of guest language by rules of matrix language is considered as the factor which stimulates a language game, interlanguage creativity and helps to stop decrease of bilingualism.

Keywords: bilingualism, switching of codes, matrix language, guest language, interlanguage creativity.

CREATIVE PRACTICES OF A LANGUAGE PERSON

Mikhailova Olga. Creativity in terminology (on the material of «emic terms»)

Annotation: The author considers creativity in terminology which is displayed in an active process of formation of terms and specialization of separate word-formation formants. In particular, terms from sphere of linguistics with the formant -em(a) and directions of its functioning are analyzed.

Keywords: creation of terms, a variant, an invariant, a paradigm, levels of language system, a language as activity.

Golovanova Elena. The playing beginning in M.V. Panov's scientific discourse

Annotation: The correlation of the rational, logic and playing beginning in a scientific discourse of distinguished Russian linguist M.V. Panov is analyzed in the article. The author reveals characteristic features of a discourse which reflect features of the language person of Panov (heuristic experience of language, emotions, elements of experiment and game).

Keywords: a metaphor, symbolical modeling, experiment, rational-logic constructions, heuristicity.

Rut Maria. A language person of a philologist: sinuous paths of literary associations

Annotation: Linguocreative practices of communication in sphere of creation of occasional nominations by members of philological community are considered in article. Case meanings as an underlying layer of an associative context of a word are revealed.

Keywords: a language person, language game, a nominative competence, game communication.

Lappo Marina. Language game in self-identification as a strategy of compensation of damage of «person» speaking and listening

Annotation: Specificity of language game in self-identification statements is described. Restrictions in acts of self-presentations which exist in Russian speech culture are considered. Strategy of «retentive person» and strategy of «defective person» of self-identification are revealed.

Keywords: self-identification, language game, speech communications, literary text.

Shpilman Marina. About features of use by a language person of different types of speech masks

Annotation: The speech mask as a manifestation of the communicative competence of speaking on an example of characters of a literary text is investigated. Classification of speech masks according to spontaneity / readiness, one-time / frequentative use, duration of use is suggested.

Keywords: a speech mask, communicative competence, a language person, intension.

Vepreva Irina. Metalinguistic opinion at Russian joke

Annotation: The author analyzes jokes which beat the creative use of different forms of a language sign: the sound form of a word, its graphic and spelling shape, grammatical and word-formation characteristics, lexical meaning and the stylistic register of a word.

Keywords: metalinguistic reflexion, speech activity, cognitive strategy, communicative practice.

Beglova Elena. Text creative role of phraseological units in the small speech genres

Annotation: Features of semantic and formal transformation of phraseological units are analyzed at creation of texts of small speech genres (aphorisms, verse of one line, etc.) of the comic orientation, which are intended for creative communication.

Keywords: speech genre, creative thinking, humorous culture, expression.

Lavrova Natalia. Contamination and paronymous attraction

Annotation: The author considers one of the most active processes in a modern language situation – word creation. Kinds of contaminants (including paronymous and casual phonetic approximations) and its pragmatical functions are revealed.

Keywords: paronyms, contamination, language game, explicit and implicit attraction, word creation.

Mul Irina. Playing linguistic code of a chastooshka: mechanisms, methods and functions

Annotation: Linguistic mechanisms of language game in a chastooshka, which actualize morphodiversion, syntagmatic and semantic potential of a language sign, are investigated. The game linguistic dominant of a chastooshka's text, possibility of its multivariate (ambiguous) interpretation is revealed.

Keywords: language game, creativity in language activity, creativity in language techniques, small forms of folklore.

Uporov Artem. Metaphors of unusual as manifestation of speech creativity

Annotation: Means of metaphorical conceptualization of unusual through gradual, sensory and conceptual metaphors that permit to intensify semantics of exclusiveness are described.

Keywords: a metaphorical image, a semantic class, nominations of valuation, metaphorical modeling of reality.

Tonkova Elena, Tyulkina Natalia. Linguocreative activity of manufacturers of the goods for children and teenagers

Annotation: Word creation directions in sphere of an artificial nomination of the goods for children and teenagers (use of diminutive hypocoristic suffixes, possibilities of occasional word-formation, substandard vocabulary, etc.) are investigated.

Keywords: word creation, a process of nomination, speech substandard, language game, creativity.

Fomina Julia. Role communicative active needs in formation of linguistic and not linguistic consciousness of a person

Annotation: Formation and development of a motivational level of a language person through a prism of pragmatics of speech communication are analyzed. Results of testing of the students, which reveal level of their communicative competence, are resulted.

Keywords: a language person, the communicative competence, motivational sphere, pragmatics.

Oleshkov Mihail. Emotionality of a pedagogical discourse in aspect of creativity

Annotation: Communicative acts tinged with emotions which are realized in a process of a pedagogical dialogue are investigated. The special attention is given to spontaneous creative emotional statements of a teacher.

Keywords: a competence, creativity, genre specificity of a pedagogical dialogue, language methods of expression of emotions, speech acts, language game.

Kondrashina Anna. Pedagogical discourse: an axiological stereotype and a linguocreative practice of a teacher

Annotation: The author considers features of a pedagogical discourse from the point of view of its purposes, strategy and axiological bases. Methods of realization of a game strategy in a pedagogical discourse are mentioned.

Keywords: linguocreative activity, a pedagogical discourse, a communicative situation, a stereotype, a creative person.

Rudenko Julia. Methodical aspects of improvement of linguocreative activity of future kindergarten teachers of preschool institutions

Annotation: The problem of development linguocreative abilities of a person through a system of communicative trainings is investigated. Some kinds of game tasks are suggested.

Keywords: communicative training, linguocreative abilities, an oxymoron, emotional expressional vocabulary.

Popova Tatiana. Linguistics of a defective text

Annotation: An analytical review of areas of the modern humanities which is directed to research of a defective text is presented. Different types, reasons and functions of text anomalies are revealed.

Keywords: a norm, an anomaly, a defective text, linguistics of a text.

Gogolina Tatiana. Creative potential of a poetic text: punctuation and sense

Annotation: Results of psycholinguistic experiment which allow to reveal features of reader's perception of a poetic text, which was given to examinees without punctuation signs, are presented. Specificity of connection of semantic usage of capacity of a poetic text is defined with its punctuation design.

Keywords: a poetic text, a psycholinguistic experiment, punctuation, creative potential.

Pyatova Elena. Psycholinguistic experiment as a method of work with a text

Annotation: The author analyzes the text competence as a necessary component of language ability which provides success of the native speaker in communications processes. Methods of psycholinguistic experiment which promote reflection of a pupil over the text's content.

Keywords: perception and product of a text, a psycholinguistic experiment, language consciousness, a text competence.

CREATIVE POTENTIAL OF A LINGUISTIC SING IN LINGVOCULTURAS CONTEXT

Belyakova Svetlana. *Stalker*: a name of destiny and destiny of a name

Annotation: In article the analysis of author's neologism *stalker* from the point of view of its phonetic shape, word-formation and semantic structure is offered. Development of semantics of the neologism in modern social and cultural context is investigated.

Keywords: a neologism, associative components of meaning, motivation of a name.

Bekasova Elena. Creative on the verge of languages

Annotation: Laws of functioning of the system of Russian and Turkic proper names in one territory are investigated. National and cultural features of historically developed tradition of names of a person are revealed.

Keywords: a proper name, mental preferences, a case name, an interference of languages, creativity in language.

Vaulina Irina. Aspects of perception of an expressional word: experimental data

Annotation: Features of perception of meaning of a stylistically coloured word in the ratio with its neutral equivalent are revealed experimentally. Factors which influence on actualization of expressional potential of a word are defined.

Keywords: perception, an associative field, expressional vocabulary, linguistic consciousness.

Vorobieva Natalia. Phraseological variants in the light of creative speech activity of dialectal informants

Annotation: Various types of phraseological units' variations (formal, semantic) as reflection of linguo-creative activity of dialectal informant are investigated.

Keywords: a phraseological unit, a variation, dialectology, a language, culture.

Gridina Tatiana, Lee Syaoduan. Phraseological nominations with the temporal semantics in Russian and Chinese languages: problem of equivalence

Annotation: The authors reveal national and cultural distinctions in time representation in Russian and Chinese linguistic view of the world on the material of phraseological units with temporal semantics. Also ideographic intercultural universals and symbolical meanings without equivalent in Russian and Chinese phraseologies are revealed.

Keywords: interlanguage universals, ethnocultural specificity, a semantic field, phraseological units, symbolic of time.

Demidova Kaleria. Psychological frames, which are conditioned cultural, in consciousness of informants of dialects and their reflection in semantic frame of a word

Annotation: The author considers specificity of a dialect worldview, its uniqueness in a type of representation in dialects of frames of consciousness, which are conditioned cultural.

Keywords: a dialect worldview, language consciousness, thinking of an informant of a dialect, semantic frame of a word.

Erofeev Constantine. Modern state of onomastic spaces through a prism of creative practice of a language person

Annotation: The author analyzes composition of the second informal names which are treated as personal proper names of one territory as a demonstration of creative practice of a language person. The various reasons for classification of nicknames by a form, frame and a motivating basis are considered.

Keywords: a system of proper names, a language person, nicknames, communication.

Efimova Oksana. About existential features of cockney

Annotation: The author describes stages of change of meaning of the term *cockney*, cites an example of lexical units which are used by modern cockney as a language game.

Keywords: cockney, Standard English language, dialect, slang, language game.

Zueva Tatiana. Aphoristic background of a word "friend" in the light of indications of language consciousness

Annotation: The author investigates a problem of «readability» of meaning of proverbs by native speakers. Type of perception by modern native speakers of traditional figurative senses of proverbs about a friend is revealed experimentally.

Keywords: traditional national culture, proverb, indications of linguistic consciousness, psycholinguistic experiment.

Kirilova Irina. Stylistic synonyms in a semantic field of «Nechistaya sila»

Annotation: Stylistic synonyms of a semantic field «Nechistaya sila» are investigated, specificity of its use in phraseological combinations are revealed.

Keywords: cultural linguistics, name of demon's character, stylistic synonyms, desacralization.

Kovalska Eva. Modern language situation in mixed families: research of multilingualism

Annotation: Article presents a sociolinguistic research of multilingualism in mixed families. The author tries to reveal factors which define pref-

erences of bilinguals in a choice of a communicative language in different speech situations.

Keywords: multilingualism, a language situation, tolerance, intercultural communication.

Konovalova Nadezhda, Yang Ke. Metaphorical parallelism in Russian and Chinese proverbs

Annotation: Proverbs of Russian and Chinese languages are investigated, universal and ethnospecific methods of semantic expression of parallel motives in national linguistic views of the world are revealed.

Keywords: cultural linguistics, a linguistic view of the world, figurative analogies, interlanguage universals, national cultural specificity of linguistic units.

Kurbangaleyeva Guzel. About some features of functioning of vocabulary of Russian dialects of Bashkiria

Annotation: The author describes tendencies of functioning of dialect systems of Russian dialects in polyethnic territory of Bashkiria. The analysis of lexical semantic changes, which are conditioned such tendencies, as permeability, openness, lack of obligatory maintenance of norms of diasystems, is offered.

Keywords: dialect vocabulary, Russian dialects, literary language, neologisms.

Lavkova Irina. Lexical units *sobornost* and *kollektiv* in modern linguistic consciousness

Annotation: The author analyzes changes in consciousness of informant of modern Russian, which are connected with comprehension of semantic denotation, designated by Russian lexical units and loanwords.

Keywords: real Russian vocabulary, loanwords, semantic denotation, *sobornost*, *kollektiv*.

Melikhova Maria. Allegorical transfer as method of enrichment of modern Russian by Slavonicisms

Annotation: The author describes process of a manifestation of a metaphor in activity as a universal method of replenishment of vocabulary of a national language. Tendencies, which connected with activation of a process of metaphorical transformations of Slavonicisms are analyzed.

Keywords: active and receptive vocabulary, semantic processes in vocabulary, a manifestation of a metaphor in activity.

Nikolenko Olga. Linguistic studying of a phenomenon of relationship

Annotation: Different hypostasises and language representations of a phenomenon of relationship are investigated. Tasks in studying of this phenomenon from the point of view of anthropocentric linguistics are detected.

Keywords: terminology, relationship's vocabulary, a concept, a metaphor, presentations, syncretism.

Popova Larisa. Creativity in language activity and cultural memory of words

Annotation: Manifestation of linguocreative activity of society which is revealed in proverb's collection of German, in the limits of studying of a problem of a correlation of a language and culture is considered.

Keywords: language and culture, linguocreative activity, proverbs, a language situation.

Semenov Alexander. Concept «*nebo*» in Russian linguistic objectivization: a method of interpretation

Annotation: Language means of an objectivization of concept *nebo* on the material of lexical and phraseological units taking into account its frequency, semantics development, valency of compatibility and contexts of use are investigated.

Keywords: a lexicological and phraseological field of concept, a national worldview, Russian linguistic consciousness.

Kharlamova Marina, Safonova Natalia. *Muzhu sestra zolovushka* (About onceptualization of a *woman* in dialects of Srednee Priirtshe)

Annotation: Verbalization of one of basic concept of Russian linguistic view of the world (concept *zhenshhina*) through a prism of process of a nomination in dialects of late occupation is investigated. Indications of linguistic consciousness which fixed in metatexts and reflect reflexion of informant of dialects over used nominations are considered.

Keywords: a concept, lexical semantic group, terms of relationship, linguistic view of the world.

Электронный научный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Серия

**«ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ:
ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА»**

Сетевой адрес журнала: <http://journals.uspu.ru>

Издатель: ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Тел.: (343) 235-76-64; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 1 раз в квартал

Периодичность серии: 1 раз в год

Выходные сведения:

Уральский филологический вестник:

Электронный научный журнал. 2012. № 2.

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»

(Вып. 20). – URL: <http://journals.uspu.ru>